Сокровища древне-русской литературы

Слово о полку Игореве

Сокровища древнерусской литературы

Сокровища древнерусской литературы

Слово о полку Игореве

Древнерусский текст и переводы

Иллюстрации
Владимира Носкова

Москва
«Советская Россия»
1981

Составление, вступительная статья,
подготовка древнерусского текста и комментарий
В. И. Стеллецкого

Под редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Ф. П. Филина

Оформление
Б. Диодорова

С $\frac{70301-178}{М-105(03)81}$ 115—80 4702010100

«Слово о полку Игореве»

(содержание, поэтическая форма и его автор)

1

Главным чувством, которое волновало автора «Слова о полку Игореве», была любовь к земле Русской, к своему народу, русичам, и эту любовь к родине, скорбь о ней, боль и негодование на зачинщиков «крамолы», на большинство феодалов-князей и жаждал выразить он в бессмертной поэме. «Загородите Полю (т. е. врагам.— *В. С.*) ворота своими острыми стрелами за землю Русскую!» — вот основная идея его произведения. А потому он призывает важнейших князей Руси 80-х гг. XII века объединиться в борьбе с половцами под главенством киевского князя и уничтожить самого коварного врага Руси — половецкого хана Кончака. «Стреляй, господине, Кончака... за землю Русскую!»

«Такова вечно живая идейность поэмы, созвучная всем временам, — писал акад. С. П. Обнорский, — горячая любовь к родной земле, клич к единению всех сил страны за ее целостность и свободное самостоятельное развитие, призывы к борьбе единой землей против врагов ее. Эти идеи памятника, простые, всякому русскому сердцу понятные...»[1] Автор «Слова», утверждал А. Мицкевич, «выражает чувства, общие всему славянству той эпохи, стремление к сильному, могучему и, главное, единому государству»[2].

Победа в справедливой оборонительной войне, войне за сохран-

---

[1] Обнорский С. П. Очерки по истории русского литературного языка. М.—Л., АН СССР, 1946, с. 132.

[2] Мицкевич А. Курс славянских литератур. — Собр. соч., т. 4, Гослитиздат, 1954, с. 166.

ность горячо любимой культуры родины против варваров, ее разрушающих, вызывает ликование, как полагает автор «Слова», у всех народов Центральной Европы: «Тут немцы и венетичи, тут греки и морава поют славу Святославу», великому князю киевскому. Не к захватнической войне призывает творец «Слова» свой народ и князей, а к обороне родины во имя мира. Он с огромным уважением и гордостью говорит о единокровных половцам племенах и их вождях, о былях, могутах, татранах, шельбирах, которые живут в мире и ладу с русичами.

Творец «Слова» написал свое произведение в 1185 г., когда Киевская Русь находилась в трудном положении. Обширное государство, созданное энергичным государственным деятелем Олегом (882—912), прозванным народом «Вещим», воспетым в былинах[1], достигшее своего расцвета при князьях Владимире I Святославиче и Ярославе Мудром в 980—1054 гг., после смерти Ярослава начало расчленяться и клониться к упадку. Рост многих городов, устанавливающийся феодальный порядок повлекли за собой дробление страны на отдельные княжества, тяготящиеся зависимостью от Киева. Киев сохранял, однако, еще долгое время традиции своей славы и первенства в политическом и культурном отношениях, славился величественной архитектурой, историческими преданиями, могилами и гробницами прославленных князей, начиная с Олега Вещего, почитаемыми церквами и иконами, накопленными богатствами, торговым людом, а князь киевский носил титул «великого князя». Славился Киев, видимо, и менее известной нам культурой, развитостью и грамотностью людей, особенно приближенного к князю боярства, его «старшей» дружины, а также дружинными гуслярами, или «песнотворцами». Дробление страны на отдельные княжества сопровождалось беспрерывными войнами («усобицами») феодалов, стремящихся захватить более богатую область, иногда комулибо из них удавалось захватить и Киев.

Все это происходило перед лицом внешнего врага. К середине XI века кочевой тюркский народ — половцы, оттеснив печенегов к Дунаю, занял причерноморские степи, земли, на которых когда-то жили восточнославянские племена. Знаменитый торговый путь «из Варяг в Греки» перестал существовать. Реки Рось и Сула́ — притоки Днепра, стали пограничными. Торговый путь через Киев с Запада на Восток также оказался опасным и потерял свое значение. (Этому способствовали и первые крестовые походы (1096—1147), открывшие Западу новые пути на Восток.) Менее чем за полтораста лет половцы

[1] Его договор с Византией 911 года, видимо, можно считать датой начала древнерусской литературы. — См.: Обнорский С. П. Избранные работы по русскому языку. М., Учпедгиз, 1960, с. 119—120.

совершили свыше сорока крупных походов на Русь, а мелких набегов вдвое больше.

Для понимания исторических отступлений «Слова о полку Игореве» необходимо более подробно рассказать о предшествующих созданию «Слова» событиях. После кончины Ярослава Мудрого в 1054 г. три старших сына Ярослава наследуют важнейшие области. Изяслав получил Киев, Новгород и Туров. Святослав — Чернигов и земли до Рязани, а также отдаленную Тмуторокань (на северокавказском побережье Черного моря). Всеволод получил Переяславль и Суздаль с Ростовом. В 1073 г., используя недовольство киевлян Изяславом, Святослав и Всеволод изгоняют его из Киева, и киевским князем становится черниговский князь Святослав, после смерти которого в 1076 г. киевский престол переходит к Всеволоду Ярославичу. Недовольные этим князья: сын Святослава II — Олег («Гориславлич» «Слова») и сын одного из младших Ярославичей — Борис, приведя с собой половецкие войска, подошли к Чернигову. Против них выступили четыре князя со своими войсками: Всеволод I со своим сыном Владимиром Мономахом, Изяслав I с сыном Ярополком. 3 октября 1078 г. на Нежатиной ниве произошло кровопролитное сражение, в котором были убиты Борис и Изяслав. Половцы были разгромлены, и Олег бежал в Тмуторокань. Всеволод посадил сына своего Мономаха князем в Чернигове, на который претендовал как на отцовское наследие («отчину») Олег Святославич. В 1094 г. Мономах, признавая его право, добровольно уступает ему Чернигов, а в 1097 г. созывает съезд в Любече, участники которого решают признавать право князей на наследие своих отцов. Но и это решение не избавило Русь от усобиц. Владимиру Мономаху Всеволодовичу, ставшему по воле киевлян в 1113 г. киевским князем, удается временно объединить значительную часть русских земель. Дело Мономаха продолжил его сын Мстислав I Великий (1125—1132). После смерти Мстислава при его брате Ярополке, ставшем киевским князем (1132—1139), разгорается борьба как среди Мономаховичей за киевское княжение, так и среди Ольговичей за черниговское. После смерти Ярополка Всеволод II Ольгович становится киевским князем (1139—1146).

Во второй половине XII века Киевская Русь окончательно распалась на самостоятельные княжества, настает время, которое историки называют эпохой феодальной раздробленности. На северо-востоке слагается могущественное Владимиро-Суздальское княжество — «Русь Залесская», в котором создается к началу XII века городок Кучково-Москва. Зависимым от суздальского князя становится Рязанское княжество. Но все же князь владимиро-суздальский Юрий I Долгорукий долгие годы (в 1146—1154) вел борьбу со своим племянником Изяславом II Мстиславичем за киевский великокняжеский престол и достиг цели лишь в конце своей жизни (1155—1157). Сын Юрия Андрей пре-

небрег киевским княжением, утвердился в селе Боголюбове под Владимиром и в 1169 г. послал большую рать для борьбы с киевским князем Мстиславом II Изяславичем. Киев был взят и подвергся разгрому. От этого разгрома Киев уже не оправился. Некоторые его святыни были увезены во Владимир. Особенного могущества достигло Владимиро-Суздальское княжество при брате Андрея, Всеволоде III, провозгласившем себя наравне с киевским великим князем.

От Карпат («Угорских» гор) на восток создавалось другое могучее княжество. Это была Галицкая земля, достигшая расцвета при Ярославе, которому автор «Слова» дает лестное прозвище «Осмомысл» («восьмимысленный»). С Галицкой землей граничило сильное княжество Волынское, на северо-востоке от него были расположены Туровское и влиятельное Смоленское княжества. На севере от Волынской земли находились небольшое княжество Городенское и обособившееся еще при Владимире I — Полоцкое. Обе эти области подвергались постоянным набегам литовских племен, а Полоцкая к тому же страдала и от внутренних раздоров. Север Руси занимала Новгородская земля. Стала почти независимой от Киева также и Черниговская область.

В Киевской земле в это время сложились необычные политические условия. Влиятельный князь Рюрик Ростиславич, правнук Мономаха, после победы в 1181 г. над Ольговичем, внуком Олега Святославича, Святославом Всеволодовичем у Долобска оставил за собой Киевскую область с резиденцией в Белгороде, уступив Киев, потерявший свое значение, и номинальное великое княжение старшему сородичу Святославу Всеволодовичу. Власть двух князей, Мономаховича и Ольговича, своеобразное двоевластие, свидетельствующее об известном примирении этих двух династий, оказалось плодотворной в борьбе с половцами. Контролируемый Рюриком, Святослав III стал проявлять инициативу в организации походов против половцев. В конце 1184 г. Святослав и Рюрик, собрав князей переяславского, волынских, смоленского и др., предприняли поход против половцев, выиграли большое сражение, взяли в плен 7000 кочевников, в том числе хана Кобяка. Известно, что на призыв князя Святослава не откликнулся его брат Ярослав Черниговский, а также и его младший двоюродный брат Игорь Святославич, князь Новгород-Северский.

Какого же рода феодалом был Игорь Северский, о котором Пушкин отзывался как о неизвестном князе? Игорь Святославич был второстепенным удельным князем, находившимся в вассальном подчинении у Ярослава Черниговского и его старшего брата Святослава Киевского. Как вассалу этих князей случалось Игорю прежде в союзе с половцами, а именно с Кончаком, участвовать в борьбе князя Святослава с Всеволодом III и с Ростиславичами, правнуками Мономаха, Рюриком и Давыдом. Когда в 1181 г. половецкие войска, возглавляемые Игорем

и Кончаком, были разбиты у Долобского озера, Игорю пришлось в одной лодке с Кончаком переправляться на левый берег Днепра, убегая к Городцу под Черниговом. Тогда и было решено, вероятно, обручение сына Игоря Владимира с дочерью хана Кончака.

В 1184 г. Игорь не участвовал, как сказано выше, в походе коалиции князей во главе со Святославом. Возглавляя по своему положению небольшие силы, Игорь стремится, однако, выступать с ними самостоятельно. Призвав тех же молодых, подчиненных ему князей, которых он возьмет с собой позже в знаменитый поход 1185 г., Игорь повел их войска на вежи (стойбища) половцев, устремившихся против старших князей. Разбив за рекой Мерлем небольшой отряд половцев, шедших воевать на Русь, Игорь дальше идти не решился.

В феврале 1185 г. Кончак с большим войском направился на Русь, предложив Ярославу Черниговскому заключить мир. Святослав и Рюрик 1 марта разбили половцев. Ярослав Черниговский отказался участвовать и в этом походе, отговариваясь происходящими мирными переговорами с Кончаком. Игорь же гонцам, приехавшим к нему от Святослава, отвечал: «Не дай бог отрекаться от войны с погаными, поганые всем нам — общий враг». Игорь хотел выступить против половцев, но ему помешали вьюга и гололедица. В апреле 1185 г. Святослав послал своего воеводу Романа Нездиловича с союзными берендеями против половцев, и 21 апреля его войска снова разбили их. Сам же Святослав отправился в Кара́чев собирать союзников и войска для летнего похода на половцев.

Таковы события, частью отразившиеся в «Слове», которые дают нам представление о времени, когда жил его автор, а также события, непосредственно предшествовавшие неудачному походу Игоря. Этот поход задуман был, возможно, еще в марте после поражения Кончака. Победы последних лет Святослава и Рюрика воодушевили Игоря, и он понадеялся, что легко разобьет половцев, так как главные их силы были отвлечены, как он полагал, походами Святослава. Игорь ошибся в своих расчетах.

До нас дошло несколько летописных сообщений о походе Игоря. Особенно важное значение имеет помещенное в приложении к этой книге подробное и сочувственное Игорю описание его похода в так называемой Ипатьевской летописи, созданное новгород-северским летописцем. Менее достоверно резко осуждающее Игоря описание похода в Лаврентьевской летописи, составленное владимирским летописцем на основе летописи Переяславской. Воинскую повесть о походе Игоря Ипатьевской летописи дополняет целым рядом интересных и важных деталей описание его в «Истории Российской» историком XVIII века В. Н. Татищевым (1686—1750), который пользовался, кроме Ипатьевской, должно быть, и другими, сгоревшими в 1812 г. летопися-

ми[1]. В тех же случаях, когда описание Татищева расходится с Ипатьевской летописью, достовернее, естественно, непосредственный первоисточник, то есть летопись.

Рассказ Ипатьевской летописи представляет собой композиционно целостную, законченную воинскую повесть, выделяющуюся своими художественными достоинствами среди прозы XII века. Это свидетельствует о высокой культуре черниговской литературы того времени. Здесь мы имеем яркий образец ее. Спокойная интонация беспристрастного изложения фактов, ясность, точность языка, местами эмоциональная ритмическая речь. Рассказ ведется последовательно, в хронологическом порядке[2]. (Таково было мнение всех исследователей XIX века, а также и советских ученых: акад. А. С. Орлова, проф. С. К. Шамбинаго, В. Ф. Ржиги и др.)

В композиционном отношении летописная повесть состоит из четырех частей. В первой части описывается поход и поражение войска Игоря, русичей. Игорь выступил в поход 23 апреля во вторник, взяв с собой младшего брата Всеволода из Трубчевска, племянника Святослава из Рыльска и сына Владимира из Путивля. Ярослав Черниговский отрядил Игорю полк ковýев. Вечером 1 мая, когда войска Игоря дошли до берегов Донца, произошло солнечное затмение. Здесь, у впадения в Донец реки Оскола, Игорь два дня ждал войска Всеволода. Соединившись, они 9 мая подошли к реке Сальнице. На рассвете 11 мая русские войска неожиданно были окружены многочисленными полками половцев. В неравном бою русские были перебиты или взяты в плен. В плен попали и все князья. Спаслись случайно только около 15 русских, а ковуев еще меньше.

Вторая часть повести посвящена Святославу. Ради сосредоточения материала, относящегося к Святославу, в одном случае в повести нарушен хронологический порядок. Здесь говорится о том, что Святослав послал двух своих сыновей в Посемье по причине тяжкого по-

---

[1] Доказать, что В. Н. Татищев не имел не дошедшей до нас летописи, научным методом невозможно. Приписать ему сочинение фактических деталей, соответствующих исторической реальности, мы не имеем никаких оснований и права. См. Приложение и сноски к нему.

[2] В этой книге мы предоставляем возможность самому читателю оценить особенности и достоинство композиции летописной повести по нашему точному переводу. Подлинник летописного текста читатель может найти в кн.: «Слово о полку Игореве. Древнерусский текст и переводы». Пер. и коммент. В. И. Стеллецкого. М., Просвещение, 1965, с. 243—254.

ложения по реке Сейму, создавшегося походом Гзака, о котором сообщается в третьей части. В ней описывается поход Гзака в Посемье, а Кончака к Переяславлю. Далее рассказывается о ранении тремя копьями при вылазке против окруживших Переяславль половцев князя переяславского Владимира Глебовича, внука Юрия Долгорукого. (В «Слове» упоминается его сестра Ольга Глебовна, жена Всеволода.) В четвертой части летописец рассказывает о жизни Игоря в плену, а затем — о его удачном бегстве.

Сличая летопись со «Словом», мы встречаем в нем совершенно иную историко-политическую и моральную трактовку событий, чем в летописи. Если в повести поражение Игоря объясняется возмездием за его грехи и все последующие несчастья на Русской земле — наказанием господним за грехи князей и всего русского народа (на самом деле ни в чем не повинного), то в «Слове» виновниками всех бед и несчастий народа признаются князья, их «крамолы», преступные деяния. Если перу автора летописной повести о походе Игоря 1185 г. диктует церковь, то устами творца «Слова» говорит весь современный ему русский народ, городские и крестьянские массы. Автор «Слова» выступает заступником родины и народа перед лицом крамольников князей, естественно, что он говорит языком народа, «старыми словесы». «Словеса» — это не только слова, но и стиль, склад, то есть ритмика и композиция освященных веками дружинных военных песен.

Становится все более и более очевидным также, что черниговский (новгород-северский) летописец, написавший повесть о походе Игоря, имел рукопись «Слова» в своих руках, испытал влияние его. Так полагал еще акад. В. Н. Перетц (1926). И «Слово» и летописная повесть написаны на основе устных рассказов, но заметно, что композиция повести отчасти повторяет композицию «Слова». Описание в летописной повести солнечного затмения, упоминание реки Каялы, начало речи Святослава, диалог Гзака с Кончаком, хотя и иной по содержанию, — все это обнаруживает знакомство летописца со «Словом».

О высокой культуре Древней Руси говорят памятники церковной архитектуры и живописи (т. е. иконописи) XII—XIII веков, сохранившиеся в наших старинных городах. В соответствии с этим существовала также высокая словесная культура. Выдающимися памятниками являются летописи, написанные живым, эмоциональным, нередко глубоко трогательным языком. Но даже высокохудожественные произведения, включенные в летопись, например «Поучение» Владимира Мономаха и самые выдающиеся памятники церковной литературы, как «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона, проповеди Кирилла Туровского, все же не могут быть сравниваемы со «Словом

о полку Игореве». Во-первых, их идеология, их стиль совершенно иные, чем в «Слове», и, во-вторых, все они являются памятниками, безусловно написанными прозой, а в «Слове» мы наблюдаем несомненно стихотворную вязь. Поэтому акад. С. П. Обнорский справедливо пишет: «Трудно подыскать среди источников старой русской письменности объект для сравнения со «Словом»[1]. «Автор «Слова»,— писал один из больших знатоков его, — не был книжником, начитанным в той литературе, которую должен был знать каждый писатель-профессионал его времени (библейские книги, переводная беллетристика, история)»[2]. Этот же вывод подтверждает акад. М. Н. Тихомиров: «Крайняя ограниченность в указаниях на время и место событий XI в., описанных в «Слове о полку Игореве», заставляют отказаться от мысли, что автор «Слова» пользовался для рассказов об этих событиях какой-либо летописью... К счастью, сам автор «Слова» довольно точно указал свой источник. ...Он тут же указывает примерное содержание песен Бояна»[3].

Устная народная и дружинная поэзия Древней Руси до нас не дошла. Во-первых, упадок Киева, перемещение центров культуры на север, в «Русь Залесскую», в значительной степени погубили культуру дружин южных князей и дружинную поэзию. Во-вторых, церковники стремились уничтожить культуру исконно народную, «языческую», а также традиции дружинных «песнотворцев» — гусляров (например, песнопения Бояна не были записаны летописцами, потому что летописцы чурались их). Двоеверие и соответственно две весьма разнящиеся друг от друга культуры: народная, проникающая и в дружину князя и его двор, языческая, и христианская, а также двуязычие: народная речь и язык церкви — характерные явления эпохи X—XIII веков не только для Руси, но и для всех стран Европы.

Сыграло, вероятно, роковую роль и Батыево нашествие, при котором сгорело огромное количество рукописных книг. От устной народной и дружинной поэзии XI—XII веков до нас дошли только некоторые формулы величаний и заклинаний и былины, «беспрестанно поновляемые», по выражению А. С. Пушкина. Но «Слово» не былина:

---

[1] Обнорский С. П. Очерки по истории русского литературного языка. М.—Л., АН СССР, 1946, с. 132.

[2] Богуславский С. А. Слово о полку Игореве. М., Гослитиздат, 1938, с. 17.

[3] Тихомиров М. Н. Боян и Троянова земля.— В сб.: «Слово о полку Игореве». Сборник исследований и статей. М.—Л., АН СССР, 1950, с. 177.

оно написано определенным автором, хотя и оставшимся нам неизвестным. Источниками для его автора были дружинная поэзия, близкая к фольклору, и фольклор, в которых продолжало существовать языческое мировоззрение. Русских людей он называет внуками Дажьбога, Бояна — Велесовым[1] внуком. В этом и в привлечении народных преданий об Олеге и Всеславе сказывается языческий культ рода. В то же время «Слово» отразило и черты новой культуры. К. Маркс писал: «Вся песнь носит героически-христианский характер, хотя языческие элементы выступают еще весьма заметно»[2]. В самом деле, автор «Слова», призывая к борьбе с половцами, именует их «погаными», то есть язычниками. Акад. А. С. Орлов очень верно заметил: «Здесь не противопоставление двух религиозных верований, а противопоставление двух уровней культуры — просвещенной и «варварской»[3].

2

Творец «Слова», великий русский гуманист второй половины XII века, с исключительным вниманием к человеку рисует различные народные слои того времени, нередко противопоставляя их доблесть и трудолюбие «крамоле» князей. Младшие дружинники, куряне, — «сведоми къмети», воины-богатыри черниговцы «бес щитовъ съ засапожника кликомъ плъкы побеждають, звонячи въ прадеднюю славу». Скорбит автор и о простых пахарях, страдающих от усобиц князей и набегов половцев. В те давние времена великий поэт увидел нравственную красоту русской женщины, изображенную им не только в образах княгинь Ольги Глебовны и Евфросинии Ярославны, но и простых русских девушек: «Девици поютъ на Дунаи, вьются голоса чрезъ море до Киева». Радостно говорит поэт о крепкой дружбе братьев, Игоря и Всеволода, редкой в те времена, когда брат на брата «крамолу ковал», о их готовности прийти на помощь, об искреннем сочувствии в беде.

Автор «Слова» рисует Русскую землю во всей ее несказанной красоте, с ее прекрасной природой, другом своего народа. Он рисует ее

---

[1] Дажьбог — бог Солнца у восточных славян; Веле́с — бог покровитель скота и поэзии.

[2] Маркс К. Письмо к Энгельсу 5 марта 1856 г. — Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 29. М., 1962. с. 16.

[3] Орлов А. . Слово о полку Игореве. 2-е изд., доп. М. — Л., АН СССР, 1946, с. 37.

в разные часы дня — и на заре, и при восходе солнца, и на закате, и ночью.

Многое в «Слове» напоминает нам различные жанры фольклора — волшебные сказки и народные заклинания, плачи и величания. Естественно, что стиль «Слова» во многом связан с фольклором, тут и отрицательные сравнения, и постоянные эпитеты, и разговор реки с человеком. Характерным поэтическим приемом «Слова» является гипербола, прием нередко встречающийся в былинах. Но свою поэму автор начинает книжным оборотом и, обращаясь к слушателям, говорит: «братие». Это свидетельствует еще об одном источнике «Слова» — светском торжественном красноречии.

Наиболее характерной чертой стиля «Слова» является лаконическая точность. Несколькими словами автор создает целую картину, например: «Тогда по Русской земле редко пахари покрикивали, но часто вороны граяли». Поэтому в «Слове», небольшом произведении (чуть большем, чем «Медный всадник»), мы находим поразительное богатство содержания. Красочные динамичные пейзажи обрамляют его основное содержание: «Черные тучи с моря идут... и в них трепещут синие молнии». «Слово» полно звуков — звоном колоколов, криками птиц, воем диких зверей, топотом войск, стенаниями женщин, боевыми кликами воинов, грохотом битв: «гремят сабли о шеломы, трещат копия булатные». Широко известными стали метафоры «Слова». Причем характерно, что они относятся к сферам военной, земледельческой и к охоте, особенно соколиной, например: «Под шеломами взлелеяны, под звуки боевых труб рождены», «Кладут жизнь на току, веют душу от тела». «Тогда пускал он десять соколов» и многие другие. Знамениты звукопись, аллитерации «Слова»: «На рассвете в пятницу они потоптали поганые полки половецкие», олицетворения, например: «Дева Обида» и т. д. «Слово о полку Игореве» написано на общепринятом в Киеве языке конца XII века, литературно обработанном. Пользовался автор также церковнославянскими (древнеболгарскими) формами слова (например, неполногласными — «граду», с большим искусством чередуя их с русскими полногласными — «городу») в целях стилистических и ритмических. Использование народной русской лексики в сочетании с южно- или старославянскими формами слов создает стилистическое и звуковое богатство языка, которое и раскрывает перед нами гениальный поэт. В «Слове» обычно употребляется старославянская форма «храбрый», например: «храбрая дружина», но один раз говорится: «Дре́млетъ въ̀ поле Ольгово хоро́брое гнездо́, дале́че залете́ло!» В этом случае полногласная форма «хороброе» обладает интимной и ласковой тональностью и создает повтор ударных **о**, а именно: **е-ъ (о) -о-о-о-е-е.** В «Слове» встречается поэтическая игра собственными именами, эт-

нонимами, географическими понятиями, например: «Волге, и Поморию, и Посулию, и Су́рожу, и Ко́рсуню», подобная пушкинским: «От Рущука до старой Смирны, от Трапезунда до Тульчи».

Пророчески сказал о «Слове о полку Игореве» Адам Мицкевич: «Уже само по себе то сходство, которое мы находим между поэтическим памятником давно минувших времен и всеми шедеврами современной славянской поэзии, неизменно свидетельствует о вечной, неувядаемой красоте этой поэмы. Все картины нарисованы с натуры, все герои взяты из жизни, и до тех пор, пока неизменными остаются славянская природа и славянский характер, поэма эта по праву будет считаться национальной и благодаря своей правдивости сохранит даже в известной мере актуальность»[1]. От чтения «Слова о полку Игореве» у читателя возникает та же мысль, которую высказал Л. Н. Толстой в рассказе «Набег»: «Все недоброе в сердце человека должно бы, кажется, исчезнуть в прикосновении с природой, — этим непосредственным выражением красоты и добра». Без колебания ставим мы автора «Слова» по его огромному дарованию, широте кругозора и глубине дум о родине наравне с великими русскими писателями и поэтами XIX—XX веков — с Радищевым, Пушкиным, Гоголем, Лермонтовым, Блоком.

В своих замечательных трактатах об искусстве на рубеже XIX—XX веков Л. Н. Толстой писал: «Искусство имеет целью заражать людей тем чувством, которое испытывает художник». Художник должен знать, полагал Л. Н. Толстой, «различие между добром и злом», причем, писал он, «чем содержание значительнее, то есть важнее для жизни людской, тем произведение выше». Л. Н. Толстой высоко ценил в искусстве прежде всего общедоступность, затем новизну, искренность художника, простоту и технику искусства, к которой он относил «ясность, красоту и немногосложность, сжатость». Он писал также: «Необходимо, чтобы и форма и содержание составляли одно неразрывное целое, выражающее чувство, которое испытал художник»[2]. Внимательно прочитав «Слово», мы убеждаемся, что оно отвечает всем этим высоким требованиям.

Нет более значительного содержания, чем то, которое мы находим в «Слове». Общедоступность его для грамотных людей XII—XIV веков достигалась использованием истинно общенародного искусства —

---

[1] Мицкевич А. Указ. соч., т. 4, с. 165.

[2] Толстой Л. Н. Что такое искусство. Предисловие к сочинениям Гюи де Мопассана. О Шекспире и о драме. — Собр. соч., т. XV. М., Художественная литература, 1964, с. 144, 146, 191, 214—215, 330.

фольклора. Его основные идеи были понятны всем во все века нашей истории. В «Слове», написанном кровью сердца художника, говорится об основных бедах родины в XII веке.

«Слово» вводит нас в мир высокой поэзии. Как поэма оно остается непревзойденным по «ясности, красоте, и сжатости», и пламенности чувства, с которым оно написано. Но более века не могли ученые разобраться в композиции «Слова». Серьезности содержания «Слова» соответствует исключительно виртуозная форма, то есть композиция и ритмика, основа которой, «старые словеса», корнями уходит в глубь веков, но и многое, должно быть, в форме поэмы принадлежит гению ее творца. Автор «Слова» своей поэмой как будто хотел сказать то, что сказал через 660 лет Н. В. Гоголь: «В русской земле все, что ни есть от мала до велика, стремится служить тому же, кому все должно служить что ни есть на всей земле, несется туда же кверху, к верховной вечной красоте»[1].

Медленно и постепенно от поколения к поколению самых выдающихся русских ученых раскрывалась перед их глазами архитектоника (композиция) «Слова». Сначала увидели в нем вступление и заключение, затем три его части (Дубенский, Буслаев, 1845). Потом обнаружено было (Е. В. Барсовым в 1885 г.), что в первых двух частях имеются по три главы, а в третьей — две, причем границы этих частей и глав учеными все время уточнялись. Барсов писал также о «припевках» в «Слове» (т. е. рефренах и зачинах), в которых заключены его «главные мысли». Затем ученые стали обнаруживать, что «Слово» состоит из каких-то отдельных «песен» или «стихотворений» (С. К. Шамбинаго в 1912 г.) и наконец из строф с рефренами и «запевами» (В. Ф. Ржига в 1925 г.), открытие это поддержал акад. А. С. Орлов в 1938—1946 гг.

В настоящее время нам представляется «Слово» единым по форме и содержанию, но своего рода трилогией, состоящей из трех «сказаний» («повестей»): о походе Игоря, о князьях и о бегстве Игоря (которое начинается языческим молением Ярославны, по давней традиции ошибочно называемое «плачем»). Каждое из этих сказаний членится на более мелкие части (общим числом восемь) — главы, или «поведания». Причем первое сказание связано со вторым переходной заключительной строфой.

После содержательного четырехстрофного вступления с указанием на роковую «жалость» (страсть) Игоря, отправившегося в поход вопреки воле божества Солнца, следует описание встречи Игоря и Всеволода, состоявшейся, видимо, ранее похода. Затем мы читаем

---

[1] Гоголь Н. В. Собр. соч., т. 4. М., Гослитиздат, 1959, с. 391.

последовательное описание похода Игоря. Оно кончается строфой с изображением грозных знамений, подготовляющей второе, трагическое поведание о поражении Игоревых войск (с отступлением, посвященным его деду Олегу). Далее идет третье поведание, в котором изображается бедственное состояние Руси, изложение причин этого, затем описание горя на Руси, как следствия поражения и гибели дружин Игоря. Заканчивается оно строфой, в которой вспоминается недавняя победа (1184) над половцами объединенных войск русских князей, призванных Святославом. Дается гиперболический образ Святослава и тем самым подготовляется второе сказание. Оно состоит также из трех поведаний. Сон Святослава, речь бояр и Золотое слово Святослава составляют первое поведание. Далее мы читаем обращение к князьям с призывом объединиться и стать на защиту родины. Отмщение «за раны Игоревы» казалось автору хорошим предлогом, чтобы призвать князей к объединению. Поэтому и поход Игоря описан как героическое деяние, и образ князя Игоря дается, в общем, положительный. Затем идет поведание о полоцких князьях с осуждением их и Ярослава Черниговского. Обращение кончается воспоминанием о Всеславе Полоцком, Бояне, «старом Владимире» и горестным возгласом поэта о розни князей. Обобщенный характер последней строфы второго поведания, казалось бы, говорит о том, что автор предполагал закончить здесь свое произведение. Но в конце своей повести поэту нужны были не минорные интонации, а ободряющие князей и народ — мажорные. Удачное бегство Игоря, которому были чрезвычайно обрадованы жители Новгорода-Северского и других городов, было использовано автором для того, чтобы закончить поэму в ликующих тонах. Третье сказание, возможно созданное несколько позже, начинается молением Ярославны, на которое откликается главный языческий бог-отец всей «тверди», который и ведет Игоря из плена «на землю Русскую къ отню злату столу». Кончается сказание диалогом Гзака и Кончака. Далее идет заключение.

Строфы в «Слове» построены своеобразно, с разным количеством строк, и нет ни одной, форма которой повторялась бы. Причем почти каждая строфа представляет собой законченное целое по своему содержанию, обладает своим зачином, перекликающимся с другими, и концовкой-рефреном, каждая особым, варьирующимся и перекликающимся с прочими, что обусловливает монолитное единство всей поэмы. Форма «Слова», поэмы с различным количеством строк в строфах, не единична в средневековой поэзии. «Песнь о Роланде», записанная и обработанная загадочным Турольдом в XII веке, состоит из тирад (строф), в составе которых насчитывается от 5 до 37 строк. В «Слове» мы имеем древнерусские тирады.

Таким образом, мы можем гордиться не только гуманным и благородным, глубоко патриотическим содержанием «Слова», но и его виртуозной формой.

Мы говорили выше о количестве строк в строфах «Слова». Но как же были найдены эти строки — ведь в древних рукописях не только стихотворных строк, но и слов не выделяли. Эта работа была подготовлена несколькими поколениями ученых и поэтов. Еще в 1812 г. основоположник славистики и поэт А. Х. Востоков сообщил о том, что весь текст «Слова» у него разделился «без всякой растяжки и без всякой перестановки слов с начала до конца на довольно ровные и мерные периоды или стихи», причем он отметил, что благодаря этому «ясней окажется, был ли в ней какой-нибудь размер». К сожалению, от текста, члененного Востоковым, сохранилось лишь 11 строк.

В 1817 г. В. А. Жуковский, прежде чем переводить текст «Слова», разделил его на строки, руководствуясь интуицией. В 1835 г. М. А. Максимович обнаружил в тексте «Слова» «настоящие стихи, иногда даже одномерные и иногда даже созвучные между собой, отглашающиеся на одну рифму. Но стихи эти, — писал Максимович, — столько же разнообразные и вольные, как стихи украинские, особенно в думах»[1].

Русская поэзия в 20-х—40-х гг. XIX века понесла такие тяжелые потери в связи со смертью К. Ф. Рылеева (1826), Д. В. Веневитинова (1827), А. С. Грибоедова (1829), А. А. Дельвига (1831), А. С. Пушкина (1837), М. Ю. Лермонтова (1841), Н. М. Языкова (1846), что намечавшиеся верные пути перевода «Слова» и понимания его ритмики были прерваны. Неудачная писарская копия перевода Жуковского долгое время хранилась в бумагах Пушкина и оставалась неизвестной до публикации ее Е. В. Барсовым в 1882 г. К этому времени уже сложилась традиция вольного переложения «Слова» стихом (Д. Минаев — 1845, Л. А. Мей — 1850, А. Майков — 1870 и др.).

В 1854 г. поэт Н. Гербель опубликовал стихотворное переложение параллельно с древнерусским текстом, члененным на очень короткие строки, такое членение текста и соответственно перевода стало традиционным со времени публикации переводов Н. Бицына (1874) и Е. В. Барсова (1885 и 1904). Эту традицию восприняли и советские переводчики (Г. Шторм и С. В. Шервинский в 1934 г. и др.). Не отказался от нее также и автор этих строк в своем первом переводе

---

[1] Максимович М. А. Песнь о полку Игореве. Из лекций о русской словесности, т. III. — Журн. Министерства народного просвещения. М., 1837, № 1, с. 56.

(1938—1939)[1]. Лишь указание проф. Л. И. Тимофеева на целесообразность удлинить строки в переводе, обратить внимание на дактилические окончания в тексте подлинника (и тем самым на синтаксис) как на критерий членения для обнаружения ритмических единиц в тексте привело к возрождению правильной методологии изучения ритмики «Слова», открытию присущей его тексту членимости и как следствие к новому членению его текста на строки и к воссозданию их в переводе. Опираясь на положение А. А. Потебни о синтаксической завершенности строк в устной народной поэзии, мы предлагаем в данной книге текст ритмико-синтаксически члененный.

Наличие в тексте «Слова» стихотворных строк (в цитируемых автором зачинах и припевках Бояна, в величаниях, причети, молении Ярославны) несомненно. Эти строки органически вплетаются в текст всего памятника, ритмичность которого варьируется, начиная от слаборитмичной прозы (составляющей седьмую часть текста) до высокоорганизованной в ритмическом отношении речи, ритмической прозы, обладающей напевной риторической интонацией (около трети текста) и древнерусского стиха. Творец «Слова» в равной мере, как, скорее всего, и Боян, чередовал стихи и ритмическую прозу двух степеней ритмичности, что и давало ему возможность использовать все мелодическое богатство древнерусской речи и достигнуть изумительного интонационного разнообразия.

Как мы уже говорили, эта виртуозная форма не представляет собой целиком изобретение автора «Слова». Мы считаем справедливым суждение акад. Д. С. Лихачева: «Слово» потому сохраняет для нас всю силу своего обаяния, что автор его не занимался «изобретательством» собственных поэтических средств, а брал их из неисчерпаемой и прочной сокровищницы народной русской поэзии и русской речи, используя их в своем произведении с необыкновенным изяществом и тонким чувством меры»[2]. Автор «Слова» по традиции слагал тираду за тирадой, по традиции включал стихи-цитаты в свое произведение и подражал им. Есть основание полагать, что и строфическая композиция так же традиционна. Об истоках этой формы рассказывает он сам, вспоминая Бояна. Нам думается, что многие разгадки спорных вопросов стиля, поэтики, жанра «Слова» коренятся в этой традиции, но произведения, в которых она была воплощена, до нас не дошли.

---

[1] Напечатан в сб.: Героическая поэзия Древней Руси. Л., Гослитиздат, 1944, с. 32—55.

[2] Лихачев Д. С. Бессмертное произведение древнерусской литературы. «Слово о полку Игореве» в иллюстрациях и документах. Л., 1958, с. 8.

Произведения эти никак не были связаны с церковной литературой, от которой пытались отправляться некоторые исследователи «Слова». Жанр этих произведений, исторических сказаний о героических деяниях, «повестей» по содержанию и «песен» по форме (нет никакого противоречия в употреблении этих слов в тексте «Слова»), в которых были использованы величания, причети, народные заклинания, не был, вероятно, создан и Бояном. «Не только автор «Слова», но и Боян, воспевавший князей XI века (Ярослава, Мстислава, Романа), были продолжателями других поэтов, — писал известный археолог А. В. Арциховский. — Об этом свидетельствуют имена богов: Велес, Стрибог, Дажьбог и Хорс, — которые не в XII и не в XI веках вошли в русскую поэзию. Это могло произойти только в X веке, когда в Киеве, Новгороде и Ростове стояли их статуи... Знаменательно и то, что в XI веке расцвела русская дружинная поэзия, употреблявшая имена славянских богов. Те литературные реминисценции, которыми великий поэт XII века начал «Слово о полку Игореве», свидетельствуют о мощной и древней поэтической традиции»[1].

Фактически полное отсутствие влияния скандинавского эпоса на «Слово» говорит о том, что традиционная форма исторических героических сказаний — и стих и тирады — в дружинной поэзии сложилась даже и не в X веке (как предполагал А. Арциховский), а гораздо ранее. Первые дружинные певцы происходили не из скальдов, а из народных певцов-гусельников. «Боян, — писал Ф. Буслаев, — сам пел свои песни... и сопровождал свои песни струнным инструментом... Уже в VI веке у славян существовал тот же музыкальный обычай. Н. М. Карамзин приводит из византийских историков следующее свидетельство под 590 годом. «Греки взяли в плен трех чужеземцев, имевших вместо оружия **кигары**, или **фусли.** Император спросил, кто они. Мы славяне, ответствовали чужеземцы, и живем в отдаленнейшем конце Западного Океана (моря Балтийского)... С оружием обходиться не умеем и только играем на гуслях. Нет железа в стране нашей, и мы, не зная войны и любя музыку, ведем жизнь мирную и спокойную»... Не подлежит сомнению, что пленные были певцы, и что у славянских певцов VI века был обычай сопровождать свои песни гуслями, обычай, которому следовал и наш Боян»[2]. По-видимому, правы О. Огоновский, акад. А. А. Шахматов и советские ученые

---

[1] Арциховский А. Русская дружина по археологическим данным. — Историк-марксист, 1939, № 1, с. 194—195.

[2] Буслаев Ф. Русская поэзия XI и начала XII в. — В сб.: Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. 1. Спб., 1861, с. 394.

акад. А. С. Орлов, П. Н. Третьяков, В. Ф. Ржига, С. Шамбинаго, акад. Б. А. Рыбаков[1] в том, что традиции древнерусских сказаний восходят к IV—VI векам. В «Слове» упоминаются песни готских дев (на что обратил внимание еще К. Маркс) и сохранились отголоски весьма древних восточнославянских преданий, когда они еще соседили с остготами («поют время Бусово» — IV век, см. примеч. к строке 266). В этом нет ничего удивительного, поскольку в «Слове» сохранилась и память о гуннах («хинова» — IV век), и даже о еще более отдаленных связах восточных славян со скифами и сарматами: в наименовании божеств, как «бог», «Стрибог», «Див», — все это слова скифо-сарматского (иранского) происхождения, в названиях рек — Днепра, Дуная, Дона, — вероятнее всего, они того же происхождения. Но, несомненно, автор «Слова» привнес нечто новое в самый жанр дружинной поэзии в связи с новым содержанием, к которому он обратился, а также в связи с тем, что он свое «Слово» не пропел, а написал. Но отделить традиционное от новаторского в «Слове» строго научным путем крайне трудно, если не невозможно. Попытку Ф. Буслаева выделить, кроме общеизвестных «цитат» из Бояновых песен, отмеченных самим автором «Слова», какие-либо еще другие Бояновы строки в «Слове» нельзя признать удачной. Стихами Бояна он счел исторические отступления, но никаких оснований для этого привести не мог[2]. На самом деле, исторические отступления в «Слове» органически связаны с основным содержанием, что доказали исследования В. Ф. Ржиги и акад. Д. С. Лихачева. Содержание «Слова», взятое непосредственно из жизни, так же как образы живых, действующих героев и лиц отрицательных, — все это скомпоновано в «Слове» исключительно искусно. Действия героев развертываются последовательно по реальной причинной связи, без всякой выдумки, в предельно лаконичной форме.

3

Высокие художественные достоинства памятника, его ярко выраженная ритмичность, невозможность переставить ни одного слова в нем без ущерба для его художественной стороны, для его ритма, говорят о том, что «Слово о полку Игореве» дошло до нас в хорошей сохранности. Мнение о дефектности его текста является глубоко

---

[1] См.: Рыбаков Б. А. Древняя Русь, сказания, былины, летописи. М., АН СССР, 1963, с. 16—18.

[2] См.: Буслаев Ф. Указ. соч., с. 378—394.

ошибочным, как это выясняют новые исследования и открытия. Сколько якобы «темных мест» в памятнике в действительности оказалось темными местами в нашем знании второстепенных исторических фактов, древнерусского синтаксиса и особенно лексики и ритмики памятника. Недостаточно принимались также во внимание «неоскептиками» его художественные особенности, в частности своеобразная композиция. В древнерусском тексте «Слова» действительно испорчены всего два-три места и встречаются лишь ошибки в правописании, кое-какие неправильные грамматические формы, наличие которых не нарушает ритмического строя текста. Так полагало и полагает большинство ученых. Если б текст «Слова» был бы в какой-либо мере дефектным, то «Слово» не звучало бы, то есть ощущались бы перебои его ритма. Известные исследователи «Слова о полку Игореве» акад. А. С. Орлов и Н. К. Гудзий считали, что «Слово» переписывалось писцами мало, так как его орфография очень слабо отразила так называемое «второе южнославянское влияние»[1]. Это влияние испытала русская литература, ее стиль и прежде всего орфография и графика в XV—XVII веках от приехавших в Русь болгар после захвата древней болгарской столицы Тырнова и завоевания всей Болгарии турками в конце XIV века.

Благодаря хорошей сохранности текста «Слова» мы имеем в нем (если глубоко проникнем в него и поймем во всех деталях) достоверный документ, по которому можем судить о личности автора «Слова», его социальной принадлежности, его психологии, идеях, идеалах, его мировоззрении и философии, а также и о его учителе, Бояне, иной раз прибегая к основательным гипотезам.

Из текста «Слова о полку Игореве» как будто явствует, что автор «Слова» лично знал Бояна. Исходя из этого и всего сказанного выше, можно предположить, что Боян родился еще в XI веке и умер в середине XII. Он был музыкантом (гусляром) княжеской дружины. Большинство ученых сходятся в мнении, что Боян был черниговского происхождения. Имя «Боян», как полагают тюркологи, тюркское, а дружественные Руси тюрки жили преимущественно на юге Черниговского княжества. Анализируя содержание сказаний Бояна, перечисляемых в самом начале «Слова» автором его («песнь пояше старому Ярославу, храброму Мстиславу... красному Романови Святъславличю»), мы видим, что они посвящены событиям, связанным в первую очередь с историей Черниговского княжества и с Тмутороканью. Мстислав Владимирович был князем тмутороканским, с 1024 г. стал князем черниговским, объединив с этим княжеством Тмуторокань. Также и Роман

---

[1] Орлов А. С. Указ. соч., с. 56—57.

Святославич, убитый в 1079 г., был князем тмутороканским. Боян же поминал, как говорится в «Слове», «давних времен сражения». Вероятнее всего, Боян в молодые годы был близок к дружине Всеволода I Ярославича, поначалу князя черниговского (1073—1076), а затем вместе со своим князем окончательно переселился в Киев (1078), оттого-то, должно быть, для него Всеволод Ярославич как сын «старого Ярослава» и был «великим Всеволодом» (1078—1093). Однако Боян не был только местным черниговским песнотворцем, об этом говорит его припевка о Всеславе. Надо думать, что еще Боян возвышался до идеи единения Русской земли. Он знакомил автора «Слова» с родной стариной, внушал интерес и любовь к ней, идеализацию Владимира I и всей эпохи единства Руси (882—1054). По-видимому, об этом свидетельствует долго сохранявшаяся память о Бояне. В «Задонщине» (поэма конца XIV в.) говорится: «восхвалим вещаго Бояна, в городе Киеве гораздо(го) гудца» (по Кирилло-Белозерскому списку).

Черниговского же происхождения был автор «Слова». Очевидна близость автора «Слова» к Ольговичам. Они составляют его главную заботу, о них он сокрушается, о них горюет, их он жалеет: «Уже соколома крильца припешали поганыхъ саблями», «Ольговичи, храбрыи князи, доспели на брань (уже повоевали)!» Ольговичей величает он в заключение своей поэмы. Совершенно естественно при таком любовном отношении звучит и упрек Игорю и Всеволоду. Горьким укором и глубоким горем проникнуты и строки, посвященные деду Игоря и Всеволода Олегу Святославичу, но в этих же строках автор «Слова» говорит: «за обиду Олгову». Только сочувствующий, только тот человек осознает, что нанесли тому или иному лицу обиду, который близок ему, а никак не недруг, не недоброжелатель. Большинство ученых полагают, что автор «Слова» или был дружинником Святослава, князя черниговского по 1176 г., или так или иначе был близок к его дружине. Совершенно справедливо еще в 1887 г. Е. В. Барсов писал: «Нельзя не заметить, что «Слово о полку Игореве» глубокими корнями связано с историей Черниговского княжества, «Слово» явилось под свежестью впечатлений очевидца событий — и притом лица, близкого к дружинно-боярской среде. Живое же сочувствие к судьбе князя Игоря, которым так проникнуто «Слово», указывает нам его автора именно в «дружине черниговского князя»... Чернигов, — говорит далее Барсов, — в XII веке был... центром тогдашней образованности»[1]. В «Слове» больше всего упоминаний о городах Черниговского княжества. Особенной любовью автора «Слова» пользуется Пу-

[1] Барсов Е. В. «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. 1. М., 1887, с. 275—276.

тивль. На самом деле Ярославна согласно «Истории Российской» В. Н. Татищева (см. приложение), что несомненно соответствовало действительности, поджидала Игоря в Новгороде-Северском, а не в Путивле. Объяснить любовь автора «Слова» к Путивлю можно только какими-то его личными связями с этим городом, возможно, что он был его уроженцем, затем попал в младшую дружину черниговских князей, после в старшую к Святославу Всеволодовичу, с дружиной которого и переселился в Киев в 70-х гг. XII века (Святослава автор «Слова» всемерно возвеличивает в противоположность несколько принижаемому им соправителю Святослава Рюрику Ростиславовичу).

Во время создания «Слова» автор его был киевлянином. О Киеве он говорит с наибольшей любовью. Из контекстов, окружающих упоминания Киева, возникает поэтический конкретный образ самого города, как, например: «въ Киеве на горахъ», «ко святей Софии къ Киеву» и др. Автор сурово осуждает Ярослава Черниговского устами киевского князя Святослава: Святослав не видит верности и помощи («власти») Ярослава.

Некоторые исследователи пытались определить также и возраст автора «Слова». Впервые на научную почву этот вопрос был поставлен проф. Н. П. Сидоровым в 1944 г. Он с полным основанием полагал, что творец «Слова» должен был принадлежать к старшей дружине и быть не моложе князей, которых столь сурово обвиняет[1]. Князю Игорю в 1185 г. было 34 года, Ярославу Черниговскому 45 лет. Но в то же время автор «Слова», который шестидесятилетнего князя Святослава изображает «старым», должен был быть, по крайней мере, не менее чем на 15 лет моложе его. Следовательно, творцу «Слова» в 1185 г., вероятнее всего, было около 45—46 лет, то есть он родился в 1139 или в 1140 г. Есть и другие указания на этот возраст.

Что же послужило поводом к созданию «Слова о полку Игореве»? Несомненно, в нем заключены впечатления, наблюдения и думы автора «Слова» за годы его жизни (1140—1185), а также услышанное от других людей и особенно от Бояна все то, что пережито было Бояном самим за последнюю четверть XI века и первую половину XII и рассказанное Бояном о давних временах. Но трагедия 1185 г. (поголовная гибель Игоревой дружины, пленение всех ее возглавлявших князей, разорение половцами Посемья, уничтожение города Римова) послу-

---

[1] См.: Сидоров Н. П. К вопросу об авторах «Слова о полку Игореве». — В сб.: «Слово о полку Игореве». Сборник исследований и статей. М. — Л., АН СССР, 1950, с. 169.

жила непосредственной причиной создания «Слова о полку Игореве». Это прежде всего личный, эмоциональный, поэтический отклик на современные события, вместе с тем выразивший заветные думы всего населения Южной Руси. Обращение «братие» свидетельствует о том, что автор имел в виду определенный круг сочувствующих ему лиц. Лексика, а именно пять слов — «татраны», «шельбиры», «топчаки», «ревуги», «ольберы» (см. текст «Слова» строки 281—282), понятные, может быть, только черниговцам, возможно, свидетельствуют о том, что автор адресовал свое произведение прежде всего черниговской части старшей дружины Святослава, к которой он был ближе и которая лучше могла его понять. «Слово о полку Игореве» говорит о высокой культуре именно этой части дружины, видимо, ядра ее. Это были, вероятно, первые слушатели «Слова». Вскоре оно стало известно новгород-северскому летописцу, создавшему свое повествование об этих событиях. Все, и первые слушатели и читатели, сочувствовали выраженным в «Слове» идеям. Но никакого практического значения его обращение к князьям иметь не могло. Автор «Слова» не был политиком, а был поэтом. «Слово о полку Игореве» имеет особенности произведения утопического и одновременно пророческого. Утопическим это произведение можно назвать потому, что автор не хотел видеть ни упадка Киева, ни неизбежного невнимания князей к его призывам, ни практической неосуществимости участия в походах на половцев Всеволода Суздальского, Ярослава Галицкого, а также и других князей, поглощенных делами своих княжеств. Его призыв к единению князей, в сущности, — призыв к новому идеально-возможному для того времени строю жизни. Время единения Руси пришло позднее. И не родной ему Киев стал центром единения и освобождения, а другой город, город на севере, автору «Слова» еще чуждый, который в 1185 г. существовал еще только 30 лет, город тогда мало кому известный,— Москва. И не киевский князь Святослав, а московские — Дмитрий Донской и другие князья возглавили объединение народа и освобождение его от врагов.

Творец «Слова» одновременно и социолог, и философ, и моралист. Только так понимая личность автора «Слова», можно объяснить, почему он не хотел видеть отрицательные стороны недавней деятельности Святослава и Игоря. Не столько о большой личной близости автора «Слова» к Святославу и Игорю говорит этот факт, сколько об его идеале. Он не знал будущего, он мог исходить лишь из уроков прошлого. В нем он усматривал то светлое, которое он хотел дать современникам в качестве образца, на известное всем современникам он хотел опереться в своем призыве. Это светлое и всем известное он мог видеть только в деятельности «старого Владимира» (Святославича), а также «старого Ярослава». «Пророк — всегда утопист, — писал

Ромен Роллан, — уже в земной своей жизни он живет как бы в вечности»[1]. Пророческий характер «Слова» несомненен. И через двести лет оно еще было актуальным. Это показывает создание «Задонщины», автор которой подражал в своем произведении творцу «Слова».

Мы ничего не знаем о жизни автора «Слова» после 1185 г., но можно предполагать, что он мог благополучно жить в Киеве до смерти Святослава (в 1194 г.), возможно, и при Рюрике, попытавшемся посягнуть в 1201—1202 гг. на Галич. В 1202 г. Рюрик был изгнан князем галицким и волынским Романом, своим зятем, из Киева. Но в 1203 г. 1—2 января Киев был взят Рюриком в союзе с Ольговичами, Кончаком и «всею Половецкою землею» и разграблен. Киев был сожжен, и множество стариков киевлян и иноземцев были умерщвлены, а молодые были взяты в плен половцами. Автор «Слова» или трагически погиб в 1203 г., или, если случайно уцелел, должен был покинуть Киев.

4

Благодаря вниманию к ритмике «Слова о полку Игореве» автору этих строк удалось обнаружить еще в 30-х годах сходство в ритмическом отношении со «Словом» некоторых памятников литературы первой половины XIII века, а именно: начала Галицко-Волынской летописи (предания о емшане, траве полынь) 1201 г.[2], «Слова о погибели Русской земли» и сказания о Евпатии Коловрате из «Повести о разорении Батыем Рязани» (1237 г.). Близки эти произведения «Слову о полку Игореве» также и в отношении их жанра, стиля и композиции. Оказалось, что можно предполагать о возникновении целой плеяды поэтов-книжников в Киевской Руси XII—XIII веков. Но вся эта новая нарождающаяся культура книжной поэзии (плеяда «бояничей») просуществовала не более полувека. Ей не дала развиться в полной мере политическая неурядица на Руси в 1203—1237 гг. и упадок Киева. Эта культура была подавлена нашествием Батыевых (монголо-татар-

---

[1] Роллан Р. Собр. соч., т. 2. М., Художественная литература, 1964, с. 338.

[2] О близости этого памятника к «Слову о полку Игореве» писал еще Вс. Миллер в 1877 г., в дальнейшем сличали эти памятники ученый Н. К. Гудзий и писатель И. А. Новиков.

ских) орд в 1237—1240 гг., с нею нарушилась слагавшаяся техника древнерусского стиха XII—XIII веков.

Комплексное (типологическое) изучение всех этих памятников вместе со «Словом о полку Игореве» оказалось весьма продуктивным. Именно благодаря этому выявились три кратко упомянутых ранее источника этой поэзии. Исторические песни, эпос дружинного песнотворчества были той устной поэзией, на которой эти поэты были воспитаны в первую очередь. Она была насыщена патриотической идеологией. Вторым источником их произведений был фольклор русский (а именно: величания, заклинания, женские и мужские плачи, языческие моления и др.) и в какой-то мере также и тюркский (особенно половецкий). Третьим источником была стоящая высоко в Киевской Руси культура светского красноречия. Торжественные речи, сказанные прозой, эти поэты претворяли в мерную ритмическую прозу высокого стиля или в стихи одического характера (см. в «Слове» обращение к князьям). Оттого, по-видимому, мы наблюдаем в «Слове о полку Игореве» троякого рода ритмичность, о которой говорилось выше.

В фольклоре, собранном в XIX—XX веках, сходство в ритмическом отношении со «Словом» и указанной литературой мы встречаем только в некоторых формулах народных заклинаний и величаний, а главным образом в украинских думах, что говорит о том, что Боянова традиция XI—XII веков не заглохла после нашествия Батыевых орд. Древние песни и сказания, несколько обедненные в отношении формы, но обогащенные постоянной рифмой, изменяя свое содержание, продолжали жить в народе в XIII—XV веках, чтобы вновь расцвести в новой форме казацких украинских дум.

В XIII веке авторская рукопись «Слова о полку Игореве», а может быть, современный автору киевский список ее, вероятно, был увезен в Псков. «Слово» было известно переписчику псковского «Апостола» в 1307 г., на последнем листе которого он сделал приписку с явной цитатой из «Слова»: «Сего же лета бысть бой на Русьской земли, Михаилъ съ Юрьемь о княженье Новгородьское. При сихъ князехъ сеяшется и ростяше усобицами, гыняше жизнь наша, въ князехъ которы, и веци скоротишася человекомъ» (ср. древнерусский текст «Слова», стр. 156—159).

Вскоре после Куликовской битвы в 1380 г. была написана «Задонщина», прославившая победу полков Дмитрия Донского над татарами. Автор «Задонщины», очевидно, житель Москвы, Софония, по прозвищу «Рязанец», воспользовался «Словом о полку Игореве» и создал на его основе новое произведение, подобное «Слову», проникнутое любовью к родине. В XVI веке «Слово о полку Игореве» было вновь переписано в Пскове, что доказывается некоторыми диалектными осо-

бенностями дошедшей до нас рукописи[1]. Оно было известно, по-видимому, в Москве составителю «Книги степенной царского родословия»[2]. Шестая «степень» этой книги, посвященная Всеволоду III, должна была показать переход самодержавия киевского через владимиро-суздальское к московскому. Поэтому чрезмерно возвеличивается в этой книге Всеволод III, составитель приписал ему участие в борьбе с половцами в 1185 г. и освобождение из плена князей Ольговичей.

Со времени составления «Степенной книги», то есть с начала 60-х гг. XVI века, «Слово о полку Игореве» как, вероятно, произведение с сильной языческой окраской, к тому же свидетельствующее о фальсификации истории церковниками, скрывается в монастырских библиотеках и исчезает из поля зрения писателей XVII—XVIII веков.

В 1788 г. собиратель древних рукописных книг А. И. Мусин-Пушкин приобрел у бывшего архимандрита упраздненного Спасо-Ярославского монастыря Иоиля Быковского рукописный сборник (так называемый «хронограф»), в конце которого находилось «Слово о полку Игореве». Мусин-Пушкин тогда же стал разделять рукопись, написанную сплошь, на слова и предложения, составлять комментарии к «Слову», делать перевод, а также знакомить ученых и поэтов со своей находкой. Для Екатерины II в 1792 г. была снята копия и передана ей вместе с переводом и комментариями[3]. Мусин-Пушкин, неудовлетворенный своей работой, передал оригинал и свой труд известным ученым-архивистам Н. Н. Бантыш-Каменскому и А. Ф. Малиновскому. Они подготовили, продолжив работу Мусина-Пушкина, первое издание «Слова», вышедшее в 1800 г. К сожалению, все собрание древних рукописей А. И. Мусина-Пушкина, оставленное им в Москве, было сожжено солдатами Наполеона в 1812 г., погиб там же и сборник со «Словом».

Несмотря на то что издатели готовили издание очень тщательно и «слово в слово» и отчасти «буква в букву», они допустили некоторые принципиальные ошибки (см. ниже) и несколько случайных. Издатели частично изменяли орфографию памятника согласно нор-

---

[1] Писатель В. А. Каверин, псковичанин, в одной из своих книг пишет, что он, читая старинные рукописи, «дивился искусству русских переписчиков шестнадцатого века». Каверин В. Освещенные окна. М., Современник, 1976, с. 67—68.

[2] См.: Альшиц Д. Н. Легенда о Всеволоде. Полемический отклик XVI в. на «Слово о полку Игореве». Труды Отдела древнерусской литературы, т. XIV. М., АН СССР, 1958, с. 64—82.

[3] См.: Моисеева Г. Н. Спасо-Ярославский хронограф и «Слово о полку Игореве». Л., Наука, 1976, с. 58, 59, 73.

мам XVIII века (например, вводили обязательное написание **і** перед гласной, отделяя от слова предлог, ставили в конце него после согласной **ъ** и т. п.). Между тем орфография памятника, очевидно, уже в сгоревшем списке XVI века, была осложнена. Севернорусские переписчики XIII—XVI веков невольно, согласно своему произношению, частично заменяли **ь** буквой **ъ** в третьем лице глаголов, отчего в первом издании имеются и правильные написания, например: «ржуть», «звенить» и ошибочные, например: «идутъ». К середине XII века глухие **ъ** и **ь** перешли в **о** и **е** в так называемых сильных положениях (например, под ударением и в других случаях) и были утрачены в слабых (например, в конце слов). Но в письме еще они по традиции употреблялись; сочетание глухой с плавной писалось, например, таким образом: «пълку» (произносилось «полку»). Под влиянием болгарской орфографии («второго южнославянского влияния», занесенного на Русь в самом конце XIV в.), переписчики стали писать вместо **ъл, ър, ьл, ьр** — **лъ, ръ, ль, рь** (например, «длъго»). Болгарские написания, как «длъго», «бръзыи», объясняются тем, что в болгарском языке в те времена имелись (как и теперь) слоговые плавные **«р»** и **«л»** (поэтому ударения в тексте «Слова» обозначены на них), читать и произносить надо «долго», «борзыи». Введено было в тексте «Слова» также искусственное написание **іа** (например, «вещіа»). Все эти особенности орфографии рукописи XVI века издатели стремились сохранить.

Издание «Слова о полку Игореве» 1800 г. было огромным, ни с чем не сравнимым событием в истории русской литературы. Оно потрясло всех интересующихся отечественной литературой. Современники неожиданно для себя узнавали, что не во мраке невежества и отсутствия просвещения и поэзии жили их предки 600 лет назад, а, напротив, имели своих поэтов, «бардов», «боянов», которые могли создавать замечательные поэмы, не уступающие «Оссиановым». Это способствовало росту национального самосознания, наполняло сердца гордостью за свой народ. «Слово о полку Игореве» высоко оценили Карамзин и Радищев, Жуковский и Рылеев, Пушкин и Белинский. Естественно, самые первые исследования «Слова», например А. С. Шишкова (1805), и первые стихотворные переложения 1803—1813 гг. носили еще примитивный и наивный характер. Даже в 1828 г. Д. Дубенский пытался найти в тексте «Слова» гекзаметры, а поэт Деларю, следуя его идеям, в 30-х годах переложил «Слово» гекзаметром. Но уже в исследованиях Востокова (1812), Грамматина (1823), Максимовича (1837) высказаны некоторые очень ценные и глубокие мысли, забытые, к сожалению, позднейшими исследователями.

Первый замечательный перевод «Слова» сделан был В. А. Жуковским в 1817—1819 гг. Но этот перевод, как уже говорилось, не удо-

влетворял Жуковского, и, по-видимому, полагая, что сделать его совершенным невозможно из-за нерасшифрованных в его время неясных мест подлинника, он полностью потерял к своему переводу интерес и решил его не публиковать. (Кстати сказать, это хороший пример самокритичности для всех переводчиков «Слова».) Но из всех переводов «Слова» только перевод Жуковского А. С. Пушкин в последний год своей жизни счел достойным внимания и дальнейшей работы над ним и внес в него несколько поправок, главным образом удаляя архаизмы и пытаясь сделать перевод точнее. Перевод этот с поправками Пушкина оставался неизвестным до 1882 г. В последующие годы вплоть до нашего времени перевод Жуковского казался устаревшим из-за сложившейся традиции переводить «Слово» либо стихами, либо короткими строками.

А. С. Пушкину принадлежит заслуга решительного осуждения и опровержения необоснованных выводов так называемых «скептиков», преимущественно реакционеров первой половины XIX века, подвергавших сомнению подлинность «Слова» и предполагавших, что оно было написано в XVIII веке кем-то из поэтов, близких Мусину-Пушкину. Попытку возродить эту точку зрения в 30-х годах нашего века сделал французский ученый Андре Мазон, вопреки историческим фактам, свидетельству самого памятника и несмотря на открытие «Задонщины» в 1852 г., заставившее умолкнуть скептиков XIX века.

Многие из корифеев нашей филологии, такие, как Н. Тихонравов, Вс. Миллер, А. Потебня, Е. В. Барсов, трудились над изучением «Слова», сопоставляли его текст с фольклором, расшифровывали его «темные места».

С 1840 по 1850 г. над переложением «Слова» стихом «Песни о царе Иване Васильевиче» М. Ю. Лермонтова работал Л. А. Мей, видимо считая, что соотношение стиха «Слова» и Бояновых песен соответствует соотношению «Песни» Лермонтова и былин. Но надо полагать, что «Слово» по форме было ближе к песням Бояна, чем «Песнь» Лермонтова к былинам. В 1870 г. издает свое переложение «Слова» стихом сербских исторических песен А. Майков.

Образы и стиль «Слова» оказали влияние на некоторые произведения русской литературы. Под влиянием «Слова» написал «Песню гусляров» (в «Снегурочке») А. Н. Островский. Использовали образы «Слова» в своих стихах также К. Случевский, И. Бунин, который восторженно относился к «Слову»[1], В. Брюсов, А. Блок. Впечатления

---

[1] И. А. Бунин писал, что он «был совершенно пленен «Словом о полку Игореве», нечаянно перечитав его и вдруг поняв всю его несказанную красоту».

от революции 1905—1907 гг. и изучение А. Блоком «Слова о полку Игореве» и «Задонщины» в 1906—1908 гг., обращение к прошлому своей родины, стимулировали его творчество к важнейшему этапу перехода от идей «претворения символики в миф» (1906) к народности и сочувствию народным массам.

Особенно высоко оценено было «Слово» в советскую эпоху. Выдающиеся советские филологи, акад. А. Орлов, С. Шамбинаго, В. Ржига, Н. Гудзий, акад. С. Обнорский, издали ряд замечательных работ. Их трудами вдохновлялись к работе над «Словом» советские писатели и поэты: С. Шервинский, Г. Шторм, И. Новиков и др., создавшие интересные переводы и стихотворные переложения. Многие советские поэты, продолжая традиции поэтов XIX века, обращались в своих стихах к «Слову», заимствовали из него образы и лексику. С восхищением отзывался о «Слове» С. Есенин: «Злат стремень!» Вот где точности и красоте языка учиться!» Исследователь творчества Есенина Б. Н. Двинянинов показал, что в поэме «Пугачев» заметно сказалось влияние «Слова о полку Игореве», его лексики, метафор и эпитетов. Хорошо был знаком со «Словом» также и В. Маяковский. Начиная в 1927 г. писать вступление к своей последней поэме, в которой он «свивал славу обаполы сего времени», он, несомненно, вспоминал зачин и исторические отступления «Слова». «Были времена — прошли былинные» и далее: «попей из реки по имени «факт». Здесь соединились и «были сечи Трояни» и «начати же ся тъй песни по былинамь сего времени».

Замечательные слова древнего памятника «за землю Русскую», по свидетельству писателей Ивана Новикова и Евгения Осетрова, жили в сердцах наших воинов, сражавшихся с фашистами в Великую Отечественную войну. «Слово» продолжает и в настоящее время вдохновлять на подвиги советских людей. Первый наш космонавт Ю. А. Гагарин в своей книге «Дорога в космос» называет «Слово о полку Игореве» в числе книг, воспитавших в нем патриотизм и жажду самоотверженного служения Родине[1].

В последние годы ширится знакомство советского народа со «Словом», продолжается исследование памятника как в СССР, так и за рубежом. Упомянем еще работы акад. Д. С. Лихачева, акад. Б. А. Рыбакова, Л. А. Дмитриева, О. В. Творогова, А. Н. Робинсона. Создаются и новые переводы и стихотворные переложения. «Слово о полку Игореве» переведено на многие языки народов Советского Союза и на целый ряд иностранных языков.

---

[1] См.: Гагарин Ю. А. Дорога в космос. М., Правда, 1961, с. 136.

* * *

В данной книге читатель может познакомиться с лучшими дореволюционными переводом «Слова» В. А. Жуковского (1819) и вольным переложением (пересказом) А. Майкова (1870). Из советских поэтических переводов помещены перевод автора этих строк (сохраняющий ритм подлинника), вольный пересказ Н. А. Заболоцкого и стихотворное переложение Л. И. Тимофеева, стремящегося, по мнению акад. Д. С. Лихачева, «соединить поэтичность с точностью и доступностью. В нем введены повторы, восстанавливающие ритмичность предполагаемой устной первоосновы «Слова»[1]. В Приложении предлагается читателю этой книги точный перевод воинской повести о походе Игоря 1185 г. по Ипатьевской летописи и изложение этой повести в «Истории Российской» В. Н. Татищевым.

В. И. Стеллецкий

---

[1] Лихачев Д. С. Слово о полку Игореве. 3-е изд. Л., Советский писатель, 1953, с. 84—85. (Библиотека поэта. Малая серия).

Слово о полку Игореве

Первое печатное издание
1800 года

ИРОИЧЕСКАЯ ПѢСНЬ

О

ПОХОДѢ НА ПОЛОВЦОВЪ

УДѢЛЬНАГО КНЯЗЯ НОВАГОРОДА-СѢВЕРСКАГО

ИГОРЯ СВЯТОСЛАВИЧА,

писанная

СТАРИННЫМЪ РУССКИМЪ ЯЗЫКОМЪ

ВЪ ИСХОДѢ XII СТОЛѢТІЯ

съ переложеніемъ на употребляемое нынѣ нарѣчіе.

МОСКВА
въ Сенатской Типографіи,
1800.

Съ дозволенія Московской Ценсуры.

ИСТОРИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНІЕ ПѢСНИ.

Удѣльный Князь Новагорода-Сѣверскаго *Игорь Святославичь*, не здѣлавъ сношенія съ старѣйшимъ Великимъ Княземъ *Кіевскимъ*, рѣшился въ 1185 году отмстить самъ собою *Полоецамъ* за раззореніе подвластныхъ ему владѣній и пріобрѣсть себѣ чрезъ то славу. Къ сему наступленію уговорилъ онъ роднаго брата своего *Трубчевскаго* Князя *Всеволода*, племянника своего *Рыльскаго* Князя *Святослава Ольговича*, и сына своего Князя *Владиміра*, имѣвшаго удѣлъ свой въ *Путивлѣ*; и съ симъ немноголюднымъ, но храбрымъ войскомъ, выступилъ въ походъ противъ обидившихъ его.

Маія 1го, когда пришелъ онъ на *Донецъ* и располагалъ на берегу лагерь свой, сдѣлалось такое необычайное затмѣніе солнца, что днемъ звѣзды оказались.

Суевѣры всячески убѣждали Князя *Игоря* оставить свое предпріятіе; онъ не послушалъ ихъ, и отвѣчалъ на то: что одни только трусы боятся чрезвычайностей, что онъ назадъ никакъ не возвратится, и что *стыдъ ему тягчае смерти.* На другой день пошли впередъ: но предубѣжденные несчастнымъ знаменіемъ воины *Игоревы* едва только увидѣли непріятеля, всѣ пріуныли. Отважный Князь уговаривалъ ихъ, и даже приказывалъ, чтобъ тѣ, которые не хотятъ биться за него, возвратились въ свои домы; однакожъ никто оставить его не хотѣлъ. Встрѣтились *Половцы*, и первое сраженіе съ ними было весьма удачно для *Россіянъ*; они разбили ихъ, и даже овладѣли всѣмъ обозомъ ихъ и богатствами. При сей удачѣ молодые Князья *Святославъ Ольговичъ* и *Владиміръ Игоревичъ*, подстрѣкаемы будучи неопытною храбростію и удальствомъ своимъ, безъ совѣта старѣйшихъ отдѣлились за рѣку *Сугли* (*) для погони за непріятелемъ.

(*) Рѣка сія въ Половецкихъ кочевьяхъ. Войски Русскія шли отъ *Донца* къ рѣкѣ *Осколу*, отъ *Оскола* къ рѣкѣ *Сальницѣ*, отъ *Сальницы* шли всю ночь, и наутро около обѣда пришли къ рѣкѣ *Сугли*, гдѣ и встрѣтились съ *Половцами* — *Татищ*. Книга III. стр, 262.

Половцы, получивъ себѣ подкрѣпленіе, тотчасъ воспользовались раздробленіемъ Россійскихъ полковъ, обскакали со всѣхъ сторонъ Князя *Игоря*, и бились безпрестанно два дни. Сей Князь былъ раненъ; а потомъ и въ плѣнъ взятъ со всѣми бывшими съ нимъ Князьями. Пять тысячь оставшагося его войска равномѣрно принуждены были здаться превосходной силѣ непріятельской. *Половцами* предводительствовали тогда Князья ихъ *Кончакъ* и *Гзакъ* (*). Сочинитель сравнивая сіе несчастное пораженіе, (приведшее всю *Россію* въ уныніе) съ прежними побѣдами, надъ *Половцами* одержанными, припоминаетъ нѣкоторыя достопамятныя произшествія и славныя дѣла многихъ Россійскихъ Князей. Отъ сей побѣды, говоритъ онъ, *Половцы* сдѣлались дерзновеннѣе и усугубили свои грабительства и разоренія повсюду. Великій Князь Кіевскій *Святославъ Всеволодовичь* весьма сѣтовалъ о племянникахъ своихъ *Игорѣ* и *Всеволодѣ Святославичахъ*, общественно всѣми любимыхъ. Онъ въ горести своей жалуется на свою старость, препятствующую ему выручить ихъ изъ неволи и взываетъ ко всѣмъ современнымъ Князьямъ

(*) См. Исторію *Татищева* книгу III стр. 260 — 265.

о вспоможенїи. Русскїя жены оплакиваютъ смерть плѣнъ мужей своихъ. *Игорева* супруга Княгиня *Евфросинія* (дочь Князя *Ярослава Владиміровича Галицкаго*) оставшись въ *Путивлѣ*, возноситъ жалобный голосъ свой то къ вѣтру, то къ солнцу, то къ рѣкѣ Днѣпру. Пѣснь сїя оканчивается возвращенїемъ Князя *Игоря* въ свое отечество. Ибо по причинѣ сдѣланныхъ *Половцами* затрудненій въ выкупѣ его, онъ принужденъ былъ спастись оттуда бѣгствомъ.

Любители Россїйской словесности согласятся, что въ семъ оставшемся намъ отъ минувшихъ вѣковъ сочиненїи видѣнъ духъ *Оссїановъ*; слѣдовательно и наши древнїе герои имѣли своихъ *Бардовъ*, воспѣвавшихъ имъ хвалу. Жаль только, что имя Сочинителя неизвѣстнымъ осталось. Нѣтъ нужды замѣчать возвышенныхъ и коренныхъ въ сей Поэмѣ выраженїй, могущихъ навсегда послужить образцемъ витїйства; благоразумный Читатель самъ отличитъ оныя отъ нѣкоторыхъ мѣлочныхъ подробностей, въ тогдашнемъ вѣкѣ терпимыхъ, и отъ вкравшихся при перепискѣ непонятностей.

Подлинная рукопись, по своему почерку весьма древняя, принадлежитЪ Издателю сего (*), который чрезЪ старанія свои и прозьбы кЪ знающимЪ достаточно Россійской языкЪ доводилЪ чрезЪ нѣсколько лѣтЪ приложен-

(*) Г. Дѣйствительному Тайному Совѣтнику и Кавалеру Графу Алексѣю Ивановичу Мусину-Пушкину. ВЪ его Библіотекѣ хранится рукопись оная вЪ книгѣ, писанной вЪ листЪ, подЪ № 323. Книга же сія содержитЪ слѣдующія, по ихЪ оглавленіямЪ, матеріи.

1) „*Книга глаголемая Гранаграфъ (Хронографъ), рекше наначало писменомъ царскихъ родовъ отъ многихъ лѣтописецъ; „прежде о бытіи, о сотворенiи мiра, отъ книгъ Моисеовыхъ „и отъ Iисуса Навина, и отъ Судей Iудѣйскихъ, и отъ четырехъ Царствъ; такъ же и о Асирiйскихъ Царехъ, и отъ „Александрiя, и отъ Римскихъ Царей, Еллинъ же благочестивыхъ, и отъ Рускихъ лѣтописецъ, Сербскихъ и Болгарскихъ.*

2) „*Временникъ, еже нарицается лѣтописанiе Русскихъ Князей „и земля Рускыя.*

3) „*Сказанiе о Индiи богатой.*

4) „*Синагрипъ Царь Адоровъ, Иналивскiя страны.*

5) „*Слово о плъку Игоревѣ, Игоря Святъславля, внука Ольгова.*

6) „*Дѣянiе прежнихъ временъ храбрыхъ человѣкъ о брьзости, „и о силѣ, и о храбрости.*

7) „*Сказанiе о Филипатѣ, и о Максимѣ, и о храбрости ихъ.*

8) „*Аще думно есь слышати о соадьбѣ Девгѣевѣ, и о восхыщенiи Стратиговнѣ.*

ный переводъ до желанной ясности, и нынѣ по убѣжденію пріятелей рѣшился издать оной на свѣтъ. Но какъ при всемъ томъ остались еще нѣкоторыя мѣста невразумительными, то и проситъ всѣхъ благонамѣренныхъ Читателей сообщить ему свои примѣчанія для обьясненія сего древняго отрывка Россійской словесности.

ПѢСНЬ

СЛОВО О ПЪЛКУ ИГОРЕВѢ, (а) ИГОРЯ СЫНА СВЯТЪСЛАВЛЯ, ВНУКА ОЛЬГОВА.

Не лѣполи ны бяшетъ, братїе, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстїй о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича! начати же ся тъй пѣсни по

ПѢСНЬ О ПОХОДѢ ИГОРЯ, СЫНА СВЯТОСЛАВОВА, ВНУКА ОЛЬГОВА.

Прїятно намъ, братцы, начать древнимъ слогомъ прискорбную повѣсть о походѣ *Игоря*, сына *Святославова!* начать же сїю пѣснь по бытїямъ того времени, а не по

(а) *Игорь Святославичь* родился 15 Апрѣля 1151 года; во Святомъ Крещенїи нареченъ *Георгїемъ;* женился въ 1184 году на Княжнѣ *Евфросинїи*, дочери Князя Ярослава Володимировича *Галичьскаго* Въ 1185 году имѣлъ онъ сраженїе съ Половцами, а въ 1201 году скончался, оставивъ послѣ себя пять сыновей.

былинамь сего времени, *а не по замышленію Бояню* (6). *Боянѣ бо вѣщій*, вымысламЪ *Бояновымѣ*. Ибо когда мудрый *Боянѣ* хотѣлЪ прославлять кого, то но-

---

(6) ТакЪ назывался славнѣйшій вЪ древности стихотворецЪ Руской, которой служилЪ образцемЪ для бывшихЪ послѣ него писателей. ИзЪ нѣкоторыхЪ вЪ примѣрЪ здѣсь приведенныхЪ словЪ его явствуетЪ, что *Боянъ* воспѣвалЪ всегда важныя произшествія и изЪяснялЪ мысли свои возвышенно. Когда и при которомЪ Государѣ гремѣла лира его, ни по чему узнать не льзя; ибо не осталось намЪ никакого отрывка, прежде великаго Князя *Владиміра Святославича* писаннаго. ОтЪ временЪ же его дошла до насЪ между прочими слѣдующая народная пѣсня, вЪ которой находимЪ уже правильное удареніе, *кадансомъ* вЪ Стихотворствѣ называемое; но вѣроятно, что и та вЪ послѣдствіи переправлена:

Во славномЪ городѣ Кіевѣ,
У Князя у Владиміра,
У солнышка Святославича,
Было пированіе почетное,
Почетное и похвальное
Про Князей и про БоярЪ,
Про сильныхЪ могучихЪ богатырей,
Про всю Поляницу удалую.
ВЪ ПолЪ-сыта баря наѣдалися,
ВЪ полЪ-пьяна баря напивалися.
Послѣдняя ѣства на столЪ пошла,
Послѣдняя ѣства лебединая:
Стали бояре тутЪ хвастати: *и прос*.

аще кому хотяще пѣснь творити, то растѣкашется мыслію по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы. Помняшеть бо речь първыхъ временъ усобицѣ; тогда пущашеть і҃ *соколовъ на стадо лебедѣй, который дотечаше, та преди пѣсь пояше, старому Ярослову* (в), *храброму Мстиславу* (г), *иже зарѣза Редедю предъ*

сился мыслію по деревьямъ, сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подъ облаками. Памятно намъ по древнимъ преданіямъ, что повѣдая о какомъ-либо сраженіи, примѣняли оное къ десяти соколамъ, на стадо лебедей пущеннымъ: чей соколъ скорѣе долеталъ, тому прежде и пѣснь начиналася, либо старому *Ярославу*, либо храброму Мстиславу, поразившему Редедю предъ

(в) Чрезъ стараго *Ярослава* Сочинитель разумѣетъ здѣсь Великаго Князя *Ярослава Владимировича*, давшаго Новогородцамъ законы, подъ именемъ *Русской Правды* до нынѣ извѣстные. Онъ былъ прапрадѣдъ *Игорю Святославичу*, которому воспѣвается пѣснь сія.

(г) Храбрый *Мстиславъ*, также сынъ Великаго Князя Владиміра Святославича, родный братъ *Ярославу* I. Будучи на удѣлѣ въ Тьмутараканскомъ Княжествѣ 1022 года, выступилъ онъ въ походъ противъ Косоговъ. Князь Косожскій *Редедя*, понадѣясь на крѣпость мышцъ своихъ, будтобъ для пощады съ обѣихъ сторонъ воиновъ отъ напраснаго кровопролитія, предложилъ ему

лъкы Касожьскыми, красному Романови (д) *Святъславличю. Боянъ же, братіе, не ї соколовъ на стадо лебедѣй пущаше, нъ своя вѣщіа пръсты на живая струны въскладаше; они же сами Княземъ славу рокотаху.*

полками Косожскими, или красному Роману Святославичу. А *Боянъ*, братцы! не десять соколовъ на стадо лебедей пускалъ: но какъ скоро прикасался искусными своими перстами къ живымъ струнамъ, то сіи уже сами славу Князей гласили.

поединокъ. *Мстиславъ* охотно на сіе согласясь, сразился съ нимъ, и одолѣвъ своего сопротивника, лишилъ его жизни. По здѣланному предварительно въ пользу побѣдителя условію вступивъ во владѣніе Косоговъ, наложилъ онъ на нихъ дань, завладѣлъ всѣмъ богатствомъ Княжескимъ, а жену и дѣтей его увелъ въ плѣнъ за собою.

Отъ сыновей сего побѣжденнаго Князя *Косожскаго* произошли извѣстныя въ Россіи фамиліи: *Добрынскихъ*, *Зайцовыхъ*, *Бирдюковыхъ*, *Поджегиныхъ*, *Гусевыхъ*, *Елизаровыхъ* *Симскихъ*, *Хобаровыхъ* и *Глѣбовыхъ*.

(д) *Романъ*, сынъ Князя *Святослава Ярославича*, былъ на удѣлѣ Княженія Черниговскаго въ Курскѣ. Въ 1079 году согласясь съ Половцами, онъ хотѣлъ отнять Переяславль у Великаго Князя *Всеволода Ярославича*: но наемные союзники его измѣнили ему и заключили особенный миръ съ Великимъ Княземъ *Кіевскимъ*. Когда онъ за сію измѣну сталъ упрекать Половцевъ, то произошла изъ того ссора, въ которой онъ былъ отъ нихъ убитъ.

Почнемъ же, братїе, повѣсть сїю отъ стараго Владимера (е) до нынѣшняго Игоря; иже истягну умь крѣпостїю своею, и поостри сердца своего мужествомъ, наплънився ратнаго духа, наведе своя храбрыя плъкы на землю Половѣцькую за землю Руськую. Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты, и рече Игорь къ дружинѣ (ж) своей: братїе и дружино! луцежъ бы потяту быти, неже полонену быти: а всядемъ, братїе, на свои бръзыя комони, да

Начнемъ же, братцы, повѣсть сїю отъ стараго Владимїра до нынѣшняго Игоря. Сей Игорь напрягши умъ свой крѣпостїю, поощривъ сердце свое мужествомъ и исполнясь духа ратнаго, вступилъ съ храбрымъ своимъ воинствомъ въ землю Половецкую для отмщенїя за землю Русскую. Тогда взглянулъ онъ на солнце свѣтлое, и увидѣвъ мракомъ покрытое все войско свое, произнесъ къ дружинѣ своей: „Братья и друзья! „лучше намъ быть изрубленнымъ, нежели достаться „въ плѣнъ. Сядемъ на „своихъ борзыхъ коней,

---

(е) Равно Апостольный Великїй Князь *Владимїръ Святославичь* просвѣтившїй Русскую землю Святымъ крещенїемъ.

(ж) *Дружиною* назывались отборные и приближенные воины, сопровождавшїе Государей во всѣхъ походахъ.

позримъ синего Дону. Спала Князю умь похоти, и жалость ему знамеңге заступи, искусити Дону великаго. Хощу бо, рече, копїе приломити конець поля Половецкаго съ вами Русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону. О Бояне, соловїю стараго времени! абы ты сїа плъкы ущекоталъ, скача славїю по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы, свивая славы оба полы сего времени, рища въ тропу Трояню (з) чресъ поля на горы. Пѣти было пѣсь Игореви, того (Олга) внуку. Не буря

„и посмотримъ на синій Донъ„. Пришло Князю на мысль пренебречь худое предвѣщаніе и извѣдать щастья на Дону великомъ. „Хочу, сказалъ онъ, съ вами, Россіяне! переломить копье на „томъ краю поля Половецкаго; хочу или голову свою положить, или шлемомъ изъ „Дону воды достать.„ О Боянъ! соловей древнихъ лѣтъ! тебѣ бы надлежало провозгласить о сихъ подвигахъ, скача соловьемъ мысленно по дереву, летая умомъ подъ облаками, сравнивая славу древнюю съ нынѣшнимъ временемъ мчась по слѣдамъ Трояновымъ чрезъ поля на горы. Тебѣ бы пѣть пѣснь Игорю

(з) Четыре раза упоминается въ сей пѣсни о *Троянѣ*, т. е. *тропа Трояня*, *вѣчи Трояни*, *земля Трояня*, и *седмый вѣкъ Трояновъ*: но кто сей *Троянъ*, догадаться ни по чему не возможно.

соколы занесе чрезъ поля широкая; галици стады бѣжать къ дону великому; чили въспѣти было вѣщей Бояне, Велесовь (и) *внуче! Комони ржуть за Сулою; звенить слава въ Кыевѣ; трубы трубять въ Новѣградѣ; стоять стязи въ Путивлѣ; Игорь ждетъ мила брата Всеволода. И рече ему Буй Туръ* (і) *Всеволодъ: одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты Игорю, оба есвѣ Святъславличя; сѣдлай, брате, свои бръзыи комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска на пере-*

внуку *Ольгову*. Не буря соколовъ занесла чрезъ поля широкія, слетаются галки стадами къ Дону великому. Тебѣ бы, мудрый *Боянъ*, внукъ *Велесовъ!* сїе воспѣть. Ржутъ кони за *Сулою*, гремитъ слава въ *Кїевѣ*, трубятъ трубы въ *Новѣгородѣ*, развѣваютъ знамена въ *Путивлѣ*, ждетъ *Игорь* милаго брата *Всеволода*. Богатырь же *Всеволодъ* вѣщаетъ къ нему: „О *Игорь!* „ты одинъ у меня братъ! „ты одинъ у меня ясный „свѣтъ! и мы оба сыновья „*Святославовы;* ты сѣдлай, „братъ, своихъ борзыхъ ко-

---

(и) *Велесъ*, Славянскій въ язычествѣ Богъ, покровитель стадъ. Его считали вторымъ послѣ *Перуна*. По названію *Бояна* внукомъ Велесовымъ, кажется, что онъ жилъ до принятія въ Россіи Христіянской вѣры.

(і) *Буй* значитъ *дикій*, а *туръ* вола. И такъ *Буйтуромъ*, или Буйволомъ, называется здѣсь *Всеволодъ* въ смыслѣ Метафори-

ди; а мои ти Куряни свѣдоми къ мети, подъ трубами повити, подъ шеломы възлелѣяны, конець копія въскръмлени, пути имь вѣдоми, яругы имъ знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъострени сами скачють акы сѣрыи влъци въ полѣ, ищучи себе чти, а Князю славѣ. Тогда въступи Игорь Князь въ златъ стремень, и поѣха по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заступаше; нощь стонущи ему грозою птичь

„ней, а мои для тебя при-
„готовлены и давно у *Кур-*
„*ска* осѣдланы. Мои *Курча-*
„*не* въ цѣль стрѣлять зна-
„ющи, подъ звукомъ трубъ
„они повиты, подъ шлема-
„ми возлелѣяны, концомъ
„копья вскормлены; всѣ пу-
„ти имъ свѣдомы, всѣ ов-
„раги знаемы, луки у нихъ на-
„тянуты, колчаны отворены,
„сабли изострены; они ска-
„чутъ въ полѣ какъ волки
„сѣрые, ища себѣ чести,
„а Князю славы.„ Тогда Князь *Игорь*, вступя въ золотое стремя, поѣхалъ по чистому полю. Солнце своимъ затмѣніемъ преграждаетъ путь ему, грозная возстав-

---

ческомъ, въ разсужденіи силы и храбрости его. — Вѣроятно, что изъ сихъ двухъ словъ составилось потомъ названіе *богатыря*, ибо другаго произведенія оному слову до сихъ поръ не найдено.

убуди; свистъ звѣринъ въ стазби; дивъ кличетъ връху древа, велитъ послушати земли незнаемѣ, влъзѣ, и по морію, и по Сулію, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ Тьмутораканьскый блъванъ. А Половци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону Великому; крычатъ тѣлѣгы полунощы, рци лебеди роспущени. Игорь къ Дону вои ведетъ: уже бо бѣды его пасетъ птиць; подобію влъци грозу въ срожатъ, по яругамъ; орли клектомъ на кости звѣри зовутъ (к), лисици

шая ночью буря пробуждаетъ птицъ; ревутъ звѣри стадами; кричитъ филинъ на вершинѣ дерева, чтобъ слышали голосъ его въ землѣ незнаемой, по Волгѣ и по морю, по Сулѣ, по Суражу въ Корсунѣ и у тебя, Тмутараканскій истуканъ! Половцы бѣгутъ неготовыми дорогами къ Дону великому; скрыпятъ возы въ полуночи, какъ лебеди скликаяся. Игорь къ Дону войска ведетъ; уже птицы бѣду ему предрекаютъ, волки по оврагамъ вытьемъ своимъ страхъ наводятъ; орлы звѣрей на трупы сзы-

Всеволодъ Святославличъ, меньшій братъ *Игоревъ* превосходилъ всѣхъ своего времени Князей нетокмо возрастомъ тѣла и видомъ, которому подобнаго не было, но храбростію и всѣми душевными добродѣтелями прославлялся повсюду — *Татищ.* истор. Часть III. стр: 320.

(к) Птичій полетъ издавна былъ у многихъ народовъ предзнаменованіемъ щастія или нещастія въ предпріятомъ намѣреніи; и Рим-

брешутъ на чръленыя щиты. О руская земле! уже за Шеломянемъ (л) еси. Длъго. Нощь мркнетъ, заря свѣтъ запала, мъгла поля покрыла, щекотъ славій успе, говоръ галичь убуди. Русичи великая поля чрълеными щиты прегородиша, ищучи себѣ чти, а Князю славы.

Съ заранія въ пятькъ потопташа поганыя плъкы Половецкыя; и рассушясь стрѣлами по полю, помчаша красныя дѣвкы Половецкыя, а съ ними злато, и паволокы, и дра-

вають, а лисицы лають на багряные щиты. О Рускіе люди! далеко уже вы за Шеломенемъ. Ночь меркнетъ, свѣтъ зари погасаетъ, мглою поля устилаются, пѣснь соловьиная умолкаетъ, говоръ галокъ начинается. Преградили Россіяне багряными щитами широкія поля, ища себѣ чести, а Князю славы.

На зарѣ въ Пятницу разбили они Половецкіе нечестивые полки, и разсыпавшись какъ стрѣлы по полю, увезли красныхъ Половецкихъ дѣвицъ, а съ ними золото, богатыя

ляне гадали по птицамъ. Равномѣрно примѣчали, въ которую сторону слетались хищныя птицы, и тамъ неминумой предполагали быть гибели людской. Волчій вой также предвѣщалъ кровопролитную войну.

(л) Русское село въ области Переяславской на границѣ къ Половцамъ лежащее близь рѣки *Ольты*. *Татищ*. Часть III. стр. 120.

гыя оксамиты; орътъмами и японгицами, и кожухы нагаша мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ, и всякыми узорогьи Половѣцкыми. Чрьленъ стягъ, бѣла хорюговь, грьлена голка, сребрено стружїе (м) *храброму Святьславлигю. Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо далече залетѣло; небылонъ обидѣ порождено, ни соколу, ни крегету, ни тебѣ грьный воронъ, поганый Половгине. Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ влъкомъ; Конгакъ* (н) *ему слѣдъ правитъ къ Дону великому.*

ткани, и дорогїя бархаты. Охабнями, плащами, шубами и всякими Половецкими нарядами, по болотамъ и грязнымъ мѣстамъ начали мосты мостить. Багряное знамя, бѣлая хоругвь, багряная челка и серебреное древко достались отважному Святославичу. Дремлетъ въ полѣ Ольгово храброе гнѣздо, далеко залетѣвъ. Не родилось оно обидъ терпѣть ни отъ сокола, ни отъ кречета, ни отъ тебя, черный воронъ, нечестивый Половчанинъ! Бѣжитъ Гзакъ сѣрымъ волкомъ, а въ слѣдъ за нимъ и Кончакъ спѣшитъ къ Дону великому.

(*м*) Воинскїе почетные доспѣхи.

(*н*) *Гзакъ* и *Кончакъ*, оба Половецкїе Князья, предводительствовавшїе тогда войскомъ своимъ противъ Князя *Игоря*.

Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ; чръныя тучя съ моря идутъ, хотятъ прикрыти д҃ солнца: а въ нихъ трепещуть синіи млъніи, быти грому великому, итти дождю стрѣлами съ Дону великаго: ту ся копіемъ приламати, ту ся саблямъ потручяти о шеломы Половецкыя, на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону великаго. О Руская землѣ! уже не Шеломянемъ еси. Се вѣтри, Стрибожи (о) *внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрыя плъкы Игоревы! земля тутнетъ, рѣкы мутно текуть; пороси поля прикрываютъ; стязи глаго-*

На другой день весьма рано, заря съ кровавымъ свѣтомъ появляется, находятъ съ моря тучи черныя, хотятъ закрыть четыре солнца; сверкаетъ въ нихъ молнія, быть грому страшному, литься дождю стрѣлами съ Дона великаго. Тутъ-то копьямъ поломаться, тутъ-то саблямъ притупиться объ шлемы Половецкіе, на рѣкѣ Каялѣ, у Дону великаго. О Русскіе люди! уже вы за Шеломенемъ. Уже вѣтры, внуки Стрибога, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрые полки Игоревы; топотъ по землѣ раздается, вода въ рѣкахъ мутится, пыль столбомъ въ полѣ подымается,

(о) *Стрибогъ* (Славенскій *Эолъ*) кумиръ во время язычества въ Кіевѣ Боготворимый; ему приписывали власть надъ вѣтрами.

лютъ, Половци идуть отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ. Рускыя плъкы отступиша. Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша, а храбрїи Русици преградиша чрълеными щиты. Ярь туре Всеволодѣ! стоиши на борони, прыщеши на вои стрѣлами, гремлеши о шеломы мечи харалужными. Камо Туръ поскочяше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, тамо лежатъ поганыя головы Половецкыя; поскепаны саблями калеными шеломы Оварьскыя отъ тебе Ярь Туре Всеволоде. Кая раны дорога, братїе, забывъ чти и живота, и града Чрънигова,

знамена шумятъ, идутъ Половцы отъ Дона, и отъ моря, и со всѣхъ сторонъ: войско Русское подалось назадъ. Бѣсовы дѣти оградили станъ свой крикомъ, а храбрые Россїяне багряными щитами. О богатырь Всеволодъ! ты стоя на сторожѣ, градомъ пускаешь стрѣлы на враговъ своихъ, а булатными мечами гремишь объ шлемы ихъ. Гдѣ ты, богатырь, ни появишся, блистая золотымъ своимъ шлемомъ, тамъ лежатъ нечестивыя головы Половецкїя, и разсѣчены булатными саблями Оварскїе шлемы ихъ отъ тебя, храбрый Всеволодъ! Какими, братцы, ранами подорожитъ онъ, забывъ почести и веселую жизнь, городъ Черниговъ,

отня злата стола, и своя милыя хоти красныя Глѣбовны (л) *свычая и обычая? Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля* (р); *были плъци Олговы* (с),

отеческой золотой престолъ, всѣ милыя прихоти, обычаи и привѣтливость прекрасной своей супруги Глѣбовны! Прошли сьѣзды Трояновы, протекли лѣта Ярославовы, миновались брани Олеговы,

(л) Супруга *Всеволода Святославича*, брата *Игорева*, Дочь Князя *Глѣба Юрьевича* Переяславскаго.

(р) Тритцати-пяти-лѣтнее Государствованіе *Ярослава I* надолго оставалось памятнымъ для Россіянъ. Храбрость его превозносима была за одержанныя имъ многократныя побѣды надъ братоубійцею *Святополкомъ* и надъ *Тьмутараканскимъ* Княземъ *Мстиславомъ*, за отобраніе у Польскаго Короля *Болеслава* принадлежавшихъ Россіи *Червенскихъ* городовъ и за покореніе *Лифляндіи* и *Эстляндіи*. Не менѣе того и мудрость *Ярославова* славилась въ потомствѣ: онъ построилъ по рѣкѣ *Рси* и за *Днѣпромъ* многіе города, населивъ пришельцами и плѣнниками; набожностію своею укоренилъ онъ въ Россіи православную вѣру, родителемъ его насажденную, и старался распространить ученость, приказавъ съ Греческаго переводить лучшія книги и нѣсколько оныхъ для народа по Русски сочинить.

(с) Князь *Олегъ Святославичъ*, бывшій съ 1065 по 1114 годъ на Тьмутараканскомъ Княженіи. Безпокойный нравъ его и склонность къ возмущеніямъ много навлекли зла на землю Рускую Половцы всегда были орудіемъ замысловъ его Онъ многократно приглашалъ ихъ на разореніе своего отечества, и вмѣсто платы за вспоможеніе, попускалъ имъ опустошать и грабить повсюду. Въ 1096 году Русскіе Князья рѣшились усмирить его, и соединенно выступили противъ него со многочисленнымъ войскомъ; но по причинѣ всегда вѣроломныхъ съ его стороны примиреній едва могли удержать алчность его, предписавъ ему съ братьями

Ольга Святъславлича. Тъй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше, и стрѣлы по земли сѣяше. Ступаетъ въ златъ стремень въ градѣ Тьмутороканѣ. Тоже звонъ слыша давный великый Ярославь (т) сынъ Всеволожь: а Владимiръ (у) по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ; Бориса же Вячеславлича (ф) слава

Олега Святославича. Сей - то *Олегъ* мечемъ крамолу ковалъ и стрѣлы по землѣ сѣялъ. Онъ ступалъ въ золотое стремя въ городѣ *Тмуторокани*; звукъ побѣдъ его слышалъ старый великiй *Ярославъ* сынъ *Всеволодовъ*: но *Владимiръ* затыкалъ себѣ уши всякое утро въ Черниговѣ; *Бориса* же *Вячеславича* слава

своими довольствоваться владѣнiемъ *Чернигова, Сѣверы, Вятичей*, *Мурома* и *Тмутаракани*, которыя состояли за отцемъ его.

(т) Князь *Ярославъ*, сынъ Князя *Всеволода Ольговича*, съ 1174 по 1200 годъ Княжествомъ *Черниговскимъ* обладавшiй.

(у) Князь *Владiмиръ Всеволодовичь*, бывшiй потомъ Великимъ Княземъ Кiевскимъ и проименованiе *Мономаха* получившiй, въ 1094 году лишась Черниговскаго Престола отъ вышеупомянутаго Тьмутараканскаго Князя *Ольга Святославича*, принужденъ былъ остаться на удѣлъ въ *Переяславлѣ*.

(ф) Сей *Борисъ* по Ростовской и Никоновской лѣтописямъ *Вячеславичемъ*, а у Нестора и Татищева *Святославичемъ* названъ, и въ поколѣнной I. росписи Г. Стриттера Исторiи Россiйскаго

на судъ привеле, и на канину зелену палолому постла, за обиду Олгову храбра и млада Князя. Съ тояже Каялы Святоплъкь (х) повелѣя отца своего междю Угорьскими иноходьцы ко Святѣй Софіи къ Кіеву. Тогда при Олзѣ Гориславличи (ц) сѣяшется и растяшеть усобицами; погибашеть жизнь	на судъ привела, онъ положенъ на конскую попону зеленую за обиду молодаго храбраго Князя *Олега*. Съ той же Каялы велъ *Святололкъ* войски отца своего сквозь Венгерскую конницу въ Кіевъ ко святой Софіи Тогда при *Олегѣ Гориславичѣ* сѣялись и возрастали междоусобія, была гибель

Государства въ 7 степени показанъ *Борисомъ Вячеславичемъ*. Но по чему онъ призыванъ былъ на судъ Великаго Князя, Лѣтописи о семъ умолчали.

Обрядъ же съѣздовъ для суда *Татищевъ* (Исторіи своей въ Томѣ 2 на стр. 195 и 196) изъясняетъ слѣдующимъ образомъ: что обвиняемый призыванъ былъ въ шатеръ, гдѣ всѣ Князья сидѣли на коврѣ, и по обыкновенномъ поздравленіи сажали его на такой же коверъ. По томъ всѣ Князья вышедъ изъ шатра, садились на коней, и раздѣлясь, каждой Князь особо разсуждалъ съ своими Боярами, а судимый оставался одинъ, по тому что никто его къ себѣ не допускалъ.

(х) Пять исчисляется *Святополковъ*; до котораго же изъ нихъ касается сіе обстоятельство, ничѣмъ не объяснено.

(ц) Неизвѣстенъ.

Даждь-Божа (г) внука, въ Княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомъ скратишась. Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть: нъ часто врани граяхуть, трупїа себѣ дѣляче; а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уедїе. То было въ ты рати, и въ ты плъкы; а сице и рати не слышано: съ заранїа до вечера, съ вечера до свѣта летятъ стрѣлы каленыя; гримлютъ сабли о шеломы; трещатъ копїа харалужныя, въ полѣ незнаемѣ среди земли Половецкыи. Чрьна земля подъ копыты, костьми

Даждь-Божевымъ внукамъ, жизнь людей въ Княжескихъ ссорахъ прекращалася, и въ Русской землѣ рѣдко веселїе земледѣльцовъ раздавалося: но часто каркали вороны, дѣля между собою трупы; галки же отлетая на мѣсто покормки, перекликалися. Такъ бывало во время прежнихъ браней и отъ тогдашнихъ войскъ; а такого сраженїя еще и не слыхано, чтобъ съ утра до вечера, съ вечера до свѣта летали стрѣлы каленыя, гремѣли сабли объ шлемы, трещали копья булатныя, въ полѣ незнаемомъ среди земли Половецкой. Черная земля подъ копытами

(г) Кумиръ, въ Кїевѣ боготворимый, — податель всякихъ благъ. Пользующїеся благоденствїемъ, какъ даромъ Даждь-божевымъ, названы его внуками.

была посѣяна, а кровїю польяна; тугою взыдоша по Руской земли. Что ми шумить, что ми звенить давеча рано предъ зорями? Игорь пълкы заворочаетъ; жаль бо ему мила брата Всеволода. Бишася день, бишася другый: третьяго дни къ полуднїю падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы. Ту кроваваго вина недоста; ту пиръ докончаша храбрїи Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую (ш) *Ничить трава жало-*

костьми была посѣяна, а кровїю полита, и по всей Русской землѣ возрасла бѣда. Но что за шумъ, что за звукъ такъ рано, до зари утренней? Игорь двигнулся съ своими полками: жаль ему милаго брата *Всеволода*. Билися день, бились другой, а на третїй передъ полуднемъ пали знамена *Игоревы*. Тутъ братья разлучилися на берегу быстрой *Каялы*. Не достало у нихъ вина кроваваго; храбрые Руссы тамъ пиръ свой кончили, сватовъ попоили, а сами полегли за землю Русскую. Увяла трава отъ жалости, наклонились

(*ш*) *Половцы* возгордясь побѣдою и взятїемъ въ плѣнъ Игоря съ товарищи, прислали къ Великому Князю Святославу купцовъ Русскихъ съ росписью, сколько за кого требовали окупа. За *Игоря* положили они цѣну по тогдашнему времени несносную, а именно 2000 гривенъ (фунтовъ) серебра; и хотя Великїй Князь Кїевскїй, любя его, хотѣлъ выкупить, но *Половцы* инако на сїе не согла-

щами, а древо стугою къ земли преклонилось. Уже бо, братіе, не веселая година въстала, уже пустыни силу прикрыла. Въстала обида въ силахъ Дажь-Божа внука. Вступилъ дѣвою на землю Трояню, въсплескала лебедиными крылы на синѣмъ море у Дону плещучи, убуди жирня времена. Усобица Княземъ на поганыя погыбе, рекоста бо братъ брату: се мое, а то моеже; и начяша Князи про малое, се великое млъвити, а сами на себѣ крамолу ковати: а погании съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Рускую О! да-

деревья отъ печали. Невеселая уже, братцы, пора пришла: пала въ пустынѣ сила многая, возстала обида Даждь-Божевымъ внукамъ. Она вступивъ дѣвою на землю *Троянову*, восплескала крылами лебедиными, на синемъ морѣ у Дону купаючись, разбудила времена тяжкія. Перестали Князья нападать на невѣрныхъ, братъ брату сталъ говорить: „сіе мое, и то моеже„ Начали Князья за малое, какъ будто бы за великое, ссориться и сами на себя крамолу ковать. Тѣмъ временемъ нечестивые со всѣхъ сторонъ стекалися на одолѣніе Русской земли. О!

шались какъ требуя, дабы прежде младшіе Князья всѣ и Воеводы были выкуплены по назначенной въ росписи цѣнѣ. — *Татищ:* III. стр. 266, 269.

лече зайде соколъ, птиць бья къ морю: а Игорева храбраго плъку не крѣсити (щ). *За нимъ кликну Карна и Жля* (ъ), *по скочи по Руской земли, смагу* (ы) *мычючи въ пламянѣ розѣ Жены Рускія въсплакашась аркучи: уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслію смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати. А въстона бо, братіе, Кіевъ тугою, а Черниговъ напастьми; тоска разлiяся по Руской земли; печаль жирна тече средь земли*

далеко залетѣлъ ты соколъ, побивая птицъ у моря; а Игорева храбраго войска уже не воскресити! Воскликнули тогда Карня и Жля, и прискакавъ въ землю Русскую стали томить людей огнемъ и мечемъ. Зарыдали тутъ жены Русскія, приговаривая: „уже намъ объ милыхъ своихъ ни мыслію „взмыслити, ни думою вздумати, ни глазами ихъ увидѣть, а золота и серебра не „возвратить„. Возстеналъ братцы, Кіевъ отъ печали, а Черниговъ отъ напасти; разлилась тоска по всей Русской земли; тяжкая пе-

(щ) Ясное здѣсь знаменованіе глагола *крешу* доказываетъ, что слово *Воскресеніе* точно отъ того происходитъ.

(ъ) *Карня* и *Жля* предводители хищныхъ Половцевъ, безъ милосердія разорявшихъ тогда землю Русскую.

(ы) *Смага*, Малороссійское названіе, *жажда*, и отъ того говорится: сохнетъ, *смягнетъ во рту*.

Руский; а Князи сами на себе крамолу коваху; а поганіи сами побѣдами нарищуще на Рускую землю, емляху дань по бѣлѣ отъ двора. Тіи бо два храбрая Святъславлича, Игорь и Всеволодъ уже лжу убуди, которую то бяше успилъ отецъ ихъ Святъславь грозный Великый Кіевскый. Грозою бяшеть, притрепеталъ своими сильными плъкы и харалужными мечи; наступи на землю Половецкую; притопта хлъми и яругы; взмути рѣки и озеры; иссуши потоки и болота, а поганаго Кобяка (ъ) изъ

чаль постигла Русскихъ людей. Князья между собой враждовали, а нечестивые рыская по землѣ Русской. брали дань по бѣлкѣ со двора. Сіи-то два храбрые Святославичи, Игорь и Всеволодъ, возобновили злобу, которую прекратилъ было отецъ ихъ, грозный Святославъ, Великій Князь Кіевскій. Онъ былъ страшенъ всѣмъ, отъ сильнаго воинства и отъ булатныхъ мечей его всѣ трепетали, наступилъ онъ на землю Половецкую, притопталъ холмы и буераки, помутилъ воду въ рѣкахъ и озерахъ, изсушилъ источники и болота, а нечестиваго Кобяка изъ луки мор-

(ъ) *Кобякъ* Князь Половецкій, котораго Великій Князь *Святославъ* III. въ 1184 году не подалеку рѣки *Орла* побѣдилъ на сраженіи, взялъ его самаго въ плѣнъ съ двумя сыновьями и съ другими Князьями и семь тысячь войска его.

луку (ѣ) моря отъ желѣзныхъ великихъ плъковъ Половецкихъ, яко вихръ выторже: и падеся Кобякъ въ градѣ Кїевѣ, въ гридницѣ Святъславли. Ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поютъ славу Святъславлю кають Князя Игоря, иже погрузи жиръ во днѣ Каялы рѣкы Половецкїя, Рускаго злата насыпаша. Ту Игорь Князь высѣдѣ изъ сѣдла злата, а въ сѣдло Кощїево (э); уныша бо градомъ забралы, а веселїе пониче. А

ской, изъ средины желѣзныхъ великихъ полковъ Половецкихъ, подобно вихрю, исторгнулъ; и очутился Кобякъ въ городѣ Кїевѣ во дворцѣ Святославовомъ. Тамъ Нѣмцы и Венецїане, тамъ Греки и Моравцы воспѣваютъ славу Святославу и охуждаютъ Князя Игоря, погрузившаго силу на дно Каялы, рѣки Половецкїя, и потопившаго въ ней Руское золото. Тогда Игорь Князь изъ своего золотаго сѣдла пересѣлъ въ сѣдло Кащеево. Уныли въ то время городскїя стѣны, помрачилося веселїе. Святославу же

(ѣ) *Лука*, кривизна, излучина.

(э) О *Кощѣ* упоминается въ Исторїи Татищева Том. III. на стр. 159: что онъ въ 1168 году, когда Великїй Князь Мстиславъ II отправился съ войскомъ противъ Половцевъ, перебѣжалъ къ нимъ и предварилъ ихъ о семъ наступленїи.

Святъславь (ю) мутенъ сонъ видѣ: въ Кіевѣ на горахъ си ночь съ вечера одѣвахъте мя, рече, чръною паполомою, на кроваты тисовѣ. Чръпахуть ми синее вино съ трудомь смѣшено; сыпахутьми тъщими тулы поганыхъ тльковинъ великый женчюгь на лоно, и нѣгуютъ мя; уже дьскы безъ кнѣса вмоемъ теремѣ златовръсѣмъ. Всю нощь съ вечера босуви врани възграяху, у Плѣсньска (я) на болони (θ) бѣша дебрь Ки-

худой сонъ привидѣлся: „на горахъ Кіевскихъ въ ночь сію съ вечера одѣвали вы меня (онъ Боярамъ разсказывалъ) чернымъ покровомъ на тесовой кровати; подносили мнѣ синее вино съ ядомъ смѣшанное; сыпали изъ пустыхъ колчановъ на лоно мое крупный жемчугъ въ нечистыхъ раковинахъ, и меня нѣжили. На златоверхомъ моемъ теремѣ будтобъ всѣ доски безъ верхней перекладины; будтобъ во всю ночь съ вечера до свѣта вороны каркали, усѣвшись у Плѣнска на выгонѣ въ дебри

(ю) Великій Князь Святославъ III, сынъ Всеволода II, обладавшій Кіевомъ во время случившагося съ Княземъ Игоремъ нещастія.

(я) Городъ Галичскаго Княженія, смежный съ Владимірскимъ на Волынѣ — *Татищ.* Часть III. стр. 287 и 288.

(θ) *Болтинъ* въ критич. примѣч. на 2 Томъ Исторіи Кн. Щербатова на стр. 194 и 195 извѣщаетъ: „Болонье значитъ порожжее

саню, и не сошлю къ синему морю. И ркоша бояре Князю: уже Княже туга умь лолонила; се бо два сокола слѣтѣста съ отня стола злата, лоискати града Тьмутороканя (г), *а любо испити шеломомь Дону. Уже соколома крильца априпѣшали логаныхъ саблями, а самаю олустоша въ лутины желѣзны.*

Кисановой, и не полетѣли къ морю синему. „Бояре Князю отвѣчали: „одолѣла печаль умы наши! сонъ сей значитъ: что слетѣли два сокола съ золотаго родительскаго Престола доставать города Тьмутаракани, или шлемомъ изъ Дона напиться воды, и что тѣмъ соколамъ обрублены крылья саблями нечестивыхъ, и сами они попались въ опутины желѣзныя,,.

„пространство между валовъ, окрестность города составляю-„щихъ, которое служило для выгону скота, для огородовъ, а „иногда и нѣкоторые строенія бывали тамъ дѣланы,, — Въ Кіевѣ, въ Нижнемъ городѣ выгонная за валомъ земля, по дорогѣ къ бывшему Межигорскому монастырю, и по нынѣ называется *Оболонье.*

(*г*) Тьмутараканское Княженіе до тѣхъ только поръ состояло въ полной власти и принадлежало Россіи, пока единоначаліе имѣло еще нѣкоторую силу; но какъ скоро междоусобія и неподчиненность удѣльныхъ Князей къ первопрестольному Кіевскому Князю превзошли мѣру, то Половцы, усилившись отъ сихъ несогласій, завладѣли Тьмутараканью. — Смотри Истор. Изслѣд. о Тьмутараканскомъ Княженіи, печат. въ С. Петербургѣ 1794.

Темно бо бѣ въ҃г день: два солнца помѣркоста, оба багряная стлъла погасоста, и съ нимъ молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ тъмою ся поволокоста. На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла: по Руской земли прострошася Половци, аки пардуже гнѣздо, и въ морѣ погрузиста, и великое буйство подасть Хинови. Уже снесеся хула на хвалу; уже тресну нужда на волю; уже връжеса дивь на землю. Се бо Готскїя (а) *красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю. Звоня Рускымъ златомъ, поютъ время Бу-*

Темно стало на третїй день: два солнца померкли, оба багряные столпа погасли, а съ ними и молодые мѣсяцы, *Олегъ* и *Святославъ*, помрачилися. На рѣкѣ Каялѣ свѣтъ въ тьму превратился; разсыпались Половцы по Русской землѣ, какъ леопарды изъ логовища вышедшїе; погрузили въ безднѣ силу Русскую и придали Хану ихъ великое буйство. Уже хула превзошла хвалу; уже насилїе возстало на вольность; уже филинъ спустился на землю. Раздаются пѣсни Готфскихъ красныхъ дѣвицъ по берегамъ моря синяго. Звеня Русскимъ золотомъ, воспѣваютъ онѣ времена Бу-

(а) По какой связи сїя одержанная Половцами побѣда могла доставить Готфскимъ дѣвамъ Русское золото, сообразить не возможно.

сово, лелѣютъ месть Шароканю (6). *А мы уже дружина жадни веселія. Тогда Великій Святславъ изрони злато слово слезами смѣшено, и рече: о моя сыновча Игорю и Всеволоде! рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати. Нъ нечестно одолѣсте: нечестно бо кровь поганую проліясте. Ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузѣ скована, а въ буести закалена. Се ли створисте моей сребреней сѣдинѣ! А уже не вижду власти сильнаго, и богатаго и многовои брата моего*

совы, славятъ мщеніе Шураканово. А намъ уже, братцы, нѣтъ веселія! Тогда Великій Князь *Святославъ* вымолвилъ золотое слово, со слезами смѣшанное: „О! „кровные мои, *Игорь* и *Всево-* „*лодъ!* рано вы начали воевать землю Половецкую, а „себѣ славы искать. Нечестно ваше одолѣніе, не праведно пролита вами кровь непріятельская. Ваши храбрыя „сердца изъ крѣпкаго булата „скованы и въ буйствѣ закалены. Сего ли я ожидалъ отъ „васъ при сребристой сѣдинѣ моей! Я уже не вижу „власти сильнаго, богатаго „и многовойнаго брата моего

(6) Кто былъ *Бусъ*, не извѣстно; а о *Шураканѣ*, въ Лѣтописяхъ подъ 1107 годомъ упоминается, что по имени сего *Князя* названъ былъ Половецкій на рѣкѣ Донцѣ городъ, съ котораго въ 1111 году Русскіе взяли окупъ. *Татищ.* част. II стран. 204.

Ярослаеа съ Черниговьскими былями, съ Могуты и съ Татраны и съ Шельбиры, и съ Топчакы, исъ Ревугы, и съОльберы. Тии бо бес щитовь съ засапожникы кликомъ плъкы побѣждаютъ, звонячи въ прадѣднюю славу. Нъ рекосте му жа имѣся сами, преднюю славу сами похитимъ, а заднюю ся сами подѣлимъ. А чи диво ся братие стару помолодити? Коли соколъ въ мытехъ бываетъ, высоко птицъ възбиваетъ; не дастъ гнѣзда своего въ обиду. Нъ се зло Княжеми не пособие; на ниче ся годины обратиша Се Уримъ (в) кричатъ подъ саблями Половецкыми, а

„*Ярослаеа* съ Черниговскими „Боярами, съ Могутами и съ „Татранами, съ Шелбирами „и съ Топчаками, съ Ревугами „и съ Ольберами. Они безъ „щитовъ съ кинжалами, од-„нимъ крикомъ побѣждаютъ „войска, гремя славою пра-„дѣдовъ Не говорятъ они, „мы де сами предстоящую „славу похитимъ, а про-„шедшею съ другими подѣ-„лимся. Но мудрено ли, брат-„цы, и старому помолодѣть? „Когда соколъ перелиняетъ, „тогда онъ птицъ высоко „загоняетъ и не даетъ въ „обиду гнѣзда своего. Но то „бѣда, что мнѣ Князья не въ „пособіе, время все переиначи-„ло„. Уже кричитъ Уримъ подъ саблями Половецкими, а

(в). Одинъ изъ Воеводъ, или изъ союзниковъ Князя Игоря, въ семъ сраженіи участвовавшій

Володимиръ подъ ранами. Туга и тоска сыну Глѣбову (г). *Великый Княже Всеволоде* (д)! *не мыслію ти прелетѣти издалеча, отня злата стола поблюсти? Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти. Аже бы ты былъ, то была бы Чага по ногатѣ, а Кощей* (е) *по резанѣ* (ж).

Володиміръ подъ ранами. Горе и печаль сыну *Глѣбову!* О великій Князь *Всеволодъ!* почто не помыслишь ты прилетѣть издалека для защиты отеческаго золотаго Престола? Ты можешь Волгу веслами разбрызгать, а Донъ шлемами вычерпать. Когда бы ты здѣсь былъ, тобъ были *Чага* по ногатѣ, а *Кощей* по резани. Ты можешь

(*г*) Кого сочинитель сей поэмы разумѣетъ подъ именемъ сына *Глѣбова*, рѣшительно сказать не льзя; ибо изъ современниковъ сему происшествію сыновья, отъ Князей Глѣбовыхъ рожденные, были: *Владиміръ*, сынъ Князя Глѣба Юрьевича, княжившаго въ Переяславлѣ; *Ростиславъ*, сынъ Князя Глѣба Всеславича, княжившаго въ Полоцкѣ; *Романъ*, сынъ Князя Глѣба Ростиславича, княжившаго въ Разанѣ.

(*д*) Сіе относится къ Великому Князю *Всеволоду* III сыну Князя *Ольга Святославича* Тьмутараканскаго.

(*е*) О *Кощеѣ* предъ симъ уже упомянуто; а *Чага* уповательно тоже что и *Кончакъ* Князь Половецкій (о коемъ ниже упомянется) уменшителнымъ либо презрителнымъ именемъ названный.

(*ж*) *Ногата* ходячая монета, коихъ въ кунѣ было 4, а въ гривнѣ кунами 80. — *Рязанъ* также самая мѣлкая монета изъ ходячихъ, и по соображенію кажется состояло ихъ въ векощѣ 4, а векошей въ ногатѣ 2. — *Правда Русская* стр. 18.

Ты бо можеши посуху живыми шереширы (з) стрѣляти удалыми сыны Глѣбовы. Ты буй Рюриче и Давыде (и), не ваю ли злачеными шеломы по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкаютъ акы тури, ранены саблями калеными, на полѣ незнаемѣ? Вступита Господина въ злата стремень за обиду сего

на сухомъ пути живыми шереширами стрѣлять чрезъ удалыхъ сыновъ *Глѣбовыхъ*. О вы храбрые *Рюрикъ* и *Давидъ*! Не ваши ли позлащенные шлемы въ крови плавали? Не ваша ли храбрая дружина рыкаетъ, подобно воламъ израненымъ саблями булатными въ полѣ незнаемомъ? Вступите, Государи, въ свои златыя стремена за обиду сего времени, за

(*з*) Неизвѣстный уже нынѣ воинскій снарядъ. Можетъ быть, родъ пращи, которою каменья метали, или какое либо огнестрѣльное орудіе; ибо въ Лѣтописяхъ сего времени упоминается: „что „въ 1185 году *Кончакъ* Князь Половецкій собравъ войско вели-„кое, пошелъ на предѣлы Русскіе, имѣя съ собою мужа умѣюща-„го стрѣлять огнемъ, у коего были самострѣльныя туги такъ „велики, что едва восемь человѣкъ могли натягивать, и укрѣ-„пленъ былъ на возу великомъ, чемъ онъ могъ бросать и ка-„менія въ средину града въ подъемъ человѣку: а для метанія „огня имѣлъ особый малѣйшій возъ. — *Татищ.* Часть III. стр. 259.

(*и*) Современные сему произшествію Князья *Рюрикъ* и *Давыдъ*, сыновья Великаго Князя *Ростислава Мстиславича*.

времени, за землю Рускую, за раны Игоревы, буего Святславлича! Галичкы Осмомыслѣ Ярославе (і) *высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ. Подперъ горы Угорскыи своими желѣзными плъки, заступивъ Королеви путь, затвори въ Дунаю ворота, меча времены чрезъ облаки, суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землямъ текутъ; оттворяеши Кіеву врата; стрѣляеши съ отня злата стола Салтани за землями. Стрѣляй Господине Кончака, поганого Кощея за землю Рускую, за раны Игоревы буего Святславлича.*

землю Русскую, за раны *Игоря*, храбраго *Святославича.* А ты Осмомыслъ *Ярославъ Галицкій!* высоко сидишь на своемъ златокованномъ Престолѣ. Ты подперъ горы Венгерскія своими полками желѣзными, ты заградилъ путь Королю, ты затворилъ Дунаю ворота, бросая тягости чрезъ облака, и простирая власть свою до той рѣки! Грозное имя твое разнеслось по всѣмъ землямъ; отверзтъ тебѣ путь къ Кіеву, стрѣляешь ты съ отеческаго золотаго Престола на Солтановъ въ земли дальнія. Стрѣляй, о Государь! въ *Кончака* и въ невѣрнаго *Кощея* за землю Русскую, за раны храбраго *Игоря Святославича*.

(і) Князь *Ярославъ*, сынъ Князя Владимїра Володарича Галичскаго.

А ты буй Романе и Мстиславе (к)*! храбрая мысль носитъ васъ умъ на дѣло. Высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрехъ ширяяся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти. Суть бо у ваю*	А вы, о храбрые *Романъ* и *Мстиславъ!* ваша мысль твердая возноситъ умъ на подвиги. Вы отважно возвышаетесь въ предпріятіяхъ своихъ подобно соколу, на вѣтрахъ ширящемуся и къ одолѣнію птицы быстро стремящемуся. У васъ латы

(к) Великій Князь *Романъ*, сынъ Великаго Князя Ростислава Мстиславича Сей Князь въ 1173 году, въ продолженіе войны своей противъ Литвы, такой страхъ и опустошеніе распространилъ тамо, что никто не смѣлъ противостать ему. Литовцы бѣгая отъ него, укрывались въ лѣсахъ. По возвращеніи изъ похода своего, множество плѣнныхъ роздалъ онъ по селамъ въ работы и приказалъ ими пахать. Отъ сего произошла въ Литвѣ пословица: *зле, Романе! робишь, что Литвиномъ орешъ. Татищ.* Часть III. стр. 183.

Подъ именемъ же *Мстислава* здѣсь разумѣть должно Князя *Мстислава Ростиславича*, роднаго брата вышепомянутому Князю *Роману*. Онъ равномѣрно явилъ опыты храбрости своей противъ Великаго Князя *Андрея Юрьевича Боголюбскаго*. Ибо осажденъ будучи въ Вышеградѣ многочисленнымъ войскомъ и находясь въ крайней опасности, такъ благоразумно и отважно принялъ свои мѣры, что войско непріятелей своихъ, въ которомъ находилось до двадцати союзныхъ Князей, разбилъ и прогналъ.

желѣзныи папорзи подъ шеломы латинскими. Тѣми тресну земля, и многи страны Хинова. Литва, Ятвязи, Деремела, и Половци сулици своя поврьгоща, а главы своя поклониша подъ тыи мечи харалужныи. Нъ уже Княже Игорю, утрпѣ солнцю свѣтъ, а древо не бологомъ листвiе срони: по Рсiи, по Сули гради подѣлиша; а Игорева храбраго плъку не крѣсити. Донъ ти Княже кличетъ, и зоветь Князи на побѣду. Олговичи (л) храбрыи Князи доспѣли на брань. Инъгварь и Всеволодъ, и вси три Мстиславичи (м), не худа гнѣзда

желѣзныя подъ шлемами Латинскими. Потряслась отъ нихъ земля, и многiя страны Ханскiя. Литва, Ятвяги, Деремела и Половцы повергнувъ свои копья, подклонили свои головы подъ тѣ мечи булатные. Но для Князя *Игоря* помрачился уже свѣтъ солнечный; не отъ добра опали съ деревъ листы. По Роси и по Сулѣ города въ раздѣлъ пошли; а *Игореву* храброму полку не воскресути! О Князь! Донъ тебя кличетъ и Князей на побѣду созываетъ. Храбрые Князи *Ольговичи* на брань поспѣшили. *Ингварь* и *Всеволодъ*, и всѣ трое *Мстиславичи*, не худаго

(*л*) Князья, отъ Князя *Ольга Святославича* поколѣнiе свое ведущiе.

(*м*) Потомки Великаго Князя *Мстислава Владимiровича, Мономахова* сына. У *Мстислава* было пять сыновей.

шестокрилци, непобѣдными жребіи собѣ власти расхытисте? Кое ваши златыи шеломы и сулицы Ляцкіи и щиты! Загородите полю ворота своими острыми стрѣлами за землю Русскую, за раны Игоревы буего Святъславлича. Уже бо Сула не течетъ сребреными струями къ граду Переяславлю, и Двина болотомъ течетъ онымъ грознымъ Полочаномъ подъ кликомъ поганыхъ. Единъ же Изяславъ (*н*) *сынъ Васильковъ позвони своими острыми мечи о шеломы Литовскія; притрепа славу дѣду своему Всеславу, а самъ подъ чрълеными щиты на кро-*

гнѣзда шестокрилицы, не побѣдамиль жребій власти вы себѣ доставили? Къ чему же вамъ золотые шлемы, копья и щиты Польскіе! Заградите въ поле ворота стрѣлами своими острыми, вступитесь за землю Русскую, за раны храбраго *Игоря Святославича*. Уже Сула не течетъ серебристыми струями къ городу Переяславлю; Двина уже болотомъ течетъ къ тѣмъ грознымъ Половчанамъ при восклицаніи нечестивыхъ. Одинъ только *Изъяславъ* сынъ *Васильковъ* позвенѣлъ своими острыми мечами по шлемамъ Литовскимъ; помрачилъ славу дѣда своего *Всеслава*, и самъ подъ багряными щитами на

(*н*) О бѣдственной участи Князя *Изяслава* лѣтописатели Русскіе умолчали.

вавѣ травѣ притрепанъ Литовскыми мечи. И схоти ю на кровать, и рекъ: дружину твою, Княже, птиць крилы пріодѣ, а звѣри кровь полизаша. Не бысь ту брата Брячислава, ни другаго Всеволода; единъ же изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла, чресъ злато ожереліе. Унылы голоси, пониче веселіе. Трубы трубятъ Городеньскіи. Ярославе, и вси внуце Всеславли (*о*) *уже понизить стязи свои, вонзить свои мечи вережени; уже бо выскочисте изъ дѣдней*

окровавленной травѣ погибъ отъ мечей Литовскихъ. На семъ-то одрѣ лежа, произнесъ онъ: „Дружину твою, „Князь, птицы пріодѣли „крыльями, а звѣри кровь „полизали„. Не было тутъ братьевъ ни *Брячислава*, ни *Всеволода*; онъ одинъ испустилъ жемчужную свою душу чрезъ золотое ожерелье изъ храбраго тѣла. Уныли голоса; поникло веселіе. Затрубили трубы Городенскія. О *Ярославъ* и всѣ внуки *Всеславовы!* теперь приклоните вы свои знамена, вложите въ ножны мечи ваши поврежденные; далеко уже отстали вы

(*о*) Много было внуковъ Всеславовыхъ: *Рогвольдъ* сынъ Князя Бориса Всеславича, имѣвшій удѣлъ въ Полоцкѣ. *Володарь* и *Ростиславъ*, сыновья Глѣба Всеславича: первый такъ же удѣломъ въ Полоцкѣ пользовался, а другой въ Минскѣ. *Брячиславъ* сынъ Князя Мстислава Всеславича, и *Всеславъ* сынъ Князя Давыда Всеславича.

славѣ. Вы бо своими крамолами начясте наводити поганыя на землю Рускую, на жизнь Всеславлю. Которое бо бѣше насилїе отъ земли Половецкыи! На седьмомъ вѣцѣ Трояни връже Всеславъ жребїй о дѣвицю себѣ любу. Тъй клюками подпръся о кони, и скочи къ граду Кыеву, и дотчеся стружїемъ злата стола Кїевскаго. Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плъночи, изъ Бѣла-града, обѣсися синѣ мьглѣ, утръ же вознзи стрикусы (*л*) *оттвори врата Нову-граду, разшибе славу Ярославу, скочи влъкомъ до Немиги съ Дудутокъ.*

отъ славы дѣда вашего. Вы своими крамолами начали наводить невѣрныхъ на землю Русскую, на жизнь *Всеславову*. Былоль какое насилїе отъ земли Половецкой? На седьмомъ вѣкѣ Трояновомъ метнулъ *Всеславъ* жребїй милой ему дѣвицѣ. Онъ подпершись клюками сѣлъ на коней, поскакалъ къ городу Кїеву и коснулся древкомъ копья своего до золотаго престола Кїевскаго; потомъ побѣжалъ онъ лютымъ звѣремъ въ полуночи изъ Бѣла-города, закрывшись мглою синею; по утру же вонзивъ стрикусы, отворилъ онъ ворота Новгородскїя, попралъ славу *Ярослава*, и съ Дудутокъ пустился какъ волкъ до Немиги.

(*л*) По смыслу рѣчи *стрикусъ* не иное что какъ стѣнобитное орудїе, или родъ тарана, при осадѣ городскихъ воротъ употребляемаго.

На Немизѣ (р) снопы стелютъ головами, молотятъ чепи харалужными, на тоцѣ животъ кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла. Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бляхуть посѣяни, посѣяни костьми Рускихъ сыновъ. Всеславъ Князь людемъ судяше, Князѣмъ грады рядяше, а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше; изъ Кыева дорискаше до Куръ Тмутороканя; великому хръсови влъкомъ путь прерыскаше (с). Тому въ Полотскѣ позвониша заутренюю рано у Святыя Софеи въ колоколы: а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша. Аще и вѣща душа

На Немегѣ вмѣсто сноповъ стелютъ головы, молотятъ цѣпами булатными, на токѣ жизнь кладутъ, и вѣютъ душу отъ тѣла. Окровавленные Немигскіе берега не были зѣемъ были засѣяны, засѣяны костьми Русскихъ сыновъ. Князь *Всеславъ* людей судилъ, Князьямъ города раздавалъ, а самъ по ночамъ какъ волкъ рыскалъ изъ Кіева до Курска и до Тмуторакани. Для него въ Полоцкѣ рано позвонили въ колокола къ заутрени у Святой Софіи: а онъ въ Кіевѣ звонъ слышалъ. Хотя и мудрая была душа въ неупомимомъ

(р) *Немига,* что нынѣ *Немень*, между *Минска* и *Полоцка.* — *Татищ.* II. Част. 119 стр.

(с) Не вразумительно.

въ друзѣ тѣлѣ, нъ часто бѣды страдаше. Тому вѣщеи Боянъ и пръвое припѣвку смысленый рече: ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду, суда Божіа не минути (т). *О! стонати Руской земли, помянувше пръвую годину, и пръвыхъ Князей. Того стараго Владиміра не льзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Кіевскимъ: сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзіи Давидовы; нъ рози нося имъ хоботы пашутъ, копіа поютъ на Дунаи.*

Ярославнынъ гласъ слышитъ: зегзицею незнаемь, рано кычеть: поле-

его тѣлѣ, но онъ часто отъ бѣдъ страдалъ. Для такихъ-то мудрый *Боянъ* издавна составилъ сей разумный припѣвъ: „какъ бы кто „хитръ, какъ бы кто уменъ „ни былъ, хоть бы птицей „леталъ, но суда Божія не „минетъ„. О! стонать тебѣ, земля Русская, вспоминая прежнія времена и прежнихъ Князей своихъ. Стараго *Владиміра* не льзя было приковать къ горамъ Кіевскимъ. Теперь знамена его достались одни *Рюрику*, а другія *Давыду*, ихъ носятъ на рогахъ, вспахивая землю; копья же на Дунаѣ славятся.

Ярославнинъ голосъ слышится; она, какъ оставленная горлица, по утрамъ воркуетъ: „полечу

(т) Вѣроятно что сей припѣвъ подлинникомъ внесенъ сюда изъ *Бояновыхъ* пѣсней.

чю, рече, зегзицею по Дунаеви; омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру Князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ. Ярославна (у) рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: о вѣтрѣ! вѣтрило! чему Господине насильно вѣеши? Чему мычеши Хиновьскыя стрѣлкы на своею-не трудною крилцю на моея лады вои? Мало ли ти бяшетъ горъ подъ облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ? Чему Господине мое веселїе по ковылїю развѣя? Ярославна рано плачеть Путивлю городу на забородѣ, аркучи: о Днепре

„я, говоритъ, горлицею „по Дунаю, обмочу бобровой рукавъ въ рѣкѣ Каялѣ, оботру Князю кровавыя раны на твердомъ его „тѣлѣ„. *Ярославна* по утру плачетъ въ Путивлѣ на городской стѣнѣ приговаривая: „О вѣтеръ! вѣтрило! къ чему ты такъ сильно вѣешь? „къ чему навѣваешь легкими „своими крылами Хиновскїя „стрѣлы на милыхъ мнѣ воиновъ? или мало тебѣ горъ „подъ облаками? Развѣвай ты „тамо, лелѣя корабли на синемъ морѣ! Но за что развѣялъ ты, какъ траву ковыль, „мое веселїе?„ *Ярославна* по утру плачетъ, и сидя на городской стѣнѣ въ Путивлѣ приговариваетъ: „О славный „Днѣпръ! ты пробилъ горы

(у) Супруга Князя *Игоря Святославича*, дочь Князя *Ярослава Владимїровича* Галичскаго.

словутицю! ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ землю Половецкую. Ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли носады до плъку Кобякова: възлелѣй господине мою ладу къ мнѣ, а быхъ неслала къ нвму слезъ на море рано. Ярославна рано плачетъ къ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: свѣтлое и тресвѣтлое слънце! всѣмъ тепло и красно еси: чему господине простре горячюю свою лучю на ладѣ вои? въ полѣ безводнѣ жаждею имь лучи съпряже тугою имъ тули затче.

Прысну море полунощи; идутъ сморци мьглами; Игореви Князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую,

„каменныя сквозь землю По-„ловецкую; ты носилъ на се-„бѣ *Святослововы* военныя „суда до стану *Кобякова*: „принеси же и ко мнѣ моего ми-„лаго, чтобъ непосылать мнѣ „къ нему слезъ своихъ по ут-„рамъ на море.„ *Ярославна* плачетъ поутру въ Путивлѣ, и сидя на городской стѣнѣ приговариваетъ: „О свѣтлое „и пресвѣтлое солнце! для „всѣхъ ты тепло и красно: „но къ чему ты такъ уперло „знойные лучи свои на милыхъ „мнѣ воиновъ? Къ чему въ полѣ „безводномъ, муча ихъ жаж-„дою, засушило ихъ луки, и „къ горести колчаны ихъ за-„крѣпило?„

Взволновалось море въ полуночи; мгла столбомъ подымается; Князю *Игорю* Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой въ землю Русскую,

къ отню злату столу. Погасоша вечеру зари: Игорь спитъ, Игорь бдитъ, Игорь мыслїю поля мѣритъ отъ великаго Дону до малаго Донца. Комонь въ полуночи. Овлуръ (ф) свисну за рѣкою; велить Князю разумѣти. Князю Игорю не быть: кликну стукну земля; въшумѣ трава. Вежи ся Половецкїи подвизашася; а Игорь Князь поскочи горнастаемъ къ тростїю, и бѣлымъ

къ золотому престолу отеческому. Погасла заря вечерняя; *Игорь* лежитъ, *Игорь* не спитъ, *Игорь* мысленно измѣряетъ поля отъ великаго Дона до малаго Донца. Къ полуночи приготовленъ конь. *Овлуръ* свиснулъ за рѣкою, чтобъ Князь догадался. Князю *Игорю* тамо не быть. Застонала земля, зашумѣла трава; двинулись заставы Половецкїя, а *Игорь* Князь горностаемъ побѣжалъ къ тростнику, и бѣлымъ

(ф) Въ Россїйскихъ лѣтописяхъ онъ названъ *Лаверъ*, чиновникъ Половецкїй; его мать была Русская. Когда *Лаверъ* здѣлалъ предложенїе Князю *Игорю* способствовать ему въ побѣгѣ, то онъ сперва не понадѣялся на него; но послѣ будучи удостовѣренъ отъ конюшаго своего и отъ Тысяцкаго въ честности и расторопности его, согласился уйти съ нимъ. И такъ въ назначенный день *Игорь* напоивъ до пьяна приставленную къ нему стражу, когда всѣ погружены были въ крѣпкомъ снѣ, прошелъ тихо чрезъ Половецкїя заставы, и переплывъ чрезъ рѣку, ускакалъ на приготовленномъ ему отъ *Лавра* конѣ. *Татищ.* Часть III. стр. 270.

гоголемъ (*x*) *на воду; въвръжеся на бръзъ комонь, и скочи съ него босымъ влъкомъ, и потече къ лугу Донца, и полетѣ соколомъ подъ мьглами избивая гуси и лебеди, завтроку, и обѣду и ужинѣ. Коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Влуръ влъкомъ потече, труся собою студеную росу; претръгоста бо своя бръзая комоня. Донецъ рече: Княже Игорю! не мало ти величія, а Кончаку нелюбїя, а Руской земли веселіа. Игорь рече, о Донче! не мало ти величїя,*

гоголемъ пустился по водѣ. Онъ помчался на борзомъ конѣ, и скочивъ съ него босымъ волкомъ побѣжалъ къ лугу Донецкому; летѣлъ соколомъ подъ облаками, побивая гусей и лебедей къ завтраку, къ обѣду и къ ужину. Когда *Игорь* соколомъ полетѣлъ, тогда *Овлуръ* (*Лаверъ*) волкомъ побѣжалъ, отрясая съ себя росу холодную; ибо утомили они своихъ борзыхъ коней. „О! „Князь *Игорь!*„ вѣщаетъ ему рѣка *Донецъ*, „не мало для „тебя славы, для *Кончака* „досады, а для Русской земли веселїя.„ *Игорь* въ отвѣтъ къ рѣкѣ сказалъ: „О „*Донецъ!* не мала и для

(*x*) Красивая утка съ хохломъ питающаяся раковинами, за которыми она отмѣнно предъ прочими ныряетъ.

лелѣявшу Князя на влънахъ, стлавшу ему зелѣну траву на своихъ сребреныхъ брезѣхъ, одѣвавшу его теплыми мъглами подъ сѣнїю зелену древу; стрежаше е гоголемъ на водѣ, чайцами на струяхъ, Чрьнядьми на ветрѣхъ. Не тако ли, рече, рѣка Стугна худу струю имѣя, пожръши чужи ручьи, и стругыростре на кусту? Уношу Князю Ростиславу затвори Днѣпрь темнѣ березѣ. Плачется мати Ростиславя (ц) по уноши Князи Ростиславѣ. Уныша

,,тебя слава, нося Князя по ,,волнамъ своимъ, постилая ,,ему зеленую траву на своихъ сребристыхъ берегахъ, одѣвая его теплыми ,,мглами подъ тѣнью дерева зеленаго, и охраняя его ,,какъ гоголя на водѣ, какъ ,,чайку на струяхъ, какъ, ,,Чернядей на вѣтрахъ. Не ,,такова, примолвилъ онъ, ,,рѣка Стугна! Она пагубными струями пожираетъ ,,чужїя ручьи, и разбиваетъ ,,струги у кустовъ.,, Юному Князю *Ростиславу* затворилъ *Днѣпръ* берега темныя. Плачется мать *Ростиславова* по юномъ Князѣ *Ростиславѣ*. Увяли

(ц) Юный Князь *Ростиславъ* сынъ Великаго Князя *Всеволода* I и Великїя Княгини *Анны*, дочери Половецкаго Князя утонулъ на рѣкѣ *Стугнѣ* 1093 года, когда тамъ разбиты были Россїйскїя войска отъ Половцевъ.

цвѣты жалобою, и древо стугою къ земли прѣклонило, а не сорокы втроскоташа. На слѣду Игоревѣ ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ. Тогда врани не граахуть, галици помлъкоша, сорокы не троскоташа, полозїю ползоша только, дятлове текомъ путь къ рѣцѣ кажутъ, соловїи веселыми пѣсьми светъ повѣдаютъ. Млъвитъ Гзакъ Кончакови: аже соколъ къ гнѣзду летитъ, соколича рострѣляевѣ своими злачеными стрѣлами. Рече Кончакъ ко Гзѣ: аже соколъ къ гнѣзду летитъ, а вѣ соколца опутаевѣ красною дивицею (ч). И рече

цвѣты отъ жалости, преклонились къ землѣ деревья отъ печали. Не сороки стрекочутъ, ѣздитъ по слѣдамъ Игоревымъ *Гзакъ* и *Кончакъ*. Тогда вороны не каркали, галки умолкли, сороки не стрекотали, но двигались только по сучьямъ; дятлы долбя, къ рѣкѣ путь показывали; соловьи веселымъ пѣнїемъ свѣтъ повѣдали. Молвилъ *Гзакъ Кончаку*· „когда со„колъ къ гнѣзду летитъ, „то мы разстрѣляемъ соко„ленка позолочеными своими „стрѣлами.„ *Кончакъ* Гзаку отвѣтствовалъ: „естьли „соколъ къ гнѣзду поле„тѣлъ, то мы опутаемъ „соколика красною дѣви„цею.„ Въ отвѣтъ на сїе

(ч) Сїи слова Половецкихъ Князей касались до *Игореса* сына Князя *Владимїра*, которой оставался еще у нихъ въ полону. Онъ

Гзакъ къ Кончакови: аще его опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама будетъ сокольца, ни нама красны дѣвице, то почнутъ наю птици бити въ полѣ Половецкомъ.

Рекъ Боянъ и ходы на Святъславля пѣстворца стараго времени Ярославля Ольгова Коганя хоти: тяжко ти головы, кромѣ плечю; зло ти тѣлу, кромѣ головы: Руской земли безъ Игоря. Солнце свѣтится на небесѣ, Игорь Князь въ Руской земли. Дѣвици поютъ

Гзакъ сказалъ *Кончаку*: „когда его опутаемъ красною „дѣвицею, то не будетъ у „насъ ни соколика, ни красной „дѣвицы, и станутъ насъ „бить птицы въ полѣ По„ловецкомъ.

Сказалъ сїе *Боянъ*, и о походахъ, воспѣтыхъ имъ въ прежнїя времена Князей *Святослава*, *Ярослава* и *Ольга* симъ кончилъ: „тяжело „быть головѣ безъ плечь; „худо и тѣлу безъ головы: „а Русской землѣ безъ *Иго„ря*. „Свѣтитъ Солнце на небѣ: *Игорь* Князь уже въ Русской землѣ. Поютъ дѣвицы на Дунаѣ; раздаются

влюбился тамъ въ дочь Князя *Кричака*, и когда Половцы освободили его, то онъ привезши ее въ Россїю, крестилъ и съ дитятею, и назвавъ *Свободою*, обвѣнчался съ нею. *Татищ.* Книга III. стр. 283.

на Дунаи. Вьются голоси чрезъ море до Кiева. Игорь ѣдетъ по Боричеву (ш) къ Святѣй Богородици Пирогощей (щ). Страны	голоса ихъ чрезъ море до *Кiева. Игорь* ѣдетъ по *Боричеву* къ Пресвятой Богородицѣ *Пирогощей.*

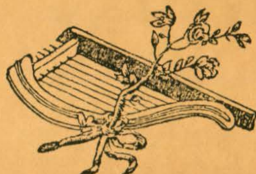
(ш) Урочище въ самомъ городѣ *Кiевѣ* находящееся по свидѣтельству *Нестора.* Было оное на горѣ къ Подолу на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ церковь *Андрея Первозваннаго*, или близь оной. Тутъ *Владимiромъ* поставленъ былъ на холмѣ идолъ Перунъ. Прежде красивое сiе мѣсто было внѣ града, и пространство между кумиромъ и Кiевомъ помѣщало множество народа для торжественныхъ жертвоприношенiй стекавшагося. На сей площади былъ теремный дворецъ Велико-княжескiй. Подъ самою горою *Днѣпръ* прежде имѣлъ свое теченiе; но по времени столько занесло оной пескомъ, что построено тутъ цѣлое предмѣстiе, *Подоломъ* нынѣ называемое. — См. *Татищ.* Кн. II. стр. 36.

(щ) Образъ *Владимiрской* Богородицы, который нынѣ въ *Успенскомъ* Соборѣ въ *Москвѣ* возлѣ царскихъ вратъ на лѣвой сторонѣ въ кiотѣ. Его въ древности *Богородицею Пирогощею* называли по тому, что изъ *Царя-града* привезенъ былъ въ *Кiевъ* гостемъ, прозывавшимся *Пирогощею.* Великiй Князь *Андрей Юрьевичь Боголюбскiй* въ 1160 году взялъ сiю Святую икону отъ отца своего Великаго Князя *Юрья Владимiровича* и перенесъ оную въ новопостроенный тогда на *Клязмѣ* городъ *Владимiръ:* въ *Москву* же оная принесена въ 1395 году, и съ тѣхъ поръ уже именуется *Владимiрскою. Татищ.* Томъ III. стр. 97 и 127. и въ примѣчанiяхъ стр. 487.

ради, гради весели, пѣвше пѣснь старымъ Княземъ, а по томъ молодымъ. Пѣти слава Игорю Святъславлича. Буй туру Всеволодѣ, Владимiру Игоревичу. Здрави Князи и дружина, побарая за христьяны на поганыя плъки. Княземъ слава, а дружинѣ Аминь.

Радость въ народѣ, веселье въ городахъ. Воспѣта пѣснь Князьямъ старымъ, а потомъ молодымъ. Пѣта слава *Игорю Святославичу*, богатырю *Всеволоду* и *Владимiру Игоревичу*. Да здравствуютъ Князи и ихъ дружина, побарая за христiянъ на воинство невѣрныхъ! Слава Князьямъ и дружинѣ!

КОНЕЦЪ.



Слово о плъку Игоревѣ, Игоря, сына Святъславля внука Ольгова

Древнерусский текст

Не лепо ли ны бя́шеть, братие,
начяти старыми словесы́ трудныхъ повестий
о пълку Игореве, Игоря Святъславлича?
Начати же ся тъй песни по былинамь сего времени,
а не по замы́шлению Бо́яню.
Боянъ бо вещий, аще кому хотяше песнь творити,
то растекашется мыслию по́ древу,
серымъ вълком по́ земли,
шизымъ орломъ подъ о́блакы,
по́мняшеть бо, рече́, първыхъ временъ усобице.
Тогда пущашеть десять со́коловь на стадо
ле́бедей,
которыи дотечаше,
та преди́ песнь пояше
старому Ярославу,
храброму Мстиславу,
иже зареза Редедю предъ пълкы касожьскими,
красному Романови Святъславличю.
Боянъ же, братие, не десять со́колов на стадо
ле́бедей пущаше,
нъ своя вещиа пр́ъсты на живая струны
въскладаше;
они же сами князем̀ъ славу рокотаху.

Почнемъ же, братие, повесть сию
отъ стараго Владимера до нынешняго Игоря,

иже истягну́ умь крепостию своею
и поостри́ се́рдца своего мужествомъ;
наплънився ратнаго духа,
наведе́ своя храбрыя плъкы на́ землю Половецькую
за́ землю Руськую.

Тогда Игорь възре на светлое Солнце
и виде отъ него тьмою
вся своя воя прикрыты.
И рече́ Игорь къ дружине своей:
«Братие и дружи́но!
Луцежъ бы по́тяту быти,
неже полонену быти;
а всядемъ, братие, на свои бръзыя ко́мони
да по́зримъ синего Дону!»
Спала́ князю умь похоть,
и жалость ему зна́мение заступи́
искусити Дону великаго.
«Хощу бо, рече, копие́ приломити конець поля
половецкаго съ вами, русици:
хощу главу свою приложити,
а любо испити шеломомь Дону!»

О Бо́яне, соловию стараго времени,
абы ты сиа плъкы ущекоталъ,
скача, славию, по мыслену древу,
летая умомъ подъ о́блакы,
свивая славы оба́полы сего времени!
Рища въ́ тропу Тро́яню чресъ поля на́ горы,
пети было песнь Игореви того внуку:
«Не буря соколы занесе́ чрезъ поля широкая,
галици ста́ды бежать къ Дону великому»,
чили въспети было, вещей Бо́яне, Веле́совъ
вну́че:
«Ко́мони ржуть за Сул́ою —
звенить слава въ Кыеве».

Трубы трубять въ Нове́граде —
стоять стязи въ Путивле;
Игорь ждетъ мила брата Всеволода.
И рече́ ему Буй-Туръ Всеволодъ:

«Одинъ братъ, одинъ светъ светлый ты, Игорю,
оба есвѐ Святъславличя!
Седлай, брате, свои бръзыи ко́мони,
а мои ти готови, оседлани у Курьска на́переди.
А мои ти куряни — сведоми къмети:
подъ трубами по́вити,
подъ шеломы възлелеяны,
конець копия̀ въскръмлени;
пути имь ведоми,
яругы имь знаеми,
луци у нихъ напряжени;
тули отворени,
сабли изъо́стрени,
сами скачють, акы серыи влъци въ́ поле,
ищучи себе чти, а князю славы.

Тогда въступи Игорь князь въ́ златъ стремень
и поеха по чистому полю.
Солнце ему тъмою путь заступаше;
нощь стонущи ему грозою птичь убуди́,
свистъ зверинъ въ стада зби.
Дивъ кличетъ вр́ъху древа,
велитъ послушати земли незнаеме,
Влъзе, и Поморию, и Посулию,
и Сурожу, и Ко́рсуню,
и тебе, Тьмуторо́каньскый бл́ъванъ.
А половци неготовами дорогами побегоша къ Дону великому;
крычатъ телегы полунощы, рци, лебеди роспужени.
Игорь къ Дону вои ведетъ.

Уже бо бе́ды его пасетъ птиць по дубию;
влъци грозу въсрожа́ть по яругамь;
орли клектомъ на кости звери зовутъ;
лисици брешутъ на чръленыя щиты.
О Руская зе́мле! Уже за Шело́мянемъ еси!

Длъго ночь мркнетъ.
Заря светъ запала́,
мъгла поля покрыла.

Щекотъ славий у́спе,
говоръ галичь убуди́.
Русичи великая поля чрьлеными щиты прегороди́ша,
ищучи себе чти, а князю славы.

Съ зарания въ пятъкъ потопташа поганыя плъкы половецкыя
и рассу́шясь стрелами по́ полю,
помчаша красныя девкы половецкыя,
а съ ними злато, и па́волокы, и драгыя окса́миты.
Орьтъма́ми, и япончи́цами, и кожуху́ начашя мосты мостити по болотомъ и грязивымъ место́мъ,
и вся́кыми узо́рочьи половецкыми.
Чр́ьленъ стягъ, бела хорюговь,
чр́ьлена чолка, сребрено стружие —
храброму Святьславличю!

Дремлетъ въ́ поле О́льгово хороброе гнездо, далече залетело!
Не было оно обиде поро́ждено ни соколу, ни кречету,
ни тебе, чръный воронъ, поганый половчине!
Гза бежитъ серымъ влъкомъ,
Кончакъ ему следъ править къ Дону великому.

Другаго дни́ велми́ рано
кровавыя зори светъ поведаютъ;
чръныя тучя съ моря и́дутъ,
хотятъ прикрыти четыре солнца,
а въ нихъ трепещуть синии млъньии.
Быти грому великому!
Итти дождю стрелами съ Дону великаго!
Ту ся ко́пиемъ приламати,
ту ся саблямъ потручяти
о шеломы половецкыя
на реце на Каяле́, у Дону великаго.
О Руская зе́мле! Уже за Шело́мянемъ еси.

*

Се ветри, Стри́божи внуци, веютъ съ моря стрелами на храбрыя плъкы Игоревы.
Земля тутнетъ, рекы мутно текуть,

по́роси поля прикрываютъ, стязи глаголютъ,
половци и́дуть отъ Дона, и о́тъ моря,
и отъ всехъ странъ рускыя плъкы оступиша.
Дети бесови кликомъ поля прегородиша,
а храбрии русици преградиша чрълеными щиты.

Я́ръ Ту́ре Всеволоде!
Стоиши на бо́рони,
прыщеши на́ во̀и стрелами,
гремлеши о шеломы мечи харалужными.
Камо, Туръ, поско́чяше, своимъ златымъ шеломомъ посвечивая,
тамо лежатъ поганыя головы половецкыя.
Поскепаны саблями калеными шеломы оварьскыя
отъ тебе, Я́ръ Ту́ре Всеволоде!
Кая раны дорога́, братие,
забывъ чти и живота, и града Чрънигова о̀тня злата стола,
и своя милыя хоти, красныя Глебовны, свычая и обычая!

Были вечи Тро́яни,
ми́нула лета Яро́славля;
были плъци О́лговы, Ольга Святьславличя.
Тъй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше
и стрелы по́ земли сеяше.
Ступаетъ въ̀ зла̀тъ стремень въ граде Тьмуторокане,
тъй же звон слыша давный великый Яро́славль сын Всеволодъ,
а Владимиръ по вся у́тра уши закладаше въ Чернигове;
Бориса же Вячеславлича
слава на судъ приведе́
и на Канине зеле́ну па́поломy постла за обиду Олгову,
храбра и мла́да князя.
Съ тоя́ же Каялы́ Святоплъкъ полелея отца своего
междю у́горьскими иноходьцы ко святей Софии къ Киеву.
Тогда при Олзе Гориславличи
сеяшется и растяшеть усобицами,
погибашеть жизнь Даждьбожа внука,

въ княжихъ крамолахъ веци человекомъ скратишась;
тогда по Руской земли ретко ратаеве ки́кахуть,
нъ часто врани гра́яхуть,
трупиа себе де́ляче,
а галици свою речь гово́ряхуть;
хотять полетети на уедие.
То было въ ты рати и въ ты плъкы,
а си́цеи рати не слышано.

Съ зараниа до́ вечера,
съ вечера до́ света
летятъ стрелы каленыя,
гримлютъ сабли о шеломы,
трещатъ копиа харалужныя
въ́ поле незнаеме среди земли Половецкыи.
Чр́ъна земля подъ копыты костьми была посеяна,
а кровию по́льяна;
туго́ю взыдоша по Руской земли!

Что ми шумить, что ми звенить далече
рано предъ зоря́ми?
Игорь плъкы заворача́етъ,
жаль бо ему мила брата Всеволода!
Бишася день, бишася другый,
третьяго дни къ полуднию падоша стязи Игоревы.
Ту ся бра́та разлучи́ста на брезе быстрой Каялы̀,
ту кроваваго вина недоста́,
ту пиръ доко́нчаша храбрии русичи:
сваты попоиша,
а сами полегоша
за́ зѐмлю Рускую.
Ничить трава жа́лощами,
а древо съ туго́ю къ земли преклонилось.

*

Уже бо, братие, невеселая година въстала,
уже пустыни силу прикрыла!
Въстала обида въ силахъ Дажьбожа внука,
вступила девою на́ землю Тро́яню,
въсплескала лебедиными крылы на синемъ море у Дону;

плещучи, упуди́ жирня времена.
Усобица княземъ на поганыя погы́бе,
рекоста бо братъ брату: «Се мое, а то мое же!»
И начяша князи про малое «се великое» млъвити,
а сами на себе крамолу ковати.
А погании съ всехъ странъ прихожда́ху съ победами на́ землю Рускую!

О! далече за́йде соколъ птиць бья, — къ морю!
А Игорева храбраго плъку не кресити!
За нимъ кликну Карна,
и Жля поскочи по Руской земли,
смагу мычючи въ пламяне розе.
Жены руския въсплакашась, а́ркучи:
«Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смыслити,
ни думою сдумати,
ни очи́ма съглядати,
а злата и сребра́ ни мало того потрепати».

А въстона бо, братие, Киевъ туго́ю,
а Черниговъ напа́стьми;
тоска разлияся по Руской земли,
печаль жирна тече среде́ земли Рускыи.
А князи сами на себе крамолу коваху,
а погании сами победами нарищуще на Рускую землю,
е́мляху дань по беле отъ двора.

Ти́и бо два храбрая Святъславлича,
Игорь и Всеволодъ,
уже лжу убудиста которо́ю;
ту бяше успилъ отецъ ихъ Святъславь грозный великый Киевскый грозою,
бяшеть притрепеталъ своими сильными плъкы и харалужными мечи,
наступи на́ землю Половецкую,
притопта хлъми и яругы,
взмути реки и озеры,
иссуши потоки и болота,
а поганаго Кобя́ка и́зъ луку̂ моря
отъ железныхъ великихъ плъковъ Половецкихъ яко вихръ выторже,
и падеся Кобякъ въ граде Киеве

въ гриднице Святъславли.
Ту немци и венéдици,
ту греци и морáва
поютъ славу Святъславлю,
кають князя Игоря,
иже погрузи жиръ во дне Каялы́, рекы Половецкия.
Рускаго злата насыпаша!
Ту Игорь князь вы́седе изъ седла злата, а въ седло кощиево!
Уныша бо градомъ забралы, а веселие пониче.

* * *

А Святъславь мутенъ сонъ виде въ Киеве на горахъ.
«Си ночь/съ́ вѐчера одевахуть мя, рече, чръною пáполомою на кроваты тисове,
чр́ъпахуть ми синее вино съ трудомь смешено,
сыпахуть ми тъщими тулы поганыхъ тльковинъ великый женчюгь на лоно и нéгуютъ мя.
Уже дьскы бéзъ кнеса въ моемъ тереме златовръсемъ!
Всю нощь съ вечера бóсуви врани възгрáяху у Плесньска на бóлони,
беша дебри Ки́сани
и несошася къ синему морю».

И ркоша бояре князю:
«Уже, княже, тугá умь полóнила;
се бо два сокола слетеста съ́ отня стола злата
поискати града Тьмутороканя,
а любо испити шеломомь Дону.
Уже сóколома крильца припешали поганыхъ саблями,
а самóю опуташа въ пýтины железны.
Темно бо бе въ третий день: два солнца помéркоста,
оба багряная стлъпа погасóста,
и съ нима молодая месяца, Олегъ и Святъславъ, тьмою ся поволокóста,
и въ море ся погрузиста,
и великое буйство подаста хи́нови.

На реце на Каяле́ тьма светъ покрыла:
по Руской земли простро́шася половци, аки па́рдуже гнездо.
Уже снесеся хула на хвалу,
уже тресну ну́жда на волю,
уже вр̑ъжеса Дивь на́ зѐмлю.
Се бо Готския красныя девы въспеша на́ брѐзе синему морю,
звоня рускымъ златомъ;
поютъ время Бу́сово,
лелеютъ месть Шаро́каню.
А мы уже, дружина, жадни веселия».

Тогда великий Святславъ изрони злато слово,
съ слезами смешено, и рече́:
«О моя сы́новчя, Игорю и Всеволоде!
Рано еста̀ начала́ Половецкую землю мечи цве́лити,
а себе славы искати,
нъ не́честно одолесте,
не́честно бо кровь поганую пролиясте.
Ва́ю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузе скована,
а въ бу́ести зака́лена.
Се ли створисте моей сребреней седине?
А уже не вижду власти сильнаго, и богатаго, и многовои брата моего Ярослава
съ черниговьскими бы́лями,
съ могу́ты, и съ та́траны, и съ ше́льбиры;
и съ топча́кы, и съ реву́гы, и съ о́льберы,
ти́и бо бес щитовь съ засапо́жникы
кликомъ плъкы побеждаютъ,
зво́нячи въ пра́деднюю славу.
Нъ реко́сте: «Мужаиме ся сами,
преднюю славу сами похитимъ, а заднюю си сами поделимъ!»
А чи диво ся, бра́тие, стару помолодити?
Колѝ со́колъ въ мы́техъ бываетъ,
высоко́ птицъ възбиваетъ,
не дастъ гнезда своего въ обиду.
Нъ се зло: княже ми непособие;
на́ниче ся годины обратиша!»

Се у Римъ кричатъ подъ саблями половецкыми,
а Володимиръ подъ ранами;
тугá и тоска сыну Глебову!

*

Великый княже Всеволоде!
Не мыслию ти прелетети издалеча о̀тня злата стола
поблюсти!
Ты бо можеши Волгу веслы́ раскропити, а Донъ
шéломы выльяти!
Аже бы ты́ былъ, то была бы чагá по ногáте,
а кощей по рéзане!
Ты бо можеши пóсуху живыми шерéширы стреляти,
удалыми сыны Глебовы!

Ты, буй Рюриче и Давыде!
Не ваю ли злачеными шéломы пó крови плаваша?
Не ваю ли храбрая дружина рыкаютъ, акы тури,
ранены саблями калеными, нá поле незнаеме?
Вступита, господина, въ злáтъ стрéмень за обиду
сего времени,
зá землю Рускую, за раны Игоревы,
буего Святъславлича!

Галичкы Осмóмысле Ярóславе!
Высокó седиши на своемъ златокованнемъ столе,
подперъ горы У́горскыи своими железными плъки,
заступивъ Королеви путь, затворивъ Дунаю ворота,
меча брéмены чрезъ óблаки;
суды рядя до Дуная.
Грозы твоя пó землямъ текутъ,
отворяеши Киеву врата,
стреляеши съ óтня злата стола салтани за землями.
Стреляй, господине, Кончáка, поганого кощея,
зá землю Рускую, за раны Игоревы,
буего Святъславлича!

А ты, буй Романе, и Мсти́славе!
Храбрая мысль носитъ вашъ умъ нá дело!
Высокó плаваеши нá дело въ буести,
яко соколъ нá ветрехъ ширяяся,
хотя птицю въ буйстве одолети.

Суть бо у ва́ю железныи па́порзи
подъ ше́ломы латинскими.
Теми тресну земля, и многи страны
хинова́, литва, ятвязи, деремела и половци
су́лици своя повръгоша,
а главы своя подклониша
подъ ты́и мечи харалужныи.
Нъ уже, княже, Игорю утрпе солнцю светъ,
а древо не бологомъ листвие срони́:
по́ Рси́ и по́ Сули гради поделиша,
а Игорева храбраго плъку не кресити!
Донъ ти, княже, кличетъ и зоветь князи на победу:
Олговичи, храбрыи князи, доспели на брань!

Инъгварь и Всеволодъ и вси три Мстиславичи,
не ху́да гнезда шестокрилци!
Не победными жребии собе власти расхытисте!
Кое́ ваши златыи шеломы и су́лицы ляцкии и щиты?
Загородите полю ворота своими острыми стрелами
за́ землю Русскую, за раны Игоревы,
буего Святъславлича?

*

Уже бо Сула́ не течетъ сребреными струя́ми къ граду Переяславлю,
и Двина болотомъ течетъ онымъ грознымъ полочаномъ под кликомъ поганыхъ.
Единъ же Изяславъ, сынъ Васи́льковъ,
позвони своими острыми мечи о шеломы литовския,
притрепа славу деду своему Все́славу,
а самъ подъ чрълеными щиты на кроваве траве
притрепанъ литовскыми мечи,
и с хотию на кровати рекъ:
«Дружину твою, княже, птиць крилы́ приоде, а звери кровь полизаша!»
Не бысть ту брата Брячя́слава, ни другаго — Всеволода,
единъ же изрони жемчюжну душу изъ храбра тела чресъ злато ожерелие.
Уныли го́лоси, пониче веселие,
трубы трубятъ Городеньскии.

Яро́славе и вси внуци Все́славли!
Уже понизите стязи свои,
вонзите свои мечи вере́жени,
уже бо вы́скочисте изъ дедней славе!
Вы бо своими крамолами начясте наводити поганыя на́ землю Рускую,
на жизнь Все́славлю,
которо́ю бо беше насилие
о́тъ земли́ Половецкыи!

На седьмомъ веце Тро́яни връ́же Всеславъ жребий о де́вицю себе лю́бу.
Тъй клюками по́дпръся о́ кони и скочи къ́ граду Кыеву,
и дотчеся стружиемъ злата стола Киевскаго.
Скочи отъ нихъ лютымъ зверемъ въ́ плъночи изъ Бела́града;
обе́сися сине мьгле,
у́трь же вознзи́ стри́кусы, отвори врата Нову́граду,
разшибе славу Яро́славу.
Скочи влъкомъ до Неми́ги съ Дудутокъ.
На Немизе снопы стелютъ головами, молотятъ чепи́ харалужными,
на тоце́ животъ кладутъ, веютъ душу о́тъ тела.
Немизе кровави брезе не бологомъ бяхуть посеяни,
посеяни костьми Рускихъ сыновъ.

Всеславъ князь людемъ судя́ше,
княземъ грады рядя́ше,
а самъ въ ночь влъкомъ ры́скаше,
изъ Кыева дори́скаше до куръ Тмутороканя,
великому Хръ́сови влъкомъ путь пре́ры́скаше.
Тому въ Полотске позвониша заутренюю рано у святыя Софеи въ колоколы,
а онъ въ Кыеве звонъ слыша.
Аще и веща душа въ дръзе́ теле,
нъ часто беды страдаше.
Тому вещей Боянъ и пръвое припевку, смы́сленый, рече́:
«Ни хытру, ни горазду,
ни птицю горазду
суда божиа не ми́нути!»

О! стонати Руской земли, помянувше пръвую годину и пръвыхъ кня́зей!
Того стараго Владимира нельзе бе пригвоздити къ горамъ Киевскимъ!
Сего бо ныне сташа стязи Рюриковы,
а друзи́и — Давидовы;
нъ розьно ся имъ хо́боты пашутъ, копиа поютъ!

* * *

На Дунаи Ярославнынъ гласъ слышитъ,
зегзицею незнаема рано кычеть:
«Полечю, рече, зегзицею по Дунаеви,
омочю бебрянъ рукавъ въ Каяле реце,
утру князю кровавыя его раны на жестоцемъ его теле».

Ярославна рано плачетъ въ Путивле на забрале, а́ ркучи:
«О Ветре, Ветрило!
Чему, господине, на́сильно вееши?
Чему мычеши хино́вьскыя стрелкы на своею не́трудною кри́лцю на моея лады вои?
Мало ли ти бяшеть горе́ подъ о́блакы веяти, лелеючи корабли на сине море?
Чему, господине, мое веселие по ковылию развея?

Ярославна рано плачетъ Путивлю городу на забороле, а́ ркучи:
«О Днепре Словутицю!
Ты пробилъ еси каменныя горы сквозѐ землю Половецкую,
ты лелеялъ еси на себе Свято́славли на́сады до плъку Кобя́кова;
възлелей, господине, мою ладу къ мне, абыхъ не слала къ нему слезъ на́ море рано».

Ярославна рано плачетъ въ Путивле на забрале, а́ ркучи:
«Светлое и тресветлое Слънце!
Всемъ тепло и красно́ еси!
Чему, господине, простре горячюю свою лучю на ладе вои,

въ поле безводне жаждею имъ лучи съпряже́,
тугою имъ тули затче́?»

Прысну море полу́нощи,
и́дутъ смо́рци мьглами.
Игореви князю Богъ путь кажетъ
изъ земли Половецкой на́ землю Рускую
къ отню злату столу.
Погасоша вечеру зари.
Игорь спитъ, Игорь бдитъ,
Игорь мыслию поля меритъ
отъ великаго Дону до малаго Донца.
Комонь въ полу́ночи Овлуръ свисну за рекою:
велить князю разумети;
«Князю Игорю не быть!» — кликну.
Стукну земля, въсшуме трава,
вежи ся половецкии подви́заша.
А Игорь князь поскочи́ горнастаемъ къ тростию
и белымъ гоголемъ на́ воду.
Въвр́ъжеся на́ бръзъ ко́монь,
и скочи съ него бо́сымъ влъкомъ,
и потече къ лугу Донца,
и полете со́коломъ подъ мьглами,
избивая гуси и лебеди
завтроку, и обеду, и ужине.
Коли Игорь со́коломъ полете,
тогда Влуръ влъкомь потече́,
труся собою студеную ро́су,
претрьгоста бо своя бръзая ко́моня!

Донецъ рече́: «Княже Игорю!
Не мало ти величия,
а Конча́ку нелюбия,
а Руской земли веселиа!»
Игорь рече́: «О Донче!
Не мало ти величия,
лелеявшу князя на вълнахъ,
стлавшу ему зеле́ну траву̀ на своихъ сребреныхъ бре́зехъ,
одевавшу его теплыми мъглами подъ сению зеле́ну древу;
стрежаше его гоголемъ на́ водѐ,

чайцами на́ стру́яхъ,
чрьнядьми на́ вѐтрехъ».
Не тако ли, речѐ, река Сту́гна: худу струю имея,
пожръши чужи ручьи и стругы,
ро́стрена к устию,
у̀ношу князя Рости́слава затвори дне при темне бе́резе.

Плачется мати Ростиславля
по у́ноши князи Ростиславе.
Уныша цветы жалобою,
и древо съ туго́ю къ земли преклонилося.

А не сорокы втроскота́ша:
на́ следу̀ Игореве ездитъ Гза съ Конча́комъ.
Тогда врани не гра́ахуть,
галици помлъко́ша,
сорокы не троскоташа,
поло́зие ползоша только.
Дятлове тектомъ путь къ ре̓це кажутъ,
соловии веселыми песньми светъ поведаютъ.

Млъвитъ Гза къ Конча́кови:
«Аже соко́лъ къ гнезду летитъ,
Соко́лича ростреляеве своими злачеными стрелами».
Рече́ Кончакъ ко́ Гзѐ:
«Аже соко́лъ къ гнезду летитъ,
а ве соколца́ опу́таеве красною ди́вицею».
И рече́ Гза къ Конча́кови:
«Аще его опу́таеве красною де́вицею,
ни нама будетъ со́кольца̀,
ни нама красны девице,
то почнутъ наю птици бити въ̓ поле Половецкомъ!»

* * *

Рекъ Боянъ и Ходына Святъ̀славль,
песнотворца стараго времени —
Яро́славля, О̀льгова, ко́ганя хоти:
«Тяжко ти, голове кроме́ плечю,
зло ти, телу кроме́ головы̀» —
Руской земли безъ Игоря.

Солнце светится на́ небесе̓ —

Игорь князь въ Руской земли.
Девици поютъ на Дунаи,
вьются го́лоси чрезъ море до Киева.
Игорь едетъ по Бори́чеву къ святей богородици Пиро́гощей.
Страны ради, гради весели.

Певше песнь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ пети:
«Слава Игорю Святъславличю,
Буй-Туру Всеволоду,
Владимиру Игоревичу!»
Здрави князи и дружина,
побарая за христьяны на поганыя плъки!
Кня́земъ слава а дружине!

Аминь.

Слово о полку Игореве

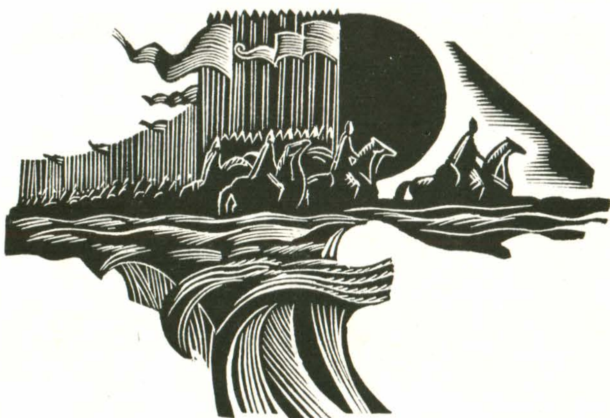
переводы

В. А. Жуковский

Слово о полку Игореве

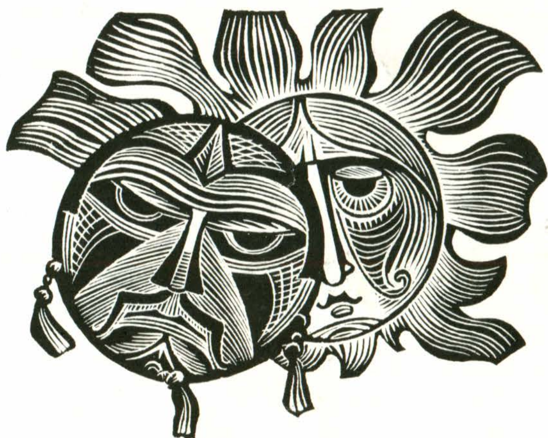
е прилично ли будет нам, братия,
Начать древним складом
Печальную повесть о битвах Игоря,
Игоря Святославича!
Начаться же сей песни
По былинам сего времени,
А не вымыслам Бояновым.
Вещий Боян,
Если песнь кому сотворить хотел,
Растекался мыслию по древу,
Серым волком по земли,
Сизым орлом под облаками.
Вам памятно, как пели о бранях первых времен:
Тогда пускались 10 соколов на стадо лебедей;
Чей сокол долетал, тот первую песнь пел:
Старому ли Ярославу, храброму ли Мстиславу,
Сразившему Редедю перед полками касожскими,
Красному ли Роману Святославичу.
Боян же, братия, не 10 соколов на стадо лебедей пускал,
Он вещие персты свои на живые струны вскладывал,
И сами они славу князьям рокотали.
Начнем же, братия, повесть сию
От старого Владимира до нынешнего Игоря.
Натянул он ум свой крепостию,
Изострил он мужеством сердце,

Ратным духом исполнился
И навел храбрые полки свои
На землю Половецкую за землю Русскую.
Тогда Игорь воззрел на светлое солнце,
Увидел он воев своих, тьмою от него прикрытых,
И рек Игорь дружине своей:
«Братия и дружина!
Лучше нам быть порубленным, чем даться в полон.



Сядем же, други, на борзых коней
Да посмотрим синего Дона».
Вспала князю на ум охота,
Знаменье заступило ему желание
Отведать Дона великого.
«Хочу, — он рек, — преломить копье
Конец поля Половецкого с вами, люди русские!
Хочу положить свою голову
Или испить шеломом Дона».
О Боян, соловей старого времени!
Как бы воспел ты битвы сии,
Скача соловьем по мысленну древу,
Взлетая умом под облаки,
Свивая все славы сего времени,

Рыща тропою Трояновой через поля на горы!
Тебе бы песнь гласить Игорю, того Олега внуку!
Не буря соколов занесла чрез поля широкие —
Галки стадами бегут к Дону великому!
Тебе бы петь, вещий Боян, внук Велесов!
Ржут кони за Сулою,
Звенит слава в Киеве,
Трубы трубят в Новеграде,
Стоят знамена в Путивле;
Игорь ждет милого брата Всеволода.



И рек ему буй-тур Всеволод:
«Один мне брат, один свет светлый ты, Игорь!
Оба мы Святославичи!
Седлай, брат, борзых коней своих,
А мои тебе готовы,
Оседланы перед Курском.
А куряне мои — бодрые кмети,
Под трубами повиты,
Под шеломами взлелеяны,
Концом копья вскормлены,
Пути им все ведомы,
Овраги им знаемы,
Луки у них натянуты,
Тулы отворены,

Сабли отпущены,
Сами скачут, как серые волки в поле,
Ища себе чести, а князю славы».
Тогда вступил князь Игорь в златое стремя
И поехал по чистому полю.
Солнце дорогу ему тьмой заступило:
Ночь, грозой шумя на него, птиц пробудила;
Рев в стадах звериных;
Див кличет на верху древа,
Велит прислушать земле незнаемой,
Волге, Поморию, и Посулию,
И Сурожу, и Корсуню,
И тебе, истукан Тмутороканский!
И половцы неготовыми дорогами побежали к Дону великому:
Кричат в полночь телеги, словно распущенны лебеди.
Игорь ратных к Дону ведет.
Уже беда его птиц окликает,
И волки угрозою воют по оврагам,
Клектом орлы на кости зверей зовут,
Лисицы брешут на червленые щиты...
О Русская земля! Уж ты за горами
Далеко!
Ночь меркнет,
Свет-заря запала,
Мгла поля покрыла,
Щекот соловьиный заснул,
Галичий говор затих.
Русские поле великое червлеными щитами огородили,
Ища себе чести, а князю славы.
В пятницу на заре потоптали они нечестивые полки половецкие
И, рассеясь стрелами по полю, помчали красных дев половецких,
А с ними и злато, и паволоки, и драгие оксамиты;
Ортмами, епанчицами, и мехами, и разными узорочьями половецкими
По болотам и грязным местам начали мосты мостить.
А стяг червленый с белой хоругвию,
А челка червленая со древком серебряным
Храброму Святославичу!
Дремлет в поле Олегово храброе гнездо —

Далеко залетело!
Не родилось оно на обиду
Ни соколу, ни кречету,
Ни тебе, черный ворон, неверный половчанин!
Гзак бежит серым волком,
А Кончак ему след прокладывает к Дону великому.
И рано на другой день кровавые зори свет поведают;
Черные тучи с моря идут,
Хотят прикрыть четыре солнца,
И в них трепещут синие молнии.

Быть грому великому!
Идти дождю стрелами с Дону великого!
Ту-то копьям поломаться,
Ту-то саблям притупиться
О шеломы половецкие
На реке на Каяле, у Дона великого!
О Русская земля, далеко уж ты за горами!
Уж ветры, Стрибоговы внуки,
Веют с моря стрелами
На храбрые полки Игоревы.
Земля гремит,
Реки текут мутно,
Прахи поля покрывают,
Стяги глаголют;

Половцы идут от Дона, и от моря, и от всех стран.
Русские полки отступили.
Бесовы дети кликом поля прегородили,
А храбрые русичи щитами червлеными.
Ярый тур Всеволод!
Стоишь на обороне,
Прыщешь на ратных стрелами,
Гремишь по шеломам мечом харалужным!
Где ты, тур, ни проскачешь, шеломом златым посвечивая,
Там лежат нечестивые головы половецкие!
Порублены калеными саблями шлемы аварские
От тебя, ярый тур Всеволод!
Какою раною подорожит он, братья,
Он, позабывший о жизни и почестях,
О граде Чернигове, златом престоле родительском,
О красной Глебовне, милом своем желании, свычае и обычае?
Были сечи Трояновы,
Миновали лета Ярославовы:
Были походы Олеговы,
Олега Святославича.
Тот Олег мечом крамолу ковал,
И стрелы он по земле сеял.
Ступал он в златое стремя в граде Тмуторокани.
Молву об нем слышал давний великий Ярослав, сын Всеволодов,
А князь Владимир всякое утро уши затыкал в Чернигове.
Бориса же Вячеславича слава на суд привела
И на конскую зеленую попону положила
За обиду Олега, храброго юного князя.
С той же Каялы Святополк после сечи взял отца своего
Меж угорскою конницей ко святой Софии в Киев.
Тогда при Олеге Гориславиче сеялось и вырастало междоусобием,
Погибала жизнь Дажьбожиих внуков,
В крамолах княжеских век человеческий сокращался,
Тогда по Русской земле редко оратаи распевали,
Но часто враны кричали,
Трупы деля меж собою;

А галки речь свою говорили,
Сбираясь лететь на обед.
То было в тех ратях и тех походах,
Но битвы такой и не слыхано!
От утра до вечера,
От вечера до света
Летают стрелы каленые,
Гремят мечи о шеломы,
Трещат харалужные копья
В поле незнаемом
Среди земли Половецкия.
Черна земля под копытами
Костьми была посеяна,
Полита была кровию,
И по Русской земле взошло бедой.
Что мне шумит,
Что мне звенит
Так задолго рано перед зарею?
Игорь полки заворачивает:
Жаль ему милого брата Всеволода.
Билися день,
Бились другой,
На третий день к полдню
Пали знамена Игоревы.
Тут разлучилися братья на бреге быстрой Каялы;
Тут кровавого вина недостало;
Тут пир докончили храбрые воины русские:
Сватов попоили,
А сами легли за Русскую землю.
Поникает трава от жалости,
А древо печалию
К земле приклонилось.
Уже невеселое время, братья, настало:
Уже пустыня силу прикрыла;
И встала обида в силах Дажьбожиих внуков,
Девой ступя на Троянову землю,
Встрепенула крыльями лебедиными,
На синем море у Дону плескаяся.
Прошли времена благоденствия,
Миновалися брани князей на неверных.
Брат сказал брату: то мое, а это мое же!
И стали князи про малое спорить, как бы
про великое,

И сами на себя крамолу ковать,
А неверные со всех стран набежали с победами
на землю Русскую!..
О! далеко залетел ты, сокол, сбивая птиц к морю!
А бесстрашному полку Игореву уже не воскреснуть!
Вслед за ним крикнули Карна и Жля и по Русской
земле поскакали,
Мча разорение в пламенном роге.
Жены русские всплакали, приговаривая:
«Уж нам своих милых лад
Ни мыслию смыслить,
Ни думою сдумать,
Ни очами сглядеть,
А злата-сребра много потратить!»
И застонал, друзья, Киев печалию,
Чернигов напастию,
Тоска разлилася по Русской земле,
Обильна печаль потекла среди земли Русской.
Князи сами на себя крамолу ковали,
А неверные сами с победами врывались в землю
Русскую,
Дань собирали по белке с двора.
Так-то сии два храбрые Святославича,
Игорь и Всеволод, пробудили коварство,
Едва усыпил его мощный отец их,
Святослав грозный, великий князь Киевский.
Гроза Святослав!
Притрепетал он врагов своими сильными
ратями
И мечами булатными;
Наступил он на землю Половецкую,
Притоптал холмы и овраги,
Возмутил озера и реки,
Иссушил потоки-болота;
А Кобяка неверного из луки моря
От железных великих полков половецких
Вихрем исторгнул,
И Кобяк очутился в городе Киеве,
В гриднице Святославовой.
Немцы и венеды,
Греки и моравы
Славу поют Святославову,
Кают Игоря-князя,

Погрузившего силу на дне Каялы, реки половецкия,
Насыпав ее золотом русским.
Там Игорь-князь из златого седла пересел в седло кощеево;
Уныли в градах забралы,
И веселие поникло.
И Святославу мутный сон привиделся:
«В Киеве на горах в ночь сию с вечера
Одевали меня, — рек он, — черным покровом на кровати тесовой;
Черпали мне синее вино, с горечью смешанное;
Сыпали мне пустыми колчанами
Жемчуг великий в нечистых раковинах на лоно
И меня нежили.
А кровля без князя была на тереме моем златоверхом.
И с вечера целую ночь граяли враны зловещие,
Слетевшись на склон у Пленьска в дебри Кисановой...
Уж не послать ли мне к синему морю?»
И бояре князю в ответ рекли:
«Печаль нам, князь, умы полонила;
Слетели два сокола с золотого престола отцовского
Поискать города Тмутороканя
Иль выпить шеломом из Дону.
Уж соколам и крылья неверных саблями подрублены,
Сами ж запутаны в железных опутинах».
В третий день тьма наступила.
Два солнца померкли,
Два багряных столпа угасли,
А с ними и два молодые месяца, Олег и Святослав,
Тьмою подернулись.
На реке на Каяле свет темнотою покрылся.
Гнездом леопардов простерлись половцы по Русской земле
И в море ее погрузили,
И в хана вселилось буйство великое.
Нашла хула на хвалу,
Неволя ударила на волю,
Вергнулся Див на землю.
Вот уж и готские красные девы
Вспели на бреге синего моря;
Звоня золотом русским,

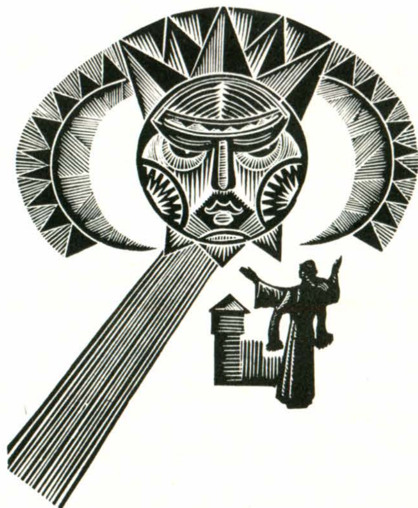
Поют они время Бусово,
Величают месть Шураканову.
А наши дружины гладны веселием.
Тогда изронил Святослав великий слово златое,
с слезами смешанное:
«О сыновья мои, Игорь и Всеволод!
Рано вы стали мечами разить Половецкую землю,
А себе искать славы!
Не с честию вы победили,
С нечестием пролили кровь неверную!
Ваше храброе сердце в жестоком булате заковано
И в буйстве закалено!
То ль сотворили вы моей серебряной седине!
Уже не вижу могущества моего сильного, богатого,
многовойного брата Ярослава,
С его черниговскими племенами-поселенцами
С Монгутами, Татринами и Шельбирами,
С Топчаками, Ревутами и Ольберами.
Они без щитов, с кинжалами засапожными,
Кликом полки побеждали,
Звеня славою прадедов.
Вы же рекли: «Мы одни постоим за себя,
Славу переднюю сами похитим,
Заднюю славу сами поделим!»
И не диво бы, братья, старому стать молодым.
Сокол ученый
Птиц высоко взбивает,
Не даст он в обиду гнезда своего.
Но горе, горе! князья мне не в помощь!
Времена обратились на низкое!
Вот и Роман кричит под саблями половецкими,
А князь Владимир под ранами.
Горе и беда сыну Глебову!
Где же ты, великий князь Всеволод?
Иль не помыслишь прилететь издалеча отцовский
златой престол защитить?
Силен ты веслами Волгу разбрызгать,
А Дон шеломами вычерпать,
Будь ты с ними, и была бы чага по ногате,
А кощей по резане.
Ты же посуху можешь с чадами Глеба удалыми
Стрелять живыми самострелами.
А вы, бесстрашные, Рюрик с Давыдом,

Не ваши ль позлащенные шеломы в крови плавали?
Не ваша ль храбрая дружина рыкает,
Словно как туры, калеными саблями ранены в поле незнаемом?
Вступите, вступите в стремя златое
За честь сего времени, за Русскую землю,
За раны Игоря, буйного Святославича!
Ты, галицкий князь Осмомысл Ярослав,
Высоко ты сидишь на престоле своем златокованом!
Подпер Угорские горы полками железными,
Заступил ты путь королю,
Затворил Дунаю вороты,
Бремена через облаки мечешь,
Рядишь суды до Дуная,
Гроза твоя по землям течет,
Ворота отворяешь ты Киеву,
Стреляешь в султанов с златого престола отцовска через далекие земли.
Стреляй же, князь, в Кончака, неверного кощея, за Русскую землю,
За раны Игоря, буйного Святославича!
А ты, Мстислав, и смелый Роман!
Храбрая мысль носит ваш ум на подвиги,
Высоко взлетаете вы на дело отважное,
Словно как сокол на ветрах ширяется,
Птиц одолеть замышляя в отважности!
Шеломы у вас латинские, под ними железные панцири!
Дрогнули ими многие земли и области хановы,
Литва, Деремела, Ятвяги,
И половцы, копья свои повергнув,
Главы подклонили
Под ваши мечи харалужные.
Но уже для Игоря-князя солнце свет свой утратило,
И древо свой лист не добром сронило;
По Роси, по Суле грады поделены,
А храброму полку Игоря уже не воскреснуть.
Дон тебя, князя, кличет,
Дон зовет князей на победу.
Ольговичи, храбрые князи, доспели на бой.
Вы же, Ингварь, и Всеволод, и все три Мстиславича,

Не худого гнезда шестокрильцы,
Не по жребью ли победы власть себе вы похитили?
На что вам златые ваши шеломы,
Ваши польские копья, щиты?
Заградите в поле врата своими острыми стрелами
За землю Русскую, за раны Игоря, смелого
Святославича!»
Не течет уже Сула струею серебряной
Ко граду Переяславлю;
Уж и Двина болотом течет
К оным грозным полочанам под кликом неверных.
Один Изяслав, сын Васильков,
Позвенел своими острыми мечами о шлемы
литовские,
Утратил он славу деда своего Всеслава,
А сам под червлеными щитами на кровавой траве
Положен мечами литовскими,
И на сем одре возгласил он:
«Дружину твою, князь Изяслав,
Крылья птиц приодели,
И звери кровь полизали!»
Не было тут брата Брячислава, ни другого —
Всеволода.
Один изронил ты жемчужную душу
Из храброго тела
Через златое ожерелие!
Голоса приуныли,
Поникло веселие,
Трубят городенские трубы.
Ты, Ярослав, и вы, внуки Всеславли,
Пришло преклонить вам стяги свои,
Пришло вам в ножны вонзить мечи поврежденные!
Отскочили вы от дедовской славы,
Навели нечестивых крамолами
На Русскую землю, на жизнь Всеславову!
Бывало нам прежде какое насилие от земли
Половецкия!
На седьмом веке Трояновом
Бросил жребий Всеслав о девице милой.
Он, подпершись клюками, сел на коня,
Поскакал ко граду Киеву
И коснулся древком копья до златого престола
Киевского.

Лютым зверем в полночь поскакал он из Белграда,
Синею мглою обвешенный,
Поутру же, стрикузы водрузивши, раздвинул врата Новугороду,
Славу расшиб Ярославову,
Волком помчался с Дудуток к Немиге.
На Немиге стелют снопы головами,
Молотят цепами булатными,
Жизнь на току кладут,
Веют душу от тела.
Кровавые бреги Немиги не добром были посеяны,
Посеяны костями русских сынов.
Князь Всеслав людей судил,
Князьям он рядил города,
А сам в ночь волком рыскал;
До петухов он из Киева успевал к Тмуторокани,
К Херсоню великому волком он путь перерыскивал.
Ему в Полоцке рано к заутрени зазвонили
В колокола у святыя Софии,
А он в Киеве звон слышал.
Пусть и вещая душа была в крепком его теле,
Но часто страдал он от бед.
Ему и вещий Боян древней припевкой предрек:
«Будь хитер, будь смышлен.
Будь по-птичьи горазд,
А божьего суда не минуешь!»
О, стонать тебе, земля Русская,
Вспоминая времена первые и первых князей!
Нельзя было старого Владимира пригвоздить к горам киевским!
Стяги его стали ныне Рюриковы,
А другие Давыдовы;
Нося на рогах их, волы ныне землю пашут.
А копья поют на Дунае».
Голос Ярославнин слышится, на заре одинокой чечеткою кличет.
«Полечу, говорит, кукушкою по Дунаю,
Омочу бобровый рукав в Каяле-реке,
Оботру князю кровавые раны на отвердевшем теле его».
Ярославна поутру плачет в Путивле на стене, приговаривая:

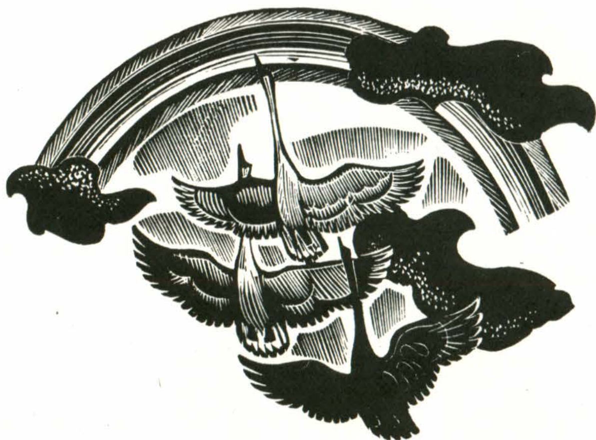
«О ветер, ты ветер!
К чему же так сильно веешь?
На что же наносишь ты стрелы ханские
Своими легковейными крыльями
На воинов лады моей?
Мало ль подоблачных гор твоему веянью?
Мало ль кораблей на синем море твоему лелеянью?
На что ж, как ковыль-траву, ты развеял мое веселие?»



Ярославна поутру плачет в Путивле на стене, припеваючи:
«О ты, Днепр, ты, Днепр, ты, слава-река!
Ты пробил горы каменны
Сквозь землю Половецкую;
Ты, лелея, нес суда Святославовы к рати Кобяковой:
Прилелей же ко мне ты ладу мою,
Чтоб не слала к нему по утрам по зарям слез я на море!»
Ярославна поутру плачет в Путивле на стене городской, припеваючи:
«Ты светлое, ты пресветлое солнышко!
Ты для всех тепло, ты для всех красно!

Что ж так простерло ты свой горячий луч на воинов лады моей,
Что в безводной степи луки им сжало жаждой
И заточило им тулы печалию?»
Прыснуло море ко полуночи,
Идут мглою туманы:
Игорю-князю бог путь указывает
Из земли Половецкой в Русскую землю,
К златому престолу отцовскому.
Приугасла заря вечерняя.
Игорь-князь спит — не спит,
Игорь мыслию поле меряет
От великого Дона
До малого Донца.
Конь к полуночи,
Овлур свистнул за рекою,
Чтоб князь догадался.
Не быть князю Игорю!
Кликнула, стукнула земля;
Зашумела трава:
Половецкие вежи подвигнулись.
Прянул князь Игорь горностаем в тростник,
Белым гоголем на воду;
Взвернулся князь на быстра коня,
Соскочил с него бесом-волком,
И помчался он к лугу Донца;
Полетел он, как сокол под мглами,
Избивая гусей-лебедей к завтраку, и обеду, и ужину.
Когда Игорь-князь соколом полетел,
Тогда Овлур волком потек за ним,
Сбивая с травы студеную росу:
Притомили они своих борзых коней.
Донец говорит: «Ты, Игорь-князь!
Не мало тебе величия,
А Кончаку нелюбия,
Русской земле веселия!»
Игорь в ответ: «Ты, Донец-река!
И тебе славы не мало,
Лелеявшему на волнах князя,
Подстилавшему ему зелену траву
На своих берегах серебряных,
Одевавшему его теплыми мглами

Под навесом зеленого дерева,
Охранявшего его на воде гоголем,
Чайками на струях,
Чернядьми на ветрах.
Не такова, — примолвил он, — Стугна-река:
Худая про нее слава!
Пожирает она чужие ручьи,
Струги меж кустов раздирает.
А юноше князю Ростиславу
Днепр затворил брега темные.



Плачет мать Ростилавова
По юноше князе Ростилаве.
Увянул цвет жалобою,
А деревья печалию к земле приклонило».
Не сороки застрекотали:
Вслед за Игорем едут Гзак и Кончак.
Тогда враны не граяли,
Галки замолкли,
Сороки не стрекотали,
Ползком только ползали,
Дятлы стуком путь к реке кажут
Соловьи веселыми песнями свет прорекают.
Молвил Гзак Кончаку:
«Если сокол к гнезду долетит,

Соколенка мы расстреляем стрелами злачеными!»
Гзак в ответ Кончаку:
«Если сокол к гнезду долетит,
Соколенка опутаем красною девицей!»
И сказал опять Гзак Кончаку:
«Если опутаем красною девицей,
То соколенка не будет у нас,
Не будет и красныя девицы,
И начнут нас бить птицы в поле Половецком!»
Пел Боян, песнотворец старого времени,
Пел он походы на Святослава,
Правнука Ярославова, сына Ольгова, супруга дщери Когановой:
«Тяжко, — сказал он, — быть голове без плеч,
Худо телу, как нет головы!»
Худо Русской земле без Игоря!
Солнце светит на небе, —
Игорь-князь в Русской земле!
Девы поют на Дунае,
Голоса долетают через море, до Киева,
Игорь едет по Боричеву
К святой богородице Пирогощей,
Радуются земли,
Веселы грады.
Песнь мы спели старым князьям,
Песнь мы спели князьям молодым:
Слава Игорю Святославичу!
Слава буйному туру Всеволоду!
Слава Владимиру Игоревичу!
Здравствуйте, князья и дружина,
Поборая за христиан полки неверные!
Слава князьям, а дружине аминь!

1817—1819

А. Н. Майков

Слово о полку Игореве

е начать ли нашу песнь, о братья,
Со сказаний о старинных бранях, —
Песнь о храброй Игоревой рати
И о нем, о сыне Святославле!
И воспеть их, как поется ныне,
Не гоняясь мыслью за Бояном!
Песнь слагая, он, бывало, вещий,
Быстрой векшей по лесу носился,
Серым волком в чистом поле рыскал,
Что орел, ширял под облаками!
Как воспомнит брани стародавни,
Да на стаю лебедей и пустит
Десять быстрых соколов вдогонку;
И какую первую настигнет,
Для него и песню пой та лебедь, —
Песню пой о старом Ярославе ль,
О Мстиславе ль, что в бою зарезал,
Поборов, касожского Редедю,
Аль о славном о Романе Красном...
Но не десять соколов то было:
Десять он перстов пускал на струны,
И князьям, под вещими перстами,
Сами струны славу рокотали!

Поведем же, братия, сказанье
От времен Владимировых древних,

Доведем до Игоревой брани,
Как он думу крепкую задумал,
Наострил отвагой храброй сердце,
Распалился славным ратным духом
И за землю Русскую дружины
В степь повел на ханов половецких.

У Донца был Игорь, только видит —
Словно тьмой полки его прикрыты,
И воззрел на светлое он солнце —
Видит: солнце — что двурогий месяц,
А в рогах был словно угль горящий;
В темном небе звезды просияли;
У людей в глазах позеленело,
«Не добра ждать», — говорят в дружине.
Старики поникли головами:
«Быть убитым нам или плененным!»
Князь же Игорь: «Братья и дружина,
Лучше быть убиту, чем пленену!
Но кому пророчится погибель —
Кто узнает, нам или поганым?
А посядем на коней на борзых
Да посмотрим синего-то Дону!»
Не послушал знаменья он солнца,
Распалясь взглянуть на Дон великий!
«Преломить копье свое, — он кликнул, —
Вместе с вами, русичи, хочу я
На конце неведомого поля!
Или с вами голову сложити,
Иль испить златым шеломом Дону!»

О Боян, о вещий песнотворец,
Соловей времен давно минувших!
Ах, тебе б певцом быть этой рати!
Лишь скача по мысленному древу,
Возносясь орлом под сизы тучи,
С древней славой новую свивая,
В путь Троянов мчась чрез дол на горы,
Воспевать бы Игореву славу?

То не буря соколов помчала,
То не стаи галчьи побежали
Чрез поля-луга на Дон великий...
Ах, тебе бы петь, о внук Велесов!..

За Сулой-рекою да ржут кони,
Звон звенит во Киеве во стольном,
В Новеграде затрубили трубы;
Веют стяги красные в Путивле...
Поджидает Игорь мила брата;
А пришел и Всеволод и молвит:
«Игорь, брат, един ты свет мой светлый!
Святославли мы сыны, два брата!
Ты седлай коней своих ретивых,
А мои оседланы уж в Курске!

И мои куряне ль не смышлены!
Повиты под бранною трубою,
Повзросли под шлемом и кольчугой.
Со конца копья они вскормлены!
Все пути им сведомы, овраги!
Луки туги, тулы отворены,
Остры сабли крепко отточены,
Сами скачут, словно волки в поле,
Алчут чести, а для князя славы!..»

И вступил князь Игорь во злат
стремень.
И дружины двинулись за князем.
Солнце путь их тьмою заступало:

Ночь пришла — та взвыла, застонала
И грозою птиц поразбудила.
Свист звериный встал кругом по степи;
Высоко поднявшися по древу,
Черный Див закликал, подавая
Весть на всю незнаемую землю,
На Сулу, на Волгу и Поморье,
На Корсунь и Сурожское море,
И тебе, болван Тмутороканский!
И бегут неезжими путями
К Дону тьмы поганых, и отвсюду
От телег их скрип пошел, — ты скажешь:
Лебедей испуганные крики.

Игорь путь на Дон великий держит,
А над ним беду уж чуют птицы
И несутся следом за полками;
Воют волки по крутым оврагам,
Ощетинясь, словно бурю кличут;
На красны́ щиты лисицы брешут,
А орлы, своим зловещим клектом,
По степям зверье зовут на кости...

А уж в степь зашла ты, Русь, далеко!
Перевал давно переступила!

Ночь редеет. Бел рассвет проглянул,
По степи туман понесся сизый;
Позамолкнул щекот соловьиный,
Галчий говор по кустам проснулся...
В поле Русь, с багряными щитами,
Длинным строем изрядилась к бою,
Алча чести, а для князя славы:

И в пяток то было; спозаранья,
Потоптали храбрые поганых!
По полю рассыпавшись, что стрелы,
Красных дев помчали половецких,
Аксамиту, па́волок и злата,
А мешков и всяких узорочий,
Кожухов и юрт такую силу,
Что мосты в грязях мостили ими.
Все дружине храброй отдал Игорь.

Красный стяг один себе оставил.
Красный стяг, серебряное древко.
С алой челкой, с белою хоругвью.

Дремлет храброе гнездо Олега.
Далеко, родное, залетело!
«Не родились, знай, мы на обиду
Ни тебе, быстр сокол, пестер кречет,
Ни тебе, зол ворон половчанин...»

А уж Гзак несется серым волком,
И Кончак за Гзаком им навстречу...

И в другой день, полосой кровавой,
Повещают день кровавый зори...
Идут тучи черные от моря,
Тьмой затмить хотят четыре солнца...
Синие в них молнии трепещут...
Грому быть, великому быть грому!
Лить дождю калеными стрелами!
Поломаться копьям о кольчуги,
Потупиться саблям о шеломы,
О шеломы половчан поганых!

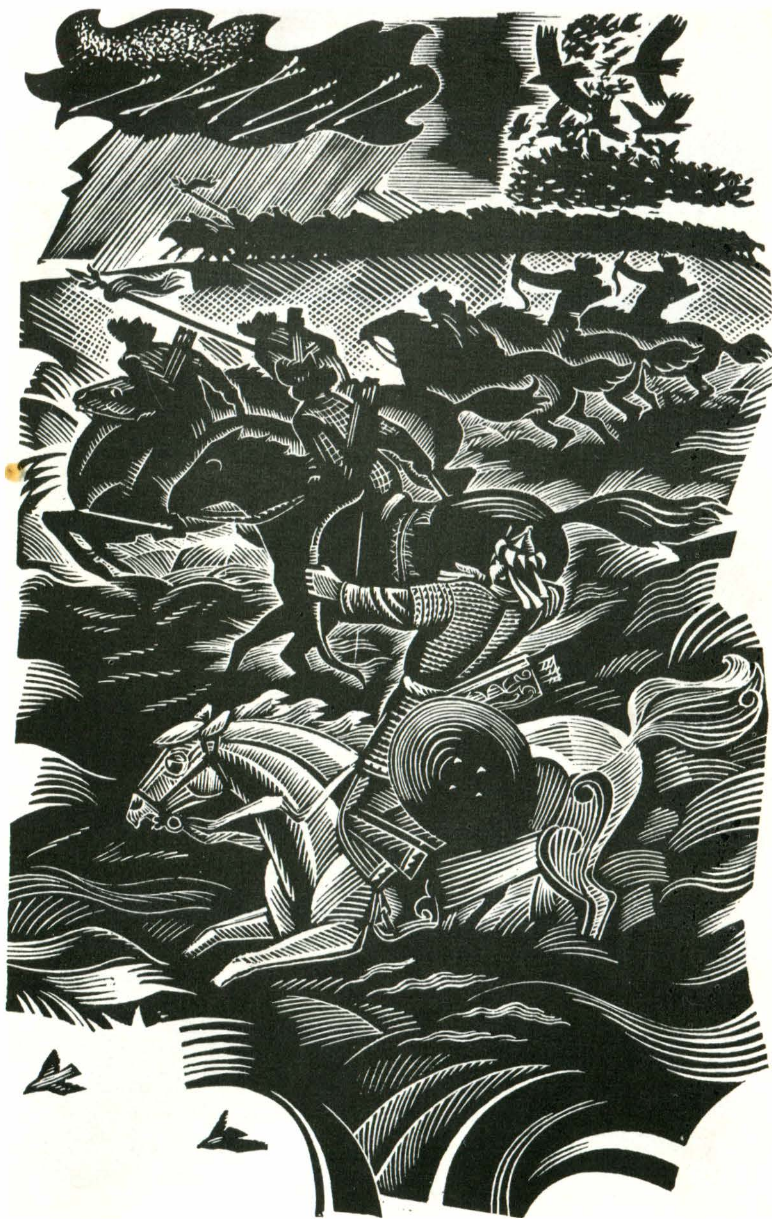
А уж в степь зашла ты, Русь, далеко!
Перевал давно переступила!..

Чу! Стрибожьи чада понеслися,
Веют ветры, уж наносят стрелы,
На полки их Игоревы сыплют...
Помутились, пожелтели реки,
Загудело поле, пыль поднялась,
И сквозь пыли уж знамена плещут...
Ото всех сторон враги подходят...
И от Дона и от синя моря,
Обступают наших отовсюду!
Отовсюду бесовы исчадья
Понеслися с гиканьем и криком;

Молча Русь, отпор кругом готовя,
Подняла щиты свои багряны.

Ярый тур ты, Всеволод! стоишь ты
Впереди с курянами своими!
Прыщешь стрелами на вражьих воев,
О шеломы их гремишь мечами!
Где ты, буй-тур, ни поскачешь в битве,
Золотым посвечивая шлемом, —
Там валятся головы поганых,
Там трещат аварские шеломы
Вкруг тебя от сабель молодецких!
Не считает ран уж он на теле!
Да ему о ранах ли тут помнить,
Коль забыл он и Чернигов славный,
Отчий стол, честны пиры княжие
И своей красавицы княгини,
Той ли светлой Глебовны, утехи,
Милый лик и ласковый обычай!

Были веки темного Трояна,
Ярослава годы миновали;
Были брани храброго Олега...
Тот Олег мечом ковал крамолу,
Сеял стрелы по земле по Русской...
Затрубил он сбор в Тмуторокани:
Слышал трубы Всеволод великий,
И с утра в Чернигове Владимир
Сам в стенах закладывал ворота...
А Бориса ополчила слава
И на смертный одр его сложила
На зеленом поле у Канина...
Пал млад князь, пал храбрый Вячеславич,
За его ж, за Ольгову, обиду!
И с того зеленого же поля,
На своих угорских иноходцах,
Ярополк увез и отче тело
Ко святой Софии в стольный Киев.
И тогда ж, в те злые дни Олега,
Сеялось крамолой и растилось
На Руси от внуков Гориславы;
Погибала жизнь Дажьбожьих внуков,
Сокращались веки человекам...
В дни те редко ратаи за плугом
На Руси покрикивали в поле;
Только враны каркали на трупах,



Галки речь вели между собою,
Далеко почуя мертвечину.

Так в те брани, так в те рати было.
Но такой, как Игорева битва,
На Руси не слыхано от века!

От зари до вечера, день целый,
С вечера до света реют стрелы,
Гремлют остры сабли о шеломы,
С треском копья ломятся булатны
Середи неведомого поля,
В самом сердце Половецкой степи!
Под копытом черное все поле
Было сплошь засеяно костями,
Было кровью алою полито,
И взошел посев по Руси — горем!..

Что шумит-звенит перед зарею?
Скачет Игорь полк поворотити...
Жалко брата... Третий день уж бьются!
Третий день к полудню уж подходит:
Тут и стяги Игоревы пали!
Стяги пали, тут и оба брата
На Каяле быстрой разлучились...
Уж у храбрых русичей не стало
Тут вина кровавого для пира,
Попоили сватов, да и сами
Полегли за отческую землю!
В поле травы с жалости поникли,
Дерева с печали приклонились...

Невеселый час настал, о братья!
Уж пустыня скрыла поле боя,
Где легла Дажьбожья внука сила,
Но над ней стоит ее Обида...
Обернулась девою Обида
И ступила на́ землю Трояню,
Распустила крылья лебедины
И, крылами плещучи у Дона,
В синем море плеща, громким гласом
О годах счастливых поминала:

«От усобиц княжьих — гибель Руси!
Братья спорят: то мое и это!
Зол раздор из малых слов заводят,
На себя куют крамолу сами,
А на Русь с победами приходят
Отовсюду вороги лихие!

Залетел далече ясный сокол,
Загоняя птиц ко синю морю, —
А полка уж Игорева нету!

На всю Русь поднялся вой поминок,
Поскочила Скорбь от веси к веси
И, мужей зовя на тризну, мечет
Им смолой пылающие роги...
Жены плачут, слезно причитают:
«Уж ни мыслью милых нам не смыслить!
Уж ни думой лад своих не сдумать!
Ни очами нам на них не глянуть.
Златом, сребром нам уже не звякнуть!»

Стонет Киев, тужит град Чернигов,
Широко печаль течет по Руси;
А князья куют себе крамолу,
А враги с победой в селах рыщут,

Собирают дань по белке с дыму...
А все храбрый Всеволод да Игорь!
То они зло лихо разбудили:
Усыпил было его могучий
Святослав, князь Киевский великий...
Был грозой для ханов половецких!
Наступил на землю их полками,
Притоптал их холмы и овраги,
Возмутил их реки и озера,
Иссушил потоки и болота!
А того поганого Кобяка,
Из полков железных половецких,
Словно вихрь, исторг из лукоморья —
И упал Кобяк во стольный Киев,
В золотую гридню к Святославу...
Немцы, греки и венецияне,
И морава хвалят Святослава,
И корят все Игоря, смеются,
Что на дне Каялы половецкой
Погрузил он русскую рать-силу,
Реку русским золотом засыпал,
Да на ней же сам с седла златого
На седло кощея пересажен».

В городах затворены ворота.
Приумолкло на Руси веселье.
Смутен сон приснился Святославу.

«Снилось мне, — он сказывал боярам, —
Что меня, на кипарисном ложе,
На горах здесь в Киеве, ох, черным
Одевали с вечера покровом;
С синим мне вином мешали зелье;
Из поганых половецких тулов
Крупный жемчуг сыпали на лоно;
На меня, на мертвеца, не смотрят;
В терему ж золотоверхом словно
Из конька повыскочили доски;
И всю ночь прокаркали у Пленска,
Там, где прежде дебрь была Кисаня,
На подолье, стаи черных вранов,
Проносясь несметной тучей к морю...»

Отвечали княжие бояре:
«Ум твой, княже, полонило горе!
С злат-стола два сокола слетели,
Захотев испить шеломом Дону,
Поискать себе Тмуторокани.
И подсекли половцы им крылья,
А самих опутали в железа!
В третий день внезапу тьма настала!
Оба солнца красные померкли.
Два столба багряные погасли,
С ними оба тьмой поволоклися
И в небесных безднах погрузились,
На веселье ханам половецким,
Молодые месяцы, два света —
Володимир с храбрым Святославом!
На Каяле Тьма наш Свет покрыла,
И простерлись половцы по Руси,
Словно люты пардусовы гнезда!
Уж хула на славу нанеслася,
Зла нужда ударила на волю,
Черный Див повергнулся на землю,
Рад, что девы готские запели
По всему побрежью синя моря!
Золотом позванивают русским,
Прославляют Бусовы победы
И лелеют месть за Шарукана...
До веселья ль, княже, тут дружине!»

Изронил тогда в ответ боярам
Святослав из уст златое слово,
Горючьми слезами облитое:

«Детки, детки, Всеволод мой, Игорь!
Сыновцы мои вы дорогие!
Не́ в пору искать пошли вы славы
И громить мечами вражью землю!
Ни победой, ни пролитой кровью
Для себя не добыли вы чести!
Да сердца-то ваши удалые
На огне искованы на лютом,
Во отваге буйной закалены!

Что теперь вы, дети, сотворили
С сединой серебряной моею?
Нет со мной уж брата Ярослава!
Он ли сильный, он ли многоратный,
Со своей черниговской дружиной!
А его могуты и татраны,
Топчаки, ревуги и ольберы,
Те — с ножами, без щитов, лишь кликом,
Бранной славой прадедам ревнуя,
Побеждают полчища и рати...
Вы ж возмнили: сами одолеем!
Всю сорвем, что в будущем есть, славу,
Да и ту, что добыли уж деды!..

Старику б помолодеть не диво!
Вьет гнездо сокóл и птиц взбивает,
Своего гнезда не даст в обиду,
Да беда — в князьях мне нет помоги!
Времена тяжелые настали:
Крик в Ромнах под саблей половецкой!
Володимир ранами изъязвлен,
Стонет, тужит Глебович удалый...
Что ж ты, княже, Всеволод великий!
И не в мысль тебе перелетети,
Издалека поблюсти стол отчий?
Мог бы Волгу веслами разбрызгать,
Мог бы Дон шеломами расчерпать!
Будь ты здесь, да половцев толпою
Продавали б — девка по ногате,
Смерд-кощей по рéзани пошел бы!
Ведь стрелять и посуху ты можешь —
У тебя живые самострелы —
Двое братьев, Глебовичей храбрых!

Ты, буй Рюрик, ты, Давыд удалый!
Вы ль с дружиной по златые шлемы
Во крови не плавали во вражьей?
Ваши ль рати не рычат по степи,
Словно туры, раненные саблей!
Ой, вступите в золотое стремя,
Распалитесь гневом за обиду,
Вы за землю Русскую родную,
За живые Игоревы раны!

Остромысл ты вещий, Ярославе...
Высоко на золотом престоле
Восседаешь в Галиче ты крепком!
Подпер ты своей железной ратью,
Что стеной, Карпатские угорья,
Заградив для короля дорогу,
Затворив ворота на Дунае,
Через тучи сыпля горы камней
И судя до самого Дуная!
И текут от твоего престола
По землям на супротивных грозы...
Отворяешь в Киева ворота,
Мечешь стрелы за́ земли в салтанов!..
Ах, стреляй в поганого кощея,
Разгроми Кончака за обиду,
Встань за землю Русскую родную,
За живые Игоревы раны!

Ты, Роман, с своим Мстиславом верным!
Смело мысль стремит ваш ум на подвиг!
Ты могучий, в замыслах высоко
Возлетаешь, что соко́л ширяя
На ветрах, над верною добычей...
Грудь у вас из-под латинских шлемов
Вся покрыта кольчатою сеткой!
Перед вами трепетали земли,
Потрясались Хиновские страны,
Деремела ж, половцы с литвою
И ятвяги палицы бросали
И во прах кидались перед вами!
Свет, о князь, от Игоря уходит!
Не на благо лист спадает с древа!
По Роси́, Суле́ враг грады делит,
А полку уж Игорева нету!
Дон зовет, Роман, тебя на подвиг,
Всех князей сзывает на победу,
А одни лишь Ольговичи вняли
И на брань, на зов его, доспели...

Ингварь, Всеволод и вы, три брата,
Вы, три сына храброго Мстислава,
Не худа гнезда птенцы крылаты!

Отчин вы мечом не добывали —
Где же ваши шлемы золотые?
Аль уж нет щитов и ляшских палиц?
Заградите острыми стрелами
Воро́та на Русь с широкой степи!
Потрудитесь, князи, в поле ратном,
Все за землю Русскую родную,
За живые Игоревы раны!..

Уж не той серебряной струею
Потекла Сула к Переяславлю,
И Двина пошла уже болотом,
Взмущена врагом, под грозный Полоцк!
Услыхал и Полоцк крик поганых!
Изяслав булатными мечами
Позвонил один о вражьи шлемы,
Да разбил лишь дедовскую славу,
Сам сражен литовскими мечами
И изрублен на траве кровавой,
Под щитами красными своими!
И, на том одре на смертном лежа,
Сам сказал: «Вороньими крылами
Приодел ты, князь, свою дружину,
Полизать зверям ее дал крови!»
И один, без брата Брячислава,
Без другого — Всеволода-брата,
Изронил жемчужную он душу;
Изронил один, из храбра тела,
Сквозь свое златое ожерелье!..
И поникло в отчине веселье,
В Городне трубят печально трубы...

Все вы, внуки грозного Всеслава,
Опустите ваши красны стяги
И в ножны мечи свои вложите:
Вы из дедней выскочили славы!
В ваших сварах первые вы стали
Наводить на отчий край поганых!
И от вас, не лучше половецких,
Таковы ж насилья были Руси!
Загадал о дедине любезной
Тот Всеслав, на Киев жребий бросил,
На коня вскочил он и помчался,

Да лишь древком копия добился
До его престола золотого!
В ночь бежал оттуда лютым зверем,
Синей мглой из Белграда поднялся,
Утром бил уж стены в Новеграде,
Ярослава славу порушая...
Проскочил оттуда серым волком,
От Дудуток на реку Немигу...
Не снопы то стелют на Немиге —
Человечьи головы кидают!
Не цепами молотят — мечами!
Жизнь на ток кладут и веют душу,
Веют душу храбрую от тела!
Ох, не житом сеяны — костями
Берега кровавые Немиги,
Все своими, русскими костями!..
Днем Всеслав суды судил народу
И ряды рядил между князьями,
В ночь же волком побежит, бывало,
К петухам в Тмуторокань поспеет,
Хорсу путь его перебегая!
Да! ему заутреню, бывало,
Зазвонят у Полоцкой Софии,
Он же звон у Киевской уж слушал!
А хотя и с вещею душою
Был, великий, в богатырском теле,
Все ж беды терпел-таки немало!
Про него и спел Боян припевку:
«Будь хитер-горазд, летай хоть птицей —
Все суда ты божьего не минешь!»

Ох, стонать земле великой Русской,
Про князей воспоминая давних,
Вспоминая прежнее их время!
Да нельзя ж ведь было пригвоздити
Ко горам ко Киевским высоким
Старика Владимира навеки!
По рукам пошли его знамена,
И уж розно машут бунчуками,
Розно копья петь пошли по рекам!»

Игорь слышит Ярославнин голос...
Там, в земле незнаемой, поутру

Раным-рано ласточкой щебечет:
«По Дунаю ласточкой помчусь я,
Омочу бебрян рукав в Каяле,
Оботру кровавы раны князю
На бело́м его могучем теле!..»

Там она, в Путивле, раным-рано
На стене стоит и причитает:

«Ветер-Ветрило! что ты, господине,
Что ты веешь, что на легких крыльях
Носишь стрелы в храбрых воев лады!
В небесах, под облаки бы веял,
По морям кораблики лелеял,
А то веешь, веешь — развеваешь
На ковыль-траву мое веселье...»

Там она, в Путивле, раным-рано
На стене стоит и причитает:

«Ты ли, Днепр мой, Днепр ты мой Славутич!
По земле прошел ты Половецкой,
Пробивал ты каменные горы!
Ты ладьи лелеял Святослава,
До земли Кобяковой носил их...
Прилелей ко мне мою ты ладу,
Чтоб мне слез не слать к нему с тобою
По сырым зорям на сине море!..»

Рано-рано уж она в Путивле
На стене стоит и причитает:

«Светлое, тресветлое ты Солнце,
Ах, для всех красно, тепло ты, Солнце!
Что ж ты, Солнце, с неба устремило
Жаркий луч на лады храбрых воев!
Жаждой их томишь в безводном поле,
Сушишь-гнешь несмоченные луки,
Замыкаешь кожаные тулы...»

Сине море прыснуло к полночи,
Мглой встают, идут смерчи морские:
Кажет бог князь-Игорю дорогу

Из земли далекой Половецкой
К золотому отчему престолу.

Погасают сумерки сквозь тучи...
Игорь спит — не спит, крылатой мыслью
Мерит поле ко Донцу от Дона.
За рекой Овлур к полночи свищет,
По коня он свищет, повещает:
«Выходи, князь Игорь, из полона».

Ветер воет, проносясь по степи,
И шатает вежи половецки:
Шелестит-шуршит ковыль высокий,
И шумит-гудит земля сырая...
Горностаем скок в тростник князь Игорь,
Что бел гоголь по воде ныряет,
На быстра́ добра́ коня садится;
По лугам Донца что волк несется;
Что соко́л летит в сырых туманах,
Лебедей, гусей себе стреляет
На обед, на завтрак и на ужин.

Что соко́л летит князь светлый Игорь,
Что сер волк Овлур за ним несется.
Студену́ росу с травы стряхая,
Уж лихих коней давно загнали.

Вран не каркнет, галчий стихнул говор,
И сорочья стрекота не слышно.
Только дятлы ползают по ветвям,
Дятлы тектом путь к реке казуют,
Соловьин свист зори повещает...

Говорит Донец: «Ох, князь ты Игорь!
Величанья ж ты себе да добыл,
А Кончаку всякого проклятья,
Русской всей земле светла́ веселья!»

Отвечал Донцу князь светлый Игорь:
«Донче, Донче, ты ли, тихоструйный!
И тебе да будет величанье,
Что меня ты на волнах лелеял.

Зелену траву мне стлал в постелю
На своем серебряном побрежье;
Теплой мглою на меня ты веял
Под темно́й зеленою ракитой;
Серой уткой сторожил на русле,
На струях — чирком, на ветрах — чайкой...
Вот Стугна, о Донче, не такая!
Как пожрет-попьет ручьи чужие,
По кустам, по долам разольется!..
Ростислава-юношу пожрала,
На Днепре ж, на темном побережье,
Плачет мать по юноше, по князе;
Приуныли с жалости цветочки,
Дерева с печали приклонились...»

Не сороки — чу! — застрекотали:
Едут Гзак с Кончаком в злу погоню.

Молвит Гзак Кончаку на погоне:
«Коль соко́л к гнезду летит, урвался,
Уж млада соколика не пустим,
А поставим друга в чистом поле,
Расстреляем стрелами златыми».

И в ответ Кончак ко люту Гзаку:
«Коль соко́л к гнезду летит, урвался,
Сокольца опутаем потуже
Крепкой цепью — красною девицей».

Гзак в ответ Кончаку слово молвит:
«Коль опутать красною девицей,
Не видать ни сокольца младого,
Не видать ни красной нам девицы;
А их детки бить почнут нас в поле,
Здесь же, в нашем поле половецком».

Стародавних былей песнотворец,
Ярослава певший и Олега,
Так-то в песне пел про Святослава:
«Тяжело главе без плеч могучих,
Горе телу без главы разумной».

И земле так горько было Русской
Без удала Игоря, без князя...
Ан на небе солнце засветило:
Игорь-князь в земле уж скачет Русской.
На Дунае девицы запели;
Через море песнь отдалась в Киев.
Игорь едет, на Боричев держит,
Ко святой иконе Пирогощей.
В селах радость, в городах веселье;
Все князей поют и величают:
Перво — старших, а за ними — младших,
Воспоем и мы: свет-Игорь — слава!
Буй-тур-свету-Всеволоду — слава!
Володимир Игоревич — слава!
Святославу Ольговичу — слава!
Вам на здравье, князи и дружина,
Христиан поборцы на поганых!

Слава князьям и дружине!

Аминь.

1866—1870

Н. Заболоцкий

Слово о полку Игореве

Вступление

Не пора ль нам, братия, начать
О походе Игоревом слово,
Чтоб старинной речью рассказать
Про деянья князя удалого?
А воспеть нам, братия, его —
В похвалу трудам его и ранам —
По былинам времени сего,
Не гоняясь мыслью за Бояном.
Тот Боян, исполнен дивных сил,
Приступая к вещему напеву,
Серым волком по полю кружил,
Как орел, под облаком парил,
Растекался мыслию по древу.
Жил он в громе дедовских побед,
Знал немало подвигов и схваток,
И на стадо лебедей чуть свет
Выпускал он соколов десяток.
И, встречая в воздухе врага,
Начинали соколы расправу,
И взлетала лебедь в облака,
И трубила славу Ярославу.
Пела древний киевский престол,
Поединок славила старинный,
Где Мстислав Редедю заколол
Перед всей касожскою дружиной,

И Роману Красному хвалу
Пела лебедь, падая во мглу.

Но не десять соколов пускал
Наш Боян, но, вспомнив дни былые,
Вещие персты он подымал
И на струны возлагал живые, —
Вздрагивали струны, трепетали,
Сами князям славу рокотали.

Мы же по иному замышленью
Эту повесть о године бед
Со времен Владимира княженья
Доведем до Игоревых лет
И прославим Игоря, который,
Напрягая разум, полный сил,
Мужество избрал себе опорой,
Ратным духом сердце поострил
И повел полки родного края,
Половецким землям угрожая.

О Боян, старинный соловей!
Приступая к вещему напеву,
Если б ты о битвах наших дней
Пел, скача по мысленному древу;
Если б ты, взлетев под облака,
Нашу славу с дедовскою славой
Сочетал на долгие века,
Чтоб прославить сына Святослава;
Если б ты Трояновой тропой
Средь полей помчался и курганов, —
Так бы ныне был воспет тобой
Игорь-князь, могучий внук Траянов:
«То не буря соколов несет
За поля широкие и долы,
То не стаи галочьи летят
К Дону на великие просторы!»
Или так воспеть тебе, Боян,
Внук Велесов, наш военный стан:
«За Сулою кони ржут,
Слава в Киеве звенит,
В Новеграде трубы громкие трубят,
Во Путивле стяги бранные стоят!»

Часть первая

1

Игорь-князь с могучею дружиной
Мила брата Всеволода ждет,
Молвил буй-тур Всеволод: «Единый
Ты мне брат, мой Игорь, и оплот!
Дети Святослава мы с тобою,
Так седлай же борзых коней, брат!
А мои давно готовы к бою,
Возле Курска под седлом стоят».

2

А куряне славные —
Витязи исправные:
Родились под трубами,
Росли под шеломами,
Выросли как воины,
С конца копья вскормлены,
Все пути им ведомы,
Все яруги знаемы,
Луки их натянуты,
Колчаны отворены,
Сабли их наточены,
Шеломы позолочены.

Сами скачут по полю волками
И, всегда готовые к борьбе,
Добывают острыми мечами
Князю — славы, почестей — себе!

3

Но, взглянув на солнце в этот день,
Подивился Игорь на светило:
Середь бела дня ночная тень
Ополченья русские покрыла.

И, не зная, что сулит судьбина,
Князь промолвил: «Братья и дружина!
Лучше быть убиту от мечей,
Чем от рук поганых полонену!
Сядем, братья, на лихих коней,
Да посмотрим синего мы Дону!»
Вспала князю эта мысль на ум —
Искусить неведомого края,
И сказал он, полон ратных дум,
Знаменем небес пренебрегая:
«Копие хочу я преломить
В половецком поле незнакомом,
С вами, братья, голову сложить
Либо Дону зачерпнуть шеломом!»

4

Игорь-князь во злат стремень вступает,
В чистое он поле выезжает.
Солнце тьмою путь ему закрыло,
Ночь грозою птиц перебудила,
Свист зверей несется, полон гнева,
Кличет Див над ним с вершины древа,
Кличет Див, как половец в дозоре,
За Сулу, на Сурож, на Поморье,
Корсуню и всей округе ханской,
И тебе, болван Тмутороканский!

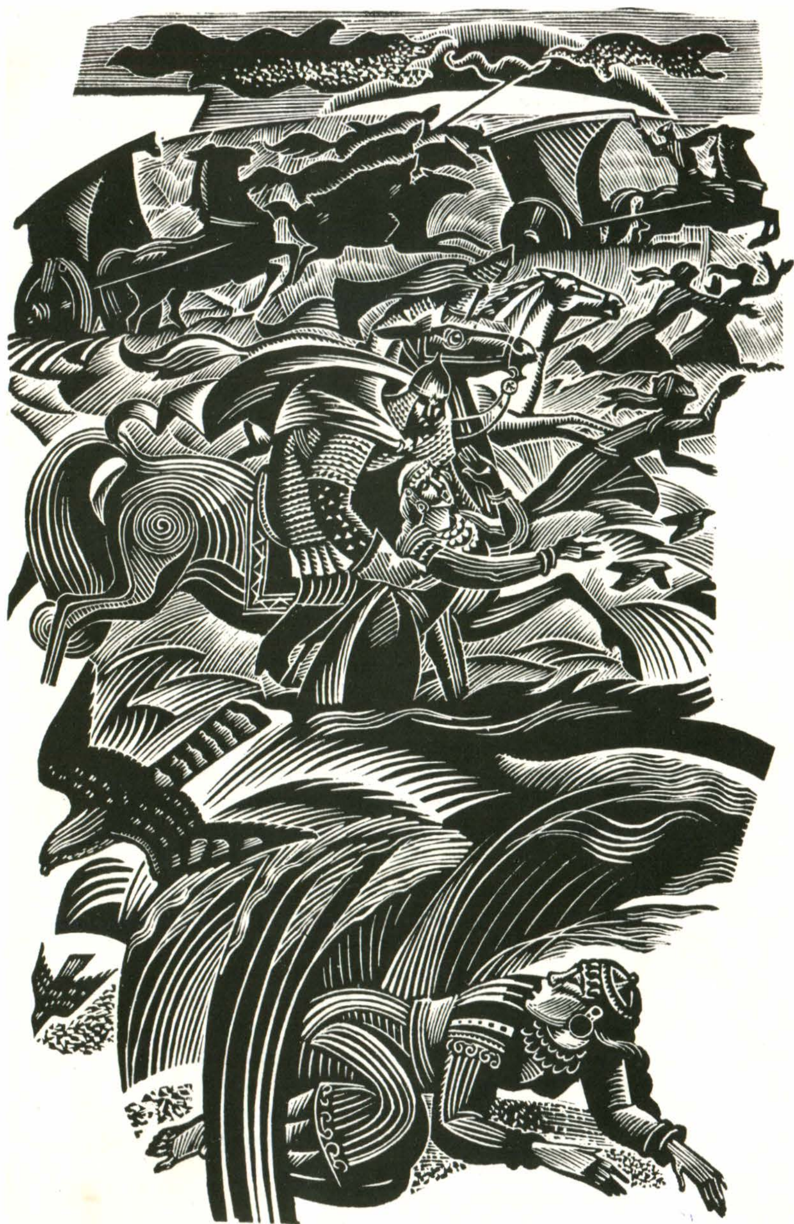
5

И бегут, заслышав о набеге,
Половцы сквозь степи и яруги,
И скрипят их старые телеги,
Голосят, как лебеди в испуге.
Игорь к Дону движется с полками,
А беда несется вслед за ним:
Птицы, поднимаясь над дубами,
Реют с криком жалобным своим,
По оврагам волки завывают,
Крик орлов доносится из мглы —
Знать, на кости русские скликают
Зверя кровожадные орлы;
На щиты червленые лисица
Дико брешет в сумраке ночном...

О Русская земля!
Ты уже за холмом.

6

Долго длится ночь. Но засветился
Утренними зорями восток,
Уж туман над полем заклубился,
Говор галок в роще пробудился,
Соловьиный щекот приумолк.
Русичи, сомкнув щиты рядами,
К славной изготовились борьбе,
Добывая острыми мечами
Князю — славы, почестей — себе.



7

На рассвете, в пятницу, в туманах,
Стрелами по полю полетев,
Смяло войско половцев поганых
И умчало половецких дев.
Захватили золота без счета,
Груду аксамитов и шелков,
Вымостили топкие болота
Япончами красными врагов.
А червленый стяг с хоругвью белой,
Челку и копье из серебра
Взял в награду Святославич смелый,
Не желая прочего добра.

8

Выбрав в поле место для ночлега
И нуждаясь в отдыхе давно,
Спит гнездо бесстрашное Олега —
Далеко подвинулось оно!
Залетело, храброе, далече,
И никто ему не господин:
Будь то сокол, будь то гордый кречет,
Будь то черный ворон — половчин.
А в степи, с ордой своею дикой
Серым волком рыская чуть свет,
Старый Гзак на Дон бежит великий,
И Кончак спешит ему вослед.

9

Ночь прошла, и кровяные зори
Возвещают бедствие с утра.
Туча надвигается от моря
На четыре княжеских шатра.
Чтоб четыре солнца не сверкали,
Освещая Игореву рать,
Быть сегодня грому на Каяле,
Лить дождю и стрелами хлестать!
Уж трепещут синие зарницы,
Вспыхивают молнии кругом.

Вот где копьям русским преломиться,
Вот где саблям острым притупиться,
Загремев о вражеский шелом!

О Русская земля!
Ты уже за холмом.

10

Вот Стрибожьи вылетели внуки —
Зашумели ветры у реки,
И взметнули вражеские луки
Тучу стрел на русские полки.
Стоном стонет мать-земля сырая,
Мутно реки быстрые текут,
Пыль несется, поле покрывая,
Стяги плещут; половцы идут!
С Дона, с моря, с криками и с воем
Валит враг, но, полон ратных сил,
Русский стан сомкнулся перед боем —
Щит к щиту — и степь загородил.

11

Славный яр-тур Всеволод! С полками
В обороне крепко ты стоишь,
Прыщешь стрелы, острыми клинками
О шеломы ратные гремишь.
Где ты ни проскачешь, тур, шеломом
Золотым посвечивая, там
Шишаки земель аварских с громом
Падают, разбиты пополам.
И слетают головы с поганых,
Саблями порублены в бою,
И тебе ли, тур, скорбеть о ранах,
Если жизнь не ценишь ты свою!
Если ты на ратном этом поле
Позабыл о славе прежних дней,
О златом черниговском престоле,
О желанной Глебовне своей!

12

Были, братья, времена Траяна,
Миновали Ярослава годы,
Позабылись правнуками рано
Грозные Олеговы походы.
Тот Олег мечом ковал крамолу,
Пробираясь к отчему престолу,
Сеял стрелы и, готовясь к брани,
В злат стремень вступал в Тмуторокани.
В злат стремень вступал, готовясь к сече,
Звон тот слушал Всеволод далече,
А Владимир за своей стеною
Уши затыкал перед бедою.

13

А Борису, сыну Вячеслава,
Зелен саван у Канина брега
Присудила воинская слава
За обиду храброго Олега.
На такой же горестной Каяле,
Протянув носилки между вьюков,
Святополк отца увез в печали,
На конях угорских убаюкав.
Прозван Гориславичем в народе,
Князь Олег пришел на Русь, как ворог,
Внук Даждьбога бедствовал в походе,
Век людской в крамолах стал недолог.
И не стало жизни нам богатой,
Редко в поле выходил оратай,
Вóроны над пашнями кружились,
На убитых с криками садились,
Да слетались галки на беседу,
Собираясь стаями к обеду...
Много битв в те годы отзвучало,
Но такой, как эта, не бывало.

14

Уж с утра до вечера и снова —
С вечера до самого утра
Бьется войско князя удалого

И растет кровавых тел гора.
День и ночь над полем незнакомым
Стрелы половецкие свистят,
Сабли ударяют по шеломам,
Копья харалужные трещат.
Мертвыми усеяно костями,
Далеко от крови почернев,
Задымилось поле под ногами,
И взошел великими скорбями
На Руси кровавый тот посев.

15

Что там шумит,
Что там звенит
Далеко во мгле, перед зарею?
Игорь, весь израненный, спешит
Беглецов вернуть обратно к бою.
Не удержишь вражескую рать!
Жалко брата Игорю терять.
Бились день, рубились день, другой,
В третий день к полудню стяги пали,
И расстался с братом брат родной
На реке кровавой на Каяле.
Недостало русичам вина,

Славный пир дружины завершили —
Напоили сватов допьяна,
Да и сами головы сложили.
Степь поникла, жалости полна,
И деревья ветви приклонили.

16

И настала тяжкая година,
Поглотила русичей чужбина,
Поднялась Обида от курганов
И вступила девой в край Траянов.
Крыльями лебяжьими всплеснула,
Дон и море оглашая криком,
Времена довольства пошатнула,
Возвестив о бедствии великом.
А князья дружин не собирают,
Не идут войной на супостата,
Малое великим называют
И куют крамолу брат на брата.
А враги на Русь несутся тучей,
И повсюду бедствие и горе.
Далеко ты, сокол наш могучий,
Птиц бия, ушел за сине море!

17

Не воскреснуть Игоря дружине,
Не подняться после грозной сечи!
И явилась Карна и в кручине
Смертный вопль исторгла, и далече
Заметалась Желя по дорогам,
Потрясая искрометным рогом.
И от края, братья, и до края
Пали жены русские, рыдая:
«Уж не видеть милых лад нам боле!
Кто разбудит их на ратном поле?
Их теперь нам мыслию не смыслить,
Их теперь нам думою не сдумать,
И не жить нам в тереме богатом,
Не звенеть нам серебром и златом!»

18

Стонет, братья, Киев над горою,
Тяжела Чернигову напасть,
И печаль обильною рекою
По селеньям русским разлилась,
И нависли половцы над нами,
Дань берут по белке со двора,
И растет крамола меж князьями,
И не видно от князей добра.

19

Игорь-князь и Всеволод отважный —
Святослава храбрые сыны —
Вот ведь кто с дружиною бесстрашной
Разбудил поганых для войны!
А давно ли, мощною рукою
За обиды наши покарав,
Это зло великою грозою
Усыпил отец их Святослав!
Был он грозен в Киеве с врагами
И поганых ратей не щадил —
Устрашил их сильными полками,
Порубил булатными мечами
И на Степь ногою наступил.
Потоптал холмы он и яруги,
Возмутил теченье быстрых рек,
Иссушил болотные округи,
Степь до Лукоморья пересек.
А того поганого Кобяка
Из железных вражеских рядов
Вихрем вырвал — и упал, собака,
В Киеве, у княжьих теремов.

20

Венецейцы, греки и морава,
Что ни день, о русичах поют,
Величают князя Святослава,
Игоря отважного клянут.
И смеется гость земли немецкой,
Что, когда не стало больше сил,
Игорь-князь в Каяле половецкой
Русские богатства утопил.

И бежит молва про удалого,
Будто он, на Русь накликав зло,
Из седла, несчастный, золотого
Пересел в кощеево седло...
Приумолкли города, и снова
На Руси веселье полегло.

Часть вторая

1

В Киеве далеком, на горах,
Смутный сон приснился Святославу,
И объял его великий страх,
И собрал бояр он по уставу.
«С вечера до нынешнего дня, —
Молвил князь, поникнув головою, —
На кровати тисовой меня
Покрывали черной пеленою,
Черпали мне синее вино,
Горькое отравленное зелье,
Сыпали жемчуг на полотно
Из колчанов вражьего изделья.
Златоверхий терем мой стоял
Без конька, и, предвещая горе,
Вражий ворон в Плесенске кричал
И летел, шумя, на сине море».

2

И бояре князю отвечали:
«Смутен ум твой, княже, от печали.
Не твои ль два сокола, два чада
Поднялись над полем незнакомым —
Поискать Тмуторокани-града
Либо Дону зачерпнуть шеломом?
Да напрасны были их усилья.
Посмеявшись на твои седины,
Подрубили половцы им крылья,
А самих опутали в путины».

3

В третий день окончилась борьба
На реке кровавой, на Каяле,
И погасли в небе два столба,
Два светила в сумраке пропали.
Вместе с ними, за море упав,
Два прекрасных месяца затмились —
Молодой Олег и Святослав
В темноту ночную погрузились.
И закрылось небо, и погас
Белый свет над Русскою землею,
И, как барсы лютые, на нас
Кинулись поганые с войною.
И воздвиглась на Хвалу Хула,
И на волю вырвалось Насилье,
Прянул Див на землю, и была
Ночь кругом и горя изобилье.

4

Девы готские у края
Моря синего живут.
Русским золотом играя,
Время Бусово поют.
Месть лелеют Шаруканью,
Нет конца их ликованью...
Нас же, братия-дружина,
Только беды стерегут.

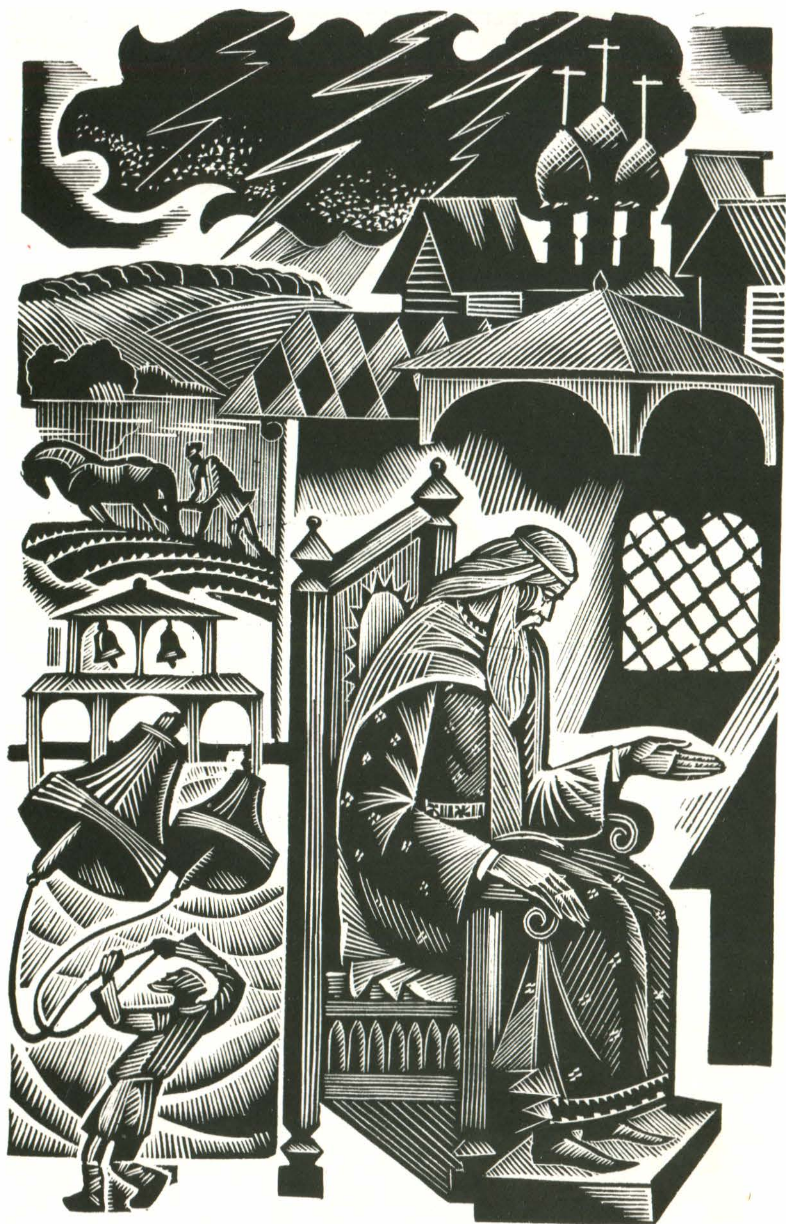
5

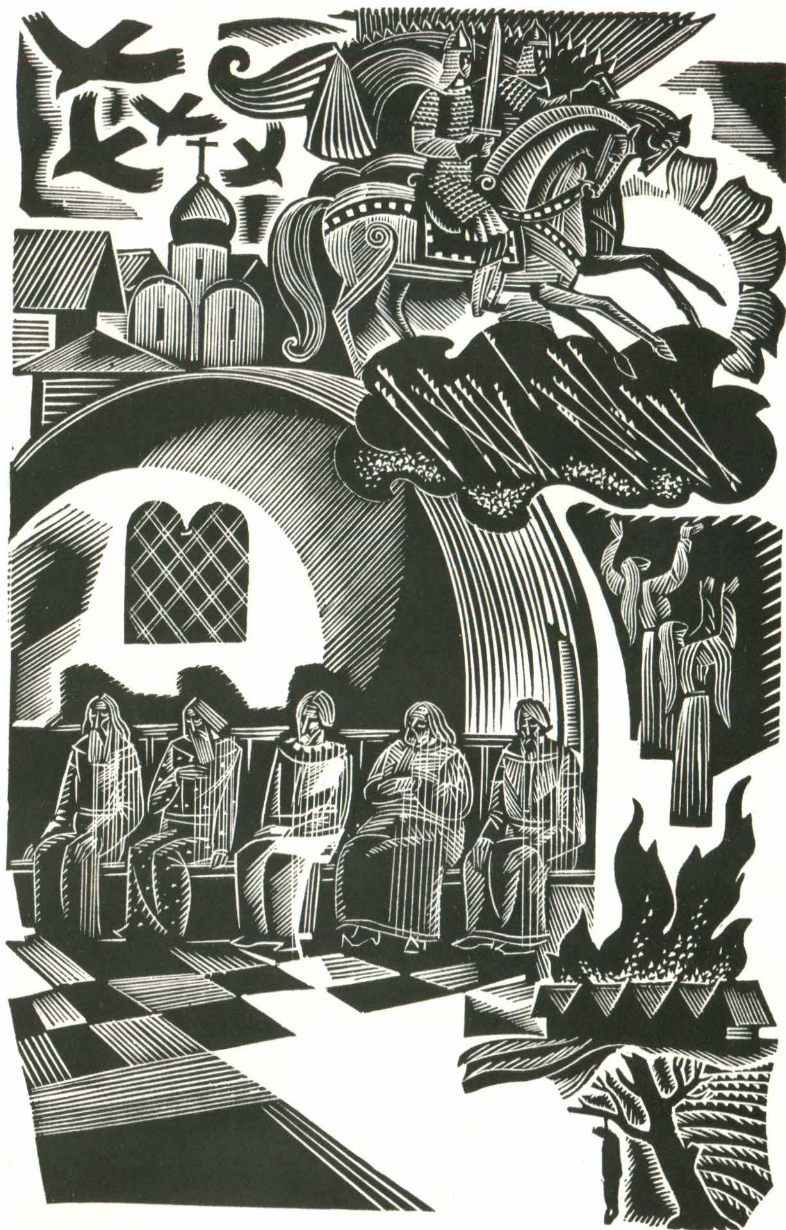
И тогда великий Святослав
Изронил свою златое слово,
Со слезами смешано, сказав:
«О сыны, не ждал я зла такого!
Загубили юность вы свою,
На врага не вовремя напали,
Не с великой честию в бою
Вражью кровь на землю проливали.
Ваше сердце в кованой броне
Закалилось в буйстве самочинном.

Что ж вы, дети, натворили мне
И моим серебряным сединам?
Где мой брат, мой грозный Ярослав,
Где его черниговские слуги,
Где татраны, жители дубрав,
Топчаки, ольберы и ревуги?
А ведь было время — без щитов,
Выхватив ножи из голенища,
Шли они на полчища врагов,
Чтоб отмстить за наши пепелища.
Вот где славы пра́дедовской гром!
Вы ж решили бить наудалую:
«Нашу славу силой мы возьмем,
А за ней поделим и былую».
Диво ль старцу — мне — помолодеть?
Старый сокол, хоть и слаб он с виду,
Высоко заставит птиц лететь,
Никому не даст гнезда в обиду.
Да князья помочь мне не хотят,
Мало толку в силе молодецкой.
Время, что ли, двинулось назад?
Ведь под самым Римовом кричат
Русичи под саблей половецкой!
И Владимир в ранах, чуть живой, —
Горе князю в сече боевой!»

6

Князь великий Всеволод! Доколе
Муки нам великие терпеть?
Не тебе ль на суздальском престоле
О престоле отчем порадеть?
Ты и Волгу веслами расплещешь,
Ты шеломом вычерпаешь Дон,
Из живых ты луков стрелы мечешь,
Сыновьями Глеба окружен.
Если б ты привел на помощь рати,
Чтоб врага не выпустить из рук, —
Продавали б девок по ногате,
А рабов — по резани на круг.





7

Вы, князья буй Рюрик и Давид!
Смолкли ваши воинские громы.
А не ваши ль плавали в крови
Золотом покрытые шеломы?
И не ваши ль храбрые полки
Рыкают, как туры, умирая
От каленой сабли, от руки
Ратника неведомого края?
Встаньте, государи, в злат стремень
За обиду в этот черный день,
　　За Русскую землю,
　　За Игоревы раны —
Удалого сына Святославича!

8

Ярослав, князь галицкий! Твой град
Высоко стоит под облаками.
Оседлал вершины ты Карпат
И подпер железными полками.
На своем престоле золотом
Восемь дел ты, князь, решаешь разом,
И народ зовет тебя кругом
Осмомыслом — за великий разум.
Дверь Дуная заперев на ключ,
Королю дорогу заступая,
Бремена ты мечешь выше туч,
Суд вершишь до самого Дуная.
Власть твоя по землям потекла,
В киевские входишь ты пределы.
И в салтанов с отчего стола
Ты пускаешь княжеские стрелы.
Так стреляй в Кончака, государь,
С дальних гор на ворога ударь —
　　За Русскую землю,
　　За Игоревы раны —
Удалого сына Святославича!

9

Вы, князья Мстислав и буй Роман!
Мчит ваш ум на подвиг мысль живая.

И несетесь вы на вражий стан,
Соколом ширяясь сквозь туман,
Птицу в буйстве одолеть желая.
Вся в железе княжеская грудь,
Золотом шелом латинский блещет,
И повсюду, где лежит ваш путь,
Вся земля от тяжести трепещет.
Хинову вы били и Литву;
Деремела, половцы, ятвяги,
Бросив копья, пали на траву
И склонили буйную главу
Под мечи булатные и стяги.

10

Но уж прежней славы больше с нами нет.
Уж не светит Игорю солнца ясный свет.
Не ко благу дерево листья уронило:
Поганое войско грады поделило.
По Суле, по Роси счету нет врагу.
Не воскреснуть Игореву храброму полку!
Дон зовет нас, княже, кличет нас с тобой!
Ольговичи храбрые одни вступили в бой.

11

Князь Ингварь, князь Всеволод! И вас
Мы зовем для дальнего похода,
Трое ведь Мстиславичей у нас,
Шестокрыльцев княжеского рода!
Не в бою ли вы себе честном
Города и волости достали?
Где же ваш отеческий шелом,
Верный щит, копье из ляшской стали?
Чтоб ворота Полю запереть,
Вашим стрелам время зазвенеть
За Русскую землю,
За Игоревы раны —
Удалого сына Святославича!

12

Уж не течет серебряной струею
К Переяславлю-городу Сула.

Уже Двина за полоцкой стеною
Под клик поганых в топи утекла.
Но Изяслав, Васильков сын, мечами
В литовские шеломы позвонил,
Один с своими храбрыми полками
Всеславу-деду славы прирубил.
А сам, прирублен саблею каленой,
В чужом краю, среди кровавых трав,
Кипучей кровью в битве обагренный,
Упал на щит червленый, простонав:
«Твою дружину, княже, приодели
Лишь птичьи крылья у степных дорог,
И полизали кровь на юном теле
Лесные звери, выйдя из берлог».
И в смертный час на помощь храбру мужу
Никто из братьев в бой не поспешил.
Один в степи свою жемчужну душу
Из храброго он тела изронил.
Через златое, братья, ожерелье
Ушла она, покинув свой приют.
Печальны песни, замерло веселье,
Лишь трубы городенские поют...

13

Ярослав и правнуки Всеслава!
Преклоните стяги! Бросьте меч!
Вы из древней выскочили славы,
Коль решили честью пренебречь.
Это вы раздорами и смутой
К нам на Русь поганых завели,
И с тех пор житья нам нет от лютой
Половецкой про́клятой земли!

14

Шел седьмой по счету век Траянов.
Князь могучий полоцкий Всеслав
Кинул жребий, в будущее глянув,
О своей любимой загадав.
Замышляя новую крамолу,

Он опору в Киеве нашел
И примчался к древнему престолу,
И копьем ударил о престол.
Но не дрогнул старый княжий терем,
И Всеслав, повиснув в синей мгле,
Выскочил из Белгорода зверем —
Не жилец на Киевской земле.
И, звеня секирами на славу,
Двери новгородские открыл,
И расшиб он славу Ярославу,
И с Дудуток через лес-дубраву
До Немиги волком проскочил.
А на речке, братья, на Немиге
Княжью честь в обиду не дают —
День и ночь снопы кладут на риге,
Не снопы, а головы кладут.
Не цепом — мечом своим булатным
В том краю молотит земледел,
И кладет он жизнь на поле ратном,
Веет душу из кровавых тел.
Берега Немиги той проклятой
Почернели от кровавых трав:
Не добром засеял их оратай,
Но костями русскими — Всеслав.

15

Тот Всеслав людей судом судил,
Города Всеслав князьям делил,
Сам всю ночь, как зверь, блуждал в тумане,
Вечер — в Киеве, до зорь — в Тмуторокани,
Словно волк, напав на верный путь,
Мог он Хорсу бег пересягнуть.

16

У Софии, в Полоцке, бывало,
Позвонят к заутрене, а он
В Киеве, едва заря настала,
Колокольный слышит перезвон.
И хотя в его могучем теле
Обитала вещая душа,

Все ж страданья князя одолели,
И погиб он, местию дыша.
Так свершил он путь свой небывалый.
И сказал Боян ему тогда:
«Князь Всеслав! Ни мудрый, ни удалый
Не минуют божьего суда».

17

О, стонать тебе, земля родная,
Прежние годины вспоминая
И князей давно минувших лет!
Старого Владимира уж нет.
Был он храбр, и никакая сила
К Киеву б его не пригвоздила.
Кто же стяги древние хранит?
Эти — Рюрик носит, те — Давид,
Но не вместе их знамена плещут,
Врозь поют их копия и блещут.

Часть третья

1

Над широким берегом Дуная,
Над великой Галицкой землей
Плачет, из Путивля долетая,
Голос Ярославны молодой:
«Обернусь я, бедная, кукушкой,
По Дунаю-речке полечу
И рукав с бобровою опушкой,
Наклонясь, в Каяле омочу.
Улетят, развеются туманы,
Приоткроет очи Игорь-князь,
И утру кровавые я раны,
Над могучим телом наклонясь».
Далеко в Путивле, на забрале,
Лишь заря займется поутру,
Ярославна, полная печали,
Как кукушка, кличет на юру:
«Что ты, Ветер, злобно повеваешь,
Что клубишь туманы у реки,

Стрелы половецкие вздымаешь,
Мечешь их на русские полки?
Чем тебе не любо на просторе
Высоко под облаком летать,
Корабли лелеять в синем море,
За кормою волны колыхать?
Ты же, стрелы вражеские сея,
Только смертью веешь с высоты.
Ах, зачем, зачем мое веселье
В ковылях навек развеял ты?»

На заре в Путивле причитая,
Как кукушка раннею весной,
Ярославна кличет молодая,
На стене рыдая городской:
«Днепр мой славный! Каменные горы
В землях половецких ты пробил,
Святослава в дальние просторы
До полков Кобяковых носил.
Возлелей же князя, господине,
Сохрани на дальней стороне,
Чтоб забыла слезы я отныне,
Чтобы жив вернулся он ко мне!»
Далеко в Путивле, на забрале,
Лишь заря займется поутру,

Ярославна, полная печали,
Как кукушка, кличет на юру:
«Солнце трижды светлое! С тобою
Каждому приветно и тепло.
Что ж ты войско князя удалое
Жаркими лучами обожгло?
И зачем в пустыне ты безводной
Под ударом грозных половчан
Жаждою стянуло лук походный,
Горем переполнило колчан?»

2

И взыграло море. Сквозь туман
Вихрь помчался к северу родному —
Сам господь из половецких стран
Князю путь указывает к дому.
Уж погасли зори. Игорь спит.
Дремлет Игорь, но не засыпает.
Игорь к Дону мыслями летит,
До Донца дорогу измеряет.
Вот уж полночь. Конь давно готов.
Кто свистит в тумане за рекою?
То Овлур. Его условный зов
Слышит князь, укрытый темнотою:
«Выходи, князь Игорь!» И едва
Смолк Овлур, как от ночного гула
Вздрогнула земля,
Зашумела трава,
Буйным ветром вежи всколыхнуло.

В горностая-белку обратясь,
К тростникам помчался Игорь-князь,

И поплыл, как гоголь по волне,
Полетел, как ветер на коне.

Конь упал, и князь с коня долой,
Серым волком скачет он домой.

Словно сокол, вьется в облака,
Увидав Донец издалека.

Без дорог летит он, без путей,
Бьет к обеду уток-лебедей.

Там, где Игорь соколом летит,
Там Овлур, как серый волк, бежит,

Все в росе от полуночных трав,
Борзых коней в беге надорвав.

3

Уж не каркнет ворон в поле,
Уж не крикнет галка там,
Не трещат сороки боле,
Только скачут по кустам.
Дятлы, Игоря встречая,
Стуком кажут путь к реке,
И, рассвет веселый возвещая,
Соловьи ликуют вдалеке.

4

И, на волнах витязя лелея,
Рек Донец: «Велик ты, Игорь-князь!
Русским землям ты принес веселье.
Из неволи к дому возвратясь».
«О река! — ответил князь. — Немало
И тебе величья! В час ночной
Ты на волнах Игоря качала,
Берег свой серебряный устлала
Для него зеленою травой.
И когда дремал он под листвою,
Где царила сумрачная мгла,
Страж ему был гоголь над водою,
Чайка князя в небе стерегла».

5

А не всем рекам такая слава,
Вот Стугна, худой имея нрав,
Разлилась близ устья величаво,
Все ручьи соседние пожрав,
И закрыла Днепр от Ростислава,
И погиб в пучине Ростислав.

Плачет мать над темною рекою,
Кличет сына-юношу во мгле,
И цветы поникли, и с тоскою
Приклонилось дерево к земле.

6

Не сороки во́ поле стрекочут,
Не вороны кличут у Донца —
Кони половецкие топочут,

Гзак с Кончаком ищут беглеца.
И сказал Кончаку старый Гзак:
«Если сокол улетает в терем,
Соколенок попадет впросак —
Золотой стрелой его подстрелим».
И тогда сказал ему Кончак:
«Если сокол к терему стремится,
Соколенок попадет впросак —
Мы его опутаем девицей».
«Коль его опутаем девицей, —
Отвечал Кончаку старый Гзак, —
Он с девицей в терем свой умчится,
И начнет нас бить любая птица
В половецком поле, хан Кончак!»

7

И изрек Боян, чем кончить речь
Песнотворцу князя Святослава:
«Тяжко, братья, голове без плеч,
Горько телу, коль оно безглаво».
Мрак стоит над Русскою землей:
Горько ей без Игоря одной.

8

Но восходит солнце в небеси —
Игорь-князь явился на Руси.

Вьются песни с дальнего Дуная,
Через море в Киев долетая,

По Боричеву восходит удалой
К Пирогощей богородице святой.

И страны рады,
И веселы грады.

Пели песню старым мы князьям,
Молодых настало время славить нам:

Слава князю Игорю,
Буй-тур Всеволоду,
Владимиру Игоревичу!

Слава всем, кто, не жалея сил,
За христиан полки поганых бил!

Здрав будь, князь, и вся дружина здрава!
Слава князьям, и дружине слава!

1946

В. И. Стеллецкий

Слово о полку Игореве, Игоря сына Святославова, внука Ольгова

Не подобает ли нам, братья,
повести на старинный лад печальные сказанья
о походе Игоревом, Игоря Святославича?
Петься же той песни по былям нашего времени,
а не по замышлению Боянову.
Боян вещий, братья, коли песнь кому хотел сложить,
растекался мыслию по древу,
носился серым волком по земле,
сизым орлом — в подоблачьи:
поминал ведь он, вещий, давних времен ратоборство.
Тогда пускал он десять со́колов на стадо ле́бедей,
которую сокол нагонял,
та первая песнь слагала
старому Ярославу,
храброму Мстиславу,
одолевшему Реде́дю пред полками касожскими,
молодому ли Роману Святославичу.
Боян же, братья, не десять со́колов на стадо ле́бедей пускал,
но свои вещие персты на живые струны возлагал,
они же сами князьям славу рокотали.

Поведем же, братья, сказание наше
от старого Владимира до нынешнего Игоря;
напряг он ум волею своею,

отточил он сердце свое мужеством;
исполнившись ратного духа,
повел свои храбрые полки на землю Половецкую
за землю Русскую.

Тогда Игорь взглянул на светлое солнце
и видит: от него тьмою
все воины его прикрыты.
И сказал Игорь дружине своей:
«Братья и дружина!

Лучше убитым быть,
чем полоненным быть —
сядем же, братья, на своих бо́рзых коней,
поглядим на дали синего Дона!»
Воспылал ум князя желанием,
и знамение жажда ему заслонила
изведать Дона великого.
«Хочу, — молвил, — копье преломить в поле
Половецком вместе с вами, русичи;
хочу либо голову свою сложить,
либо испить шеломом Дона!»

О Боян, соловей старого времени!
Кабы ты эту рать своей песнью воспел,

скача, соловей, по мысленному древу,
взлетая умом под облака,
свивая славу по обе стороны сего времени!
Рыща тропою Трояновой чрез поля на́ горы,
так бы песнь про Игоря петь Веле́сову внуку:
«Не буря соколов занесла чрез поля широкие,
и не галки стаями летят к Дону великому...»
Или так бы запеть, вещий Боян, Велесов внук:
«Кони ржут за Суло́ю —
звенит слава в Киеве».

Трубы трубят в Новгороде —
стоят стяги в Путивле;
Игорь ждет милого брата Всеволода.
И сказал ему Буй-Тур Всеволод:
«Один брат, один свет светлый — ты, Игорь,
оба мы — Святославичи!
Седлай, брат, коней своих борзых,
а мои готовы, стоят под Курском оседланы.
А мои куряне — бывалые воины:
под трубы боевые повиты,
под шеломами взлелеяны,
концом копья вскормлены;
пути им ведомы,
овраги знаемы,
их луки напря́жены,
колчаны отво́рены,
сабли изо́стрены;
сами скачут, как серые волки в поле,
ища себе чести, а князю славы».

Тогда вступил Игорь-князь в злат стре́мень
и поехал по чистому полю.
Солнце ему тьмою путь заступало,
ночь стонала ему грозою, птиц пробудила,
рык звериный в стада́ их сбил.
Див кличет с вершины древа —
велит послушать земле незнаемой,
Волге, и Поморью, и Посулию,
и Су́рожу, и Ко́рсуню,
и тебе, Тмутороканский истукан!
А половцы неторными дорогами побежали к Дону
великому:

кричат телеги в полуночи, словно лебеди распуганные.
Игорь воинов к Дону ведет.

А уж беду его стерегут птицы по дубравам;
волки грозу накликают по оврагам;
орлы клекотом на кости зверя зовут;
лисицы брешут на красные щиты.
О Русская земля — о воины! За холм зашли вы порубежный!

Долго мрак ночи длится.
Заря свет зажгла,
мгла поля покрыла.
Щекот соловьиный уснул,
говор галочий пробудился.
Русичи широкие поля своими алыми щитами перегородили,
ища себе чести, а князю славы.

Рано поутру в пятницу они потоптали поганые полки половецкие
и рассыпались стрелами по́ полю,
помчали красных девок половецких,
а с ними и злато, и шелк, и дорогие аксамиты.
Плащами, покрывалами и о́пашнями, и разным узорочьем половецким
стали мосты мостить по болотам и топким местам.
Чермный стяг, белая хоругвь,
чермная челка, серебряная пика —
храброму Святославичу!

X В поле дремлет Ольгово хороброе гнездо, далече залетело!
Не было оно на обиду ро́ждено ни соколу, ни кречету,
ни тебе, черный ворон, поганый половчин!
Гза бежит серым волком,
Кончак за ним следом — к Дону великому!

На другой день в ранний час
кровавые зори свет возвещают;
черные тучи с моря идут —

хотят прикрыть четыре солнца,
и в них трепещут синие молнии.
Быть грому великому!
Идти дождю стрелами с Дона великого!
Тут копьям преломиться,
тут саблям поизбиться
о шеломы половецкие
на реке на Каяле, у Дона великого.
О Русская земля — о воины! За холм зашли вы порубежный!

*

Вот ветры, Стрибожьи внуки, веют с моря стрелами на храбрые полки Игоревы.
Земля гудит, реки мутно текут,
прах поля застилает, плеща, стяги говорят,
половцы идут от Дона и от моря,
со всех сторон русские полки обступили.
Дети бесовы кликом поля преградили,
а храбрые русичи — алыми щитами!

Яр-Тур князь Всеволод!
Стоишь на обороне,
прыщешь на воинов стрелами,
гремишь о шеломы мечами булатными;
куда, Тур, ни поскачешь, своим златым шеломом посвечивая,
там и лежат поганые головы половецкие.
Порублены шеломы аварские саблями калеными
твоими, Яр-Тур Всеволод!
Что тому раны, братья,
кто забыл почет и богатство и града Чернигова отчий злат престол,
и своей милой жены, ясной Глебовны, свычаи и обычаи.

Были века Трояновы,
миновались лета Ярославовы;
были походы Олеговы, Олега Святославича.
Тот Олег мечом крамолу ковал
и по земле стрелы сеял:
вступает в злат стре́мень во граде Тмуторокани,
а уж звон тот слышал давний великий Всеволод, сын Ярославов,

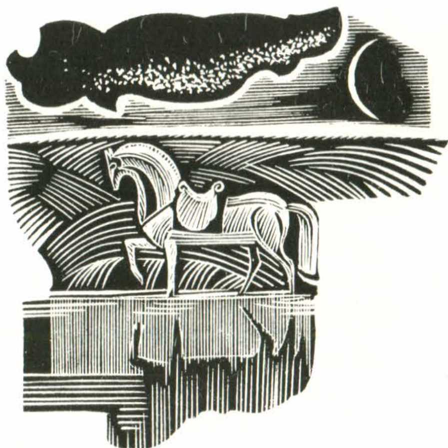
а Владимир, что ни утро, замыкал себе уши в Чернигове;
Бориса же Вячеславича,
младого и храброго князя,
похвальба на смертный суд привела
и на Канине зеленое ложе постлала за обиду Олегову.
С такой же, как ныне, Каялы повез Святополк отца своего
между у́горскими иноходцами ко святой Софии к Киеву.

Тогда, при Олеге Гориславиче,
засевалась и порастала усобицами,
погибала округа Даждьбожьего внука,
в княжьих крамолах век людской сокращался;
тогда по Русской земле редко пахари покрикивали,
но часто во́роны каркали,
мертвечину деля меж собою,
а галки речь свою заводили,
собираясь лететь на поживу.
То было в те битвы и в те походы,
а о такой битве не слыхано.

С рассвета до вечера,
с вечера до света

летят стрелы каленые,
гремят сабли о шеломы,
трещат копия булатные
в поле незнаемом, среди земли Половецкой.
Черна́ земля под копытами костьми была засеяна,
а кровию полита;
горем взошли они по Русской земле!

Что там шумит, что там звенит издалека
рано перед зорями?



Игорь к битве полки возвращает:
жаль ему милого брата Всеволода!
Билися день, бились другой,
на третий день к по́лудню пали стяги Игоревы.
Тут два брата разлучились на береге быстрой Каялы,
тут кровавого вина не достало,
тут пир докончили храбрые русичи:
сватов напоили,
а сами полегли
за землю Русскую.
Никнет трава с жалости,
а древо с печалью к земле приклонилось.

*

Уже невеселая, братья, година настала,
уже Пустыня Русскую Силу прикрыла!
Восстала враждою обида в полках Дажьбожьего внука,
вступила девою на землю Троянову,
заплескала лебедиными крыльями на синем море у Дона,
плещучи, прогнала привольные времена!
Война князей с погаными к концу пришла,
ибо сказал брат брату: «То мое, и это — мое же!»
И начали князья про малое «вот великое» молвить
и сами на себя крамолу ковать,
а поганые со всех сторон приходили с войною и бедой на землю Русскую.

О! Далеко́ залетел сокол — к морю, птиц избивая.
А Игорева храброго полка не воскресить!
По нем кликнула Карна,
и Жля побежала по Русской земле,
жар неся погребальный в пламенном роге.
Жены русские восплакались, причитая:
«Уже нам милых своих ни мыслию помыслить,
ни думою вздумать,
ни очами не увидеть,
а златом и серебром подавно не потешиться!»

И застонал, братья, Киев от горя,
а Чернигов от бед и напастей,
тоска разнеслась по Русской земле,
печаль обильная заструилась среди земли Русской.
А князья сами на себя крамолу ковали,
а поганые, с войной и победами рыская по Русской земле,
дань собирали по векше с двора.

XX Те два храбрые Святославича,
Игорь и Всеволод,
пробудили кривду самовольством;
ее смирил грозою отец их, великий грозный Святослав Киевский,
устрашил своими могучими полками и булатными мечами,

вторгся в землю Половецкую,
протоптал холмы и овраги,
взмутил реки и озера,
иссушил потоки и болота,
а поганого Кобяка́ из Лукоморья,
из железных великих полков половецких, словно вихрь, выхватил,
и пал Кобяк в граде Киеве,
в гриднице Святославовой.
Тут немцы и венетичи,
тут греки и морава
поют славу Святославову,
корят князя Игоря,
что добро потопил на дне Каялы́, реки половецкой.
Злата русского порассыпали!
Тут Игорь-князь пересел из златого седла да в седло невольничье!
Приуныли по градам их могучие кремли́, а веселие поникло.

* * *

А Святослав горестный сон видел в Киеве на горах.
«В ночь сию с вечера одевали меня, — молвил, — черным покрывалом на кровати моей тисовой,
черпали мне синее вино, с горечью смешанное;
сыпали мне из пустых колчанов поганых толмачей скатный жемчуг на грудь, обряжая меня.
Уже доски без матицы в моем тереме златоверхом!
Всю ночь с вечера вещие во́роны каркали у Плеснеска на пойме,
прилетели они из мрака Ущелья Киса́нского
и понеслися к синему морю».

И сказали бояре князю:
«Горе, князь, ум одолело:
слетели два сокола с отчего престола златого
поискать града Тмуторокани
либо испить шеломом Дона.
Уже соколам крылья подрезали поганые саблями,
а самих спутали путами железными.
Ибо темно стало в третий день: два солнца затмились,
оба столпа багряные погасли-помрачились,

а с ними два молодые месяца, Олег и Святослав, тьмою заволоклись
и в море погрузились.
Дерзость великую придали они пришлецам-хинове́.
На реке на Каяле Тьма Свет покрыла;
на Русскую землю кинулись половцы, словно выводок барсов.
Уже пало Бесчестье на Славу,
уже ударило Насилье на Волю,
уже низринулся Див на землю!
Запели готские красавицы-девы на береге синего моря,
звеня русским золотом;
поют время Бусово,
лелеют месть за беду Шаруканову.
А уже мы, дружина, лишились веселия!»

Тогда великий Святослав изронил златое слово,
со слезами смешанное, молвив:
«О сыны мои, Игорь и Всеволод!
До времени начали вы Половецкую землю мечами в слезы вгонять,
а себе славы добиваться,
но не с честью в бой вступили,
не с честью вы кровь поганую про́лили!
Ваши храбрые сердца крепким булатом окованы,
а в удали закалены́!
Что же содеяли вы моей серебряной седине?
А уже не вижу я власти и помощи могучего, и богатого, и многоратного брата моего Ярослава
с черниговскими вельможами,
с воеводами, со старейшинами, с боярами-шельбирами;
с воинами-топча́ками, с бога́тырями, с храбрецами,
а ведь они без щитов, с ножами засапожными,
кликом полки побеждают,
звеня прадедовой славой!
Но вы сказали: «Поратуем сами,
новою славой одни завладеем — и прежнюю сами поделим!»
А так ли уж дивно, братья, старому помолодеть?
Когда сокол перелиняет,

высо́ко птиц загоняет —
не даст гнезда своего в обиду!
Но вот зло: князья мне пособлять зареклись;
на худое годины обратились!»
Се в Римове кричат под саблями половецкими,
а Владимир тяжко ранен,
горе и тоска сыну Глебову!

*

Великий князь Всеволод!
Не мыслию лишь прилететь бы тебе издалека отчий злат престол поблюсти!
Ты ведь можешь Волгу веслами расплескать, а Дон шеломами вычерпать!
Кабы здесь ты был, пленниц продавали б
за бесценок, а пленников и подавно!
Ты ведь можешь по́суху живыми стрелять огнестрелами —
удалыми сыновьями Глебовыми.

Ты, Буй-Рюрик, и Давыд!
Не у вас ли ратники по шеломы золоченые в крови плавали?
Не у вас ли рыкают, словно туры, дружинники храбрые,
раненные саблями калеными на́ поле незнаемом?
Вступите, государи, в злат стремень за обиду сего времени,
за землю Русскую, за раны Игоревы,
удалого Святославича!

Галицкий князь Осмомысл Ярослав!
Высоко́ сидишь на своем златокованом престоле,
подпер ты горы У́горские полками железными,
заступил ты путь Королю, затворил Дуная ворота,
метая громады за облака,
суды рядя до Дуная!
Грозы твои по землям текут,
отворяешь ворота Киева,
стреляешь с отчего златого престола в султанов за землями —
стреляй, государь, в Кончака, в невольника поганого,
за землю Русскую, за раны Игоревы,
удалого Святославича!

А ты, Буй-Роман, и Мстислав!
Храбрая мысль стремит ум ваш на дело!
Высоко́ возносишься, плаваешь, Роман, на подвиг в доблести,
будто сокол, на ветрах ширяющий,
пожелавший в лихости птицу одолеть!
Носят воины ваши панцири железные
под шеломами латинскими!
От них дрогнула земля, и многие племена,
враг-хинова́: литва, ятвяги, деремела и половцы
копья свои побросали,
а головы свои преклонили
под те мечи вороненые.
Но уже, князь, для Игоря померк солнца свет,
а древо не к добру листву обронило:
по Роси и Суле́ грады поделили,
а Игорева храброго полка не воскресить!
Дон тебя, князь, кличет и зовет князей на победу:
Ольговичи, храбрые князья, уже потрудились в бою!

Ингварь и Всеволод и все три Мстиславича!
Не худа́ гнезда шестикрыльцы-соколы!
Не по жребьям побед себе волости добы́ли!
К чему же ваши златые шеломы, и копья ляшские, и щиты?
Загородите врагам ворота своими острыми стрелами
за землю Русскую, за раны Игоревы,
удалого Святославича!

*

Уже Сула не течет серебряными струями для града Переяславля,
и Двина темной мутью течет у тех грозных полочан под клики поганых.
Один лишь Изяслав, сын Васи́льков,
позвенел своими острыми мечами о шеломы литовские,
поверг славу деда своего Всеслава,
а сам под красными щитами на кровавой траве
повержен литовскими мечами,

и, с суженою обручась, молвил:
«Дружину твою, князь, птицы крыльями приодели, а звери кровь полизали!»
Не было тут ни брата, Брячислава, ни другого — Всеволода,
один изронил он жемчужную душу из храброго тела чрез златое ожерелие!
Приуныли голоса, поникло веселие,
трубы трубят городенские.

XXX Ярослав, также и вы, все внуки Всеславовы!
Долу склоните стяги свои,
вложите в ножны мечи свои пощербленные —
вы отбились от дедовой славы!
Вы крамолами своими стали наводить поганых
на землю Русскую,
на волость Всеславову:
из-за усобицы-смуты пришло к нам насилие
от земли Половецкой!

На седьмом веке Трояновом кинул Всеслав жребий о де́вице, ему лю́бой.
Он, лукавством оперши́сь о коней, скакнул к граду Киеву
и коснулся пикой золотого престола Киевского;
прянул от полков лютым зверем в полночь из Белгорода
и взвился в синем облаке,
а наутро вонзил секиры: отворил ворота Новгорода —
расшиб славу Ярославову.
Скакнул волком до Немиги из Дудуток,
на Немиге снопами головы стелют, молотят цепами булатными,
кладут жизнь на току, веют душу от тела.
Немиги кровавые берега не добром были засеяны —
засеяны костьми русских сынов!

Всеслав-князь горожанам суд судил,
князьям города рядил,
а сам в ночи волком рыскал,
из Киева волком дорыскивал, до петухов, в Тмуторокань;
великого Хорса в пути обгонял-перерыскивал.

Ему в Полоцке рано к заутрене позвонили
в колокола у святой Софии,
а он в Киеве звон слышал!
Хотя душа ведуна была в храбром теле,
но часто страдал от напастей.
О нем вещий, мудрый Боян еще встарь припевку
сказал:
«Ни хитрому, ни гораздому,
ни провидцу гораздому
суда божьего не миновать!»

О! Стонать Русской земле, вспоминая прежнюю
годину и прежних князей!
Того старого Владимира нельзя было пригвоздить
к горам Киевским!
А ныне его стяги стали Рюриковы,
а те — Давыдовы.
Но врозь их полотнища веют, розно их копья поют.

* * *

На Дунае Ярославнин голос слышится,
безвестною кукушкой рано кличет:
«Полечу, — молвит, — кукушкою по Дунаю,
омочу шелко́вый рукав в Каяле-реке,
отру князю кровавые его раны на могучем его
теле».

Ярославна спозаранку плачет в Путивле у бойниц
кремля, причитая:
«О Ветер-Ветрило!
Зачем, господин мой, силой встречною веешь,
зачем стремишь вражьи стрелы на своих легких
крыльях на моего лады воинов?
Мало ли тебе было, высо́ко под облаками вея,
лелеять корабли́ на синем море?
Зачем, господин, мое веселие по́ полю ковыльному
развеял?»

Ярославна чуть свет плачет в Путивле-городе
на венцах кремля, причитая:
«О Днепр Словутич!
Ты пробил волной каменные горы среди земли
Половецкой,

ты лелеял на струях своих Святославовы ладьи
до полка Кобякова —
прилелей, господин, моего ладу ко мне, чтоб
не слала к нему слез на́ море рано».

Ярославна плачет спозаранку в Путивле на стене
кремля, причитая:

«Светлое и тресветлое Солнце!
Всем ты тепло и пригоже!

Зачем, господин мой, простер горячие свои лучи
на воинов лады;
в поле безводном жаждою им луки согнул,
тоскою колчаны замкнул?»

Взбушевалось море полуночью,
идут сме́рчи тучами.
Бог Игорю-князю путь кажет
из земли Половецкой в землю Русскую
к отчему златому престолу.
Погасли вечером зори.
Игорь спит — Игорь глядит,
Игорь мыслию поля мерит
от великого Дона до малого Донца.

В полночь Овлур коня свистнул за рекою,
велит князю разуметь:
«Князю Игорю не быть тут!» — кликнул.
Стукнула земля, зашумела трава —
вежи половецкие всполошились!
А Игорь-князь поскакал горностаем в тростник,
слетел белым гоголем на́ воду;
вскинулся на борзого коня,
соскочил с него волком-оборотнем
и побежал к лугу Донца,
и полетел соколом под облаком,
побивая гусей и лебедей
на завтрак, обед и на́ вечер.
Когда Игорь соколом полетел,
тогда Овлур волком побежал,
отрясая студеную росу, —
загнали они коней своих борзых!

Донец сказал: «Князь Игорь!
Немало тебе величия,
а Кончаку́ горевания,
а Русской земле веселия!»
Игорь сказал: «О Донец мой!
Немало тебе величия,
лелеявшему князя на волнах,
стлавшему ему зелену́ траву на своих берегах серебряных,
одевавшему его теплою мглою под сенью зеленого древа;
стерег ты его гоголем на воде,
чайками на стру́ях,
чернетьми на ве́трах!»

XL Не такой слывет река Сту́гна: недобрую струю имея,
проглотив чужие ручьи и воды,
расширясь к устью,
юношу князя Ростислава скрыла на дне у темного берега.
Плачет мать Ростиславова
по юноше князе Ростиславе.
Приуныли цветы в горести,
а древо с печалью к земле приклонилось.

А не сороки застрекотали —
по́ следу Игореву рыщут Гза с Кончаком.
Тогда во́роны не каркали,
галки приумолкли,
сороки не стрекотали,
поползни стихли, ползали только.
Дятлы стуком путь к реке кажут,
соловьи веселыми песнями свет возвещают.

Молвит Гза Кончаку:
«Коли соко́л ко гнезду летит,
Соко́лича расстреляем своими золочеными стрелами».
Говорит Кончак Гзе:
«Коли соко́л ко гнезду летит.
Соко́лича мы опутаем красною де́вицею».
И сказал Гза Кончаку:
«Коли его опутаем красною девицей,
не будет у нас соколенка,
не будет и красной де́вицы,
и почнут нас птицы бить в поле Половецком!»

* * *

Молвил Боян, до него — Ходына, певец Святославов,
слагатели песен о старом времени —
Ярославовом, Олеговом, жены кагана:
«Тяжко тебе, голова, без плеч,
зло и телу без головы» —
Русской земле — без Игоря!

Солнце светится на́ небе:
Игорь-князь — в Русской земле.
Де́вицы поют на Дунае,
вьются голоса их через море до Киева.
Игорь едет по Бори́чеву ко святой богородице Пирогощей.
Рады села, грады веселы!

XLV Спевши песнь старым князьям, надо и молодым запеть:

«Слава Игорю Святославичу,
Буй-Туру Всеволоду,
Владимиру Игоревичу!»
Здравье князьям и дружине,
что встают за христиан на поганые полки!
Князьям слава и дружине!

Аминь.

1938—1981

Л. И. Тимофеев

Песнь о походе князя Игоря

не любо ли было нам, братия,
По старинному начать песню ратную
О походе князя Игоря,
Князя Игоря Святославича.

Зачинать же нам, братия, песню ту
По былинам нашего времени,
А не по замышлению Боянову.

Когда вещий Боян хотел песнь творить,
Растекался он белкой по́ древу,
Серым волком по́ земли,
Сизым орлом во подоблачьи.
Вспоминал прежних времен усобицы,
Выпускал он тогда десять со́колов,
Десять соколов на стадо ле́бедей, —
Которую догонит, та и славу поет:
Ярославу старому, Мстиславу храброму,
Что зарезал Редедю пред полками касожскими,
Молодому Роману Святославичу.

Не пускал Боян десять соколов,
Десять соколов на стадо лебедей —
Он свои персты вещие
На живые струны воскладывал,
Они же сами рокотали славу княжескую.

Почнем же эту песню, братия,
От старого Владимира
До нынешнего Игоря,
Что напряг ум своею крепостью,
Изострил сердце свое мужеством,
Исполнился духа ратного,
Навел свои полки храбрые
На землю Половецкую
За землю Русскую.

Взглянул тогда Игорь на солнце светлое
И увидел от него он теменью
Прикрытых всех своих воинов.
И сказал Игорь дружине своей:
«Дружина и братия!
Лучше в битве пасть, чем в плену пропасть!
А сядем же, братия, на борзых коней
Да помчимся к Дону синему».

Запылало его сердце жаждою
Испить Дону великого,
Не смутило его небесное знаменье.
«Хочу с вами, — сказал, — русичи,
Среди поля половецкого
Преломить копье иль сложить голову
Иль черпнуть шеломом Дону синего».

О Боян, соловей прежнего времени,
Как воспел бы ты полки князя Игоря,
Князя Игоря Святославича,
Скача, соловей, по древу мыслену,
Залетая думой под облако,
Славу прежнюю свивая с нынешней,
Рыща тропой Трояновой
Через поля на́ горы.
Пел бы ты во славу Игоря:
«То не буря несет со́колов
Через поля широкие,
Стаи галочьи бегут,
Бегут ко Дону великому».
Или так бы запел ты
Вещий Боян, Велесов внук:
«Кони ржут за Сулою,
Звенит слава во Киеве».

Трубы трубят в Новгороде,
Стоят стяги во Путивле.
Игорь ждет мила брата Всеволода.
Говорит ему Буй-Тур Всеволод:
«Один брат, один свет светлый ты, Игорь мой!
Оба мы — Святославичи.
Седлай, брат, своих борзых коней,
А мои готовы, оседланы,
Оседланы у Курска напереди.
Куряне мои — славны воины,
Под трубами повиты,
Под шеломами взрощены,
С конца копья вскормлены.
Дороги им ведомы, овраги им знаемы,
Луки их натянуты, колчаны отво́рены,
Колчаны отво́рены, сабли изо́стрены,
Сами скачут, как серы волки, во поле,
Себе — чести, князю — славы ищучи».

Вступил князь Игорь во златое стремя
И поехал по чисту полю.
Солнце тьмою ему заступает путь,
Ночь грозою гремит, пробуждает птиц.
Вой зверей поднялся, кличет с древа Див,
Велит слушать земле незнаемой.
И Волге, и Поморью, и Посулию,
И Посулию, и Су́рожу, и Ко́рсуню,
И тебе — Тмутороканскому идолу.

А половцы неготовыми дорогами
Побежали к Дону великому.
Кричат их телеги во полунощи,
Словно лебеди перепуганные.
Игорь к Дону ведет своих воинов.

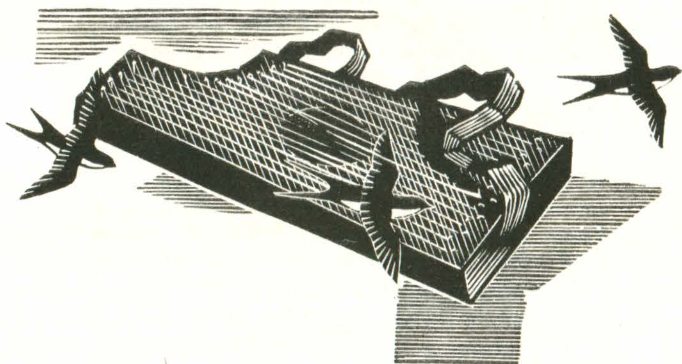
А уж птицы ждут беду его под облаком,
Волки по оврагам грозу ворожа́т,
Орлы клектом на кости зверей зовут,
Лисицы лают на щиты червленые.

О земля моя, земля Русская!
Не видна уже ты за курганами!

Долго меркнет ночь. Гаснет свет-заря,
Чуть забрезжил свет, над полями — туман,

Щекот славий смолк, говор галок окрест.
Поле русичи, поле великое
Преградили щитами червлеными,
Себе — чести, князю — славы ищучи.

Спозаранок, в пятницу, потоптали они
Поганые полки половецкие,
Рассыпались стрелами по́ полю
С красными девками половецкими,
А с ними, с золотом, с бархатом,



А плащами и покрывалами
Половецкими драгоценными
Мосты мостили по болотищам,
По болотищам и топким местам.
А червленый стяг, хоругвь белую,
Бунчук на копье серебряном —
Храброму князю Игорю,
Князю Игорю Святославичу.

Дремлет во поле Олегово гнездо храброе,
Далеко, далеко залетело оно.
Не было оно на обиду поро́ждено
Ни соколу, ни кречету,
Ни тебе, черный ворон — поганый половец.

Гзак бежит, серым волком стелется,
И Кончак за ним правит след,
Правит след ко Дону великому.

На другой день раным-рано
Возвещают свет зори кровавые.
С моря идут тучи черные,
Четыре солнца хотят прикрыть,
А в них трепещут синие молнии.
Быть грому великому!

Идти дождю стрелами,
Идти дождю стрелами с Дона великого!
Тут-то копья переломятся,
Тут-то сабли затупятся,
Затупятся о шеломы половецкие,
На реке на Каяле, у Дона великого!

О земля моя, земля Русская!
Не видна уже ты за курганами!

Вот ветры — внуки Стрибожьи —
Веют с моря стрелами
На храбрые полки на Игоревы,
Земля гудит, реки мутно текут,

Прикрывает пыль поле чистое,
Стяги глаголют: идут половцы,
Идут половцы и от Дона, и о́т моря,
И от Дона, и о́т моря, и от всех сторон,
Обступают полки русские.
Кликом поле преградили дети бесовы,
А храбрые русичи
Преградили щитами червлеными.

Ты стоишь в бою, Яр-Тур Всеволод,
Прыщешь на воинов стрелами,
По шеломам гремишь мечами харалужными,
Где проскачешь ты, Буй-Тур Всеволод,
Своим златым шеломом посвечивая,
Там лежат поганые головы,
Поганые головы половецкие,
Разрублены шеломы аварские
Твоею саблею каленою,
Ярый Тур Всеволод!
Что ему до ран, братья ратные,
Что ему до жизни, до почестей,
Он забыл в бою и Чернигов-град,
И отеческий престол златой,
И жены своей милой, красной Глебовны,
Красной Глебовны свычаи и обычаи.

Были века Трояновы,
Миновали годы Ярославовы,
Были походы Олеговы,
Олега Святославича.
Тот Олег раздоры мечом ковал,
По земле свои стрелы рассеивал,
Ступит он во златое стремя,
Во златое стремя в граде Тмуторокани,
А звон тот слышал еще старый Ярослав,
А Владимир, сын Всеволода,
С утра уши затыкает в Чернигове.
Бориса же Вячеславича,
Молодого князя храброго,
Похвальба привела на смертный суд,
Не ковыль зеленый постлала ему,
Постлала пелену погребальную

За обиду Олегову, —
С ковыля того Святополк повез,
Повез отца своего
Меж уго́рскими иноходцами
Ко святой Софии во Киеве.
Тогда, при Олеге Гориславиче,
Засевалось и порастало усобицами,
Погибало добро внука Даждьбожьего.
От раздоров-усобиц княжеских
Сокращался век человеческий.
Опустела тогда земля Русская,
Редко пахарь кликал в поле нео́раном,
Да часто граяли, трупы деля, во́роны,
Да галочье летело со всех сторон
На пожары, на поживу, на побоища.
Было так в те походы, в те усобицы,
А о сечи такой и не слыхано.

С утра раннего и до вечера,
С вечера до самого до́ света
Летят стрелы каленые,
Гремят сабли о шеломы аварские,
Трещат копия харалужные
Во́ поле незнаемом
Среди земли Половецкой.
Ты черна, черна, степь половецкая,
Копытами ты вспахана,
Костьми позасеяна,
А кровью по́лита,
Горем взошли они по Русской земле.

Что там шумит, что там звенит
Раным-рано перед зорями?
Игорь полки поворачивает:
Жаль ему ми́ла брата Всеволода,
Бьются день они, бьются день другой,
На третий день ко по́лудню
Пали стяги Игоревы.

Разлучились тут братья, расстались,
Расстались на береге быстрой Каялы.

Не достало тут вина кровавого,
Тут окончили пир храбрые русичи,
Напоили сватов, а сами легли,
А сами полегли за землю Русскую.

С жалости никнет ковыль-трава,
В горести древо к земле приклонилося.

Пришла, братья, пора невеселая.
Одолела Пустыня Силу Русскую.
Поднялась Обида в силах внука Даждьбожьего,
Вступила девою на землю Троянову,
Восплеснула лебедиными крыльями
На Дону, у моря синего,
Отогнала время привольное.
Не идут князья на бой с погаными,
Брат на брата распаляется:
«И то — мое, — говорит, — и то — мое ж»,
Называют великим малое,
Сами на себя куют раздор-вражду.
А поганые со всех сторон
Приходят с победами на землю Русскую.

О, далече залетел сокол наш,
Бил он птиц до самого до́ моря.
Не воскресить дружины храброй Игоревой.

Ходит горе по всей Руси,
По всей Руси стоит зарево,
Стоит зарево-пожарище,
Жены русские восплакались,
Восплакались, приговаривая:
«Уж мужья вы наши, лады милые,
Вас и мыслями не помыслишь,
Вас и думами не сдумаешь,
И очами вас не выглядишь,
Не ходить нам в злате-серебре».

Застонал, братья, в горе Киев-град,
А Чернигов — от напа́стей.
Разлилась тоска по Русской земле,
По Русской земле потекла печаль.

А князья сами раздор куют.
А поганые с победами
Рыщут по Русской земле,
Собирают дань по векше подымную.

Те два храбрые Святославичи,
Святославичи Игорь и Всеволод,
Своевольем пробудили половцев,
А ведь тех смирил грозой своей
Святослав великий грозный Киевский.
И держал их в страхе-трепете.
Со своими полками сильными
И мечами харалужными
Наступил он на землю Половецкую,
Притоптал холмы и яружины,
Взмутил реки со озерами,
Иссушил ручьи и болотища,
А поганого Кобяка из Лукоморья,
Из железного войска половецкого
Будто вихрем выхватил,
И пал Кобяк во граде Киеве,
Во граде в Киеве во гриднице Святославовой.
Тут и немцы и венетичи,
Тут и греки с моравою
Поют славу Святославову,
Попрекают князя Игоря.
Потопил он добро на дне Каялы,
На дне Каялы, половецкой реки,
Потопил в ней злато русское.
Пересел князь Игорь со златого седла,
Со златого седла в седло невольничье.
Приуныли грады русские,
Поникло во градах веселие.

А князь Святослав видел тяжкий сон,
Видел тяжкий сон в граде Киеве:
«Одевали меня, — молвил, — с вечера
Черным покрывалом на ложе тисовом,
Наливали мне вина синего,
Вина синего, с горем смешанного,
Из колчана пустого поганого
Осыпали меня крупным жемчугом;

Без князька уже крыша стоит
Златоверхого мово терема.
Всю ночь с вечера враны граяли.
Черны враны граяли у Плеснеска,
На лугу у дебри Кисановой
И летели ко́ морю синему».

И бояре князю ответствовали:
«Полонила ум, княже, скорбь великая,
Как слетели да оба сокола
С золотого престола отчего
Добыть града Тмуторокани,
Испить шеломом Дону синего.
Крылья соколам тем подрезаны
Саблями острыми половецкими,
А самих опутали путами железными.
Потемнели небеса во третий день.
Оба солнца наши затмилися,
Два багряные столпа помрачилися,
И с ними молодые месяцы —
Святослав с Олегом — тьмой закрылися
И во́ море опустилися.
А недруги наши возрадовалися.
На реке на быстрой Каяле,
На Каяле Тьма покрыла Свет,
А по Русской земле рыщут половцы,
Рыщут половцы как свора пардусов.
Уже пал позор на славу дедову,
Покорилась Воля Насилию,
Уже низринулся Див на́ землю,
А и готские красные де́вицы
Распевают на береге моря синего,
Звенят они русским золотом,
Прославляют время Бусово,
Лелеют месть за беду Шаруканову.
А уж нам, дружине, нет веселия».

И великий Святослав изронил тогда
Злато слово свое, со слезами мешанное:
«Вы, сыны мои, Игорь и Всеволод,
Вы землю вражью Половецкую
До времени стали мечами терзать,
Себе славу искать неверную,
Без чести вы одолели половцев

И без чести вы кровь поганую про́лили,
Сердца ваши храбрые
Во булат надежный окованы,
Закалены́ они буестью,
Что же, что же вы содеяли
Седине моей серебряной?

Что ж не вижу я власти и помощи
Сильного, богатого, многовоинного
Брата моего Ярослава
С боярами его черниговскими,
С могу́тами, с татра́нами, с ше́льбирами,
С топча́ками, с реву́гами, с о́льберами, —
Без щитов, с ножами засапожными
Кликом одним побеждают они полки половецкие
И звенят прадедовою славою,
А вы ж сказали: «Сами поратуем,
И новую славу сами возьмем,
И сами поделим славу прежних лет».
А разве диво старому помолодеть?
Коли сокол перелиняет,
Высоко́ в подоблачье птиц загоняет,
Не дает гнезда своего он в обиду.
А ныне нет мне помощи княжеской,
На худое времена обернулися,
Вот в Римове кричат под саблями половецкими,
А Владимир тяжко стонет под ранами.
Скорбь и тоска сыну Глебову!»

Великий княже Всеволод!
Не в мыслях лишь прилететь бы тебе издалёка
Постоять за златой за отцовский престол!
Ты ведь Волгу можешь веслами выплескать,
А Дон шеломами вычерпать.
Кабы здесь был ты, княже Всеволод,
Продавали б рабынь за безделицу,
А рабов бы по самой по мелочи!
Ты ведь можешь стрелять, будто стрелами,
Удалыми сынами Глебовыми!

Вы, Буй-Рюрик и Давыд, князья!
Не ваши ли ратники по шеломы золоченые в крови плавали?
Не ваша ли дружина храбрая,

Израненная саблями калеными,
Рыкает, как туры, на поле,
На поле неведомом, незнаемом?
Вступите же вы в стремена золоченые
За обиду нашего времени,
За землю Русскую,
За раны Игоря,
За Игоря, буего Святославича!

Ярослав Осмомысл, князь Галицкий!
Высоко́ сидишь ты на своем престоле,
На своем престоле златокованом,
Подпер ты горы Угорские
Своими полками железными,
Заступил ты пути Королю,
Затворил ворота Дунаю-реке,
Мечешь бремена через облако,
Суды рядишь до Дуная-реки,
Грозы твои по землям текут,
Отворяешь ворота Киеву,
С отчего золотого престола.
Ты стреляешь в салтанов за землями —
Стреляй же в Кончака, вьючника поганого,
За землю Русскую,
За раны Игоря,
За Игоря, буего Святославича!

А ты, Буй-Роман, и князь Мстислав!
Смелый ум влечет вас на подвиги,
Высоко́ пари́т в подвигах ваше мужество,
Словно сокол взмывает по́ ветру,
Побивая птиц в своей буести,
У ваших ратников панцири железные
Под шеломами латинскими,
Перед вами земля дрогнула;
И страны, и народы многие:
Вся хинова, литва, ятвяги, деремела
И половцы — копья свои повергнули
И склонили свои головы
Под те ль мечи харалужные.

А ныне для Игоря померк солнца свет,
Не к добру древо обронило листву свою:
Города по Суле́ и по Роси поделены.

Не воскресить дружины храброй Игоревой.
Дон, княже, кличет и зовет князей на победу,
Ольговичи храбрые поспешили на бой.

Ингварь, Всеволод, все три Мстиславича!
Не худого гнезда, шестикрыльцы!
Не победными вы жребиями
Свою власть себе добы́ли.
К чему же ваши шеломы золоченые?
К чему щиты и копья ляшские?
Заградите ворота ворогу
Своими острыми стрелами
За землю Русскую,
За раны Игоря,
За Игоря, буего Святославича!

Ведь уже не течет Сула-река,
Не течет стру́ями серебряными
Для древнего града Переяславля,
Заболотилась Двина-река
У тех грозных полочан
От поганого крика половецкого.

Лишь один Изяслав сын Васильков
Позвенел мечами острыми
О шеломы крепкие литовские,
Подрубил он славу́ деда своего Все́слава,
А сам под щитами червлеными
На кровавой траве порублен мечами литовскими.
Плачется по нем лада милая:
«Приодели, князь, дружину твою птицы крыльями,
Звери кровь твою, княже, повылизали».
Брата Брячислава с ним тут не было,
Ни другого брата — Всеволода,
Одиноко он душу жемчужную
Изронил из тела храброго
Чрез златое ожерелие.
Голоса приуныли, веселие поникло,
Трубы трубят городенские.

Ярослав и все внуки Всеславовы!
Преклоните стяги свои,
Опустите мечи притупившиеся,

Отпали вы от славы дедовой,
Это вы своими крамолами
Навели поганых на землю Русскую.
Из-за вашей лихой усобицы
Насилье пришло половецкое!

На седьмом веке Трояновом
Бросил Всеслав жребий о де́вице ему лю́бой.
Подобрался лукавством он к Киеву,
Коснулся копьем он златого престола Киевского,
Отскочил лютым зверем во́ полночь,
Во́ полночь из Белгорода,
Взвился в синем облаке,
А утром ударил секирами,
Отворил ворота Новагорода,
Расшиб славу Ярославову,
Скакнул волком до Немиги с Дудуток.

А на Немиге, как снопы, стелют головы,
Молотят цепами булатными,
На току там жизнь кладут,
Душу о́т тела отвеивают.
Берега той Немиги кровавые
Не добром были засеяны,
Засеяны костями русских сынов.

Князь Всеслав людей судил,
Князьям города рядил,
А сам в ночи волком рыскал он,
Рыскал он из Киева до Тмуторокани,
Хорсу великому волком путь перерыскивал.
В Полоцке позвоня́т к заутрене
У Святой Софии в колокол,
А звон ему слышен был в Киеве.
В храбром теле его жила душа вещая,
А и он страдал от напа́стей.
Про него Боян мудрый вымолвил:
«Ни хитру, ни горазду, ни ведуну гораздому —
Суда божьего не миновать».

О, стонать тебе, земля Русская,
Вспоминая годину прежнюю,
Вспоминая прежних князей.

Того старого Владимира
Нельзя было пригвоздить к горам Киевским.
А ныне его стяги — одни стали Рюриковы,
А другие — Давыдовы,
Только розно их полотнища веют,
И розно их копия поют.

На Дунае Ярославнин голос слышится.
Раным-рано кличет кукушкою незнаемой:
«Полечу я кукушкою по Дунаю-реке,

Омочу бобров рукав в реке Каяле,
Отру князю его раны кровавые,
На теле его израненном».

Ярославна плачет раным-рано,
Плачет во Путивле на стене, приговаривая:
«О ты, Ветер-Ветрило, господине мой,
Ты зачем, господине, супротив веешь?
Ты зачем мчишь стрелы вражеские
Своими легкими крыльями
На дружину моего князя милого?
Ты бы веял высокó во подоблачье,
Лелеял бы корабли на синем море!

Ты зачем же мое веселие
Развеял, господине, по ковы́ль-траве?»

Ярославна плачет раным-рано,
Плачет во Путивле-городе над оградою:
«О ты, Днепр Словутич, господине мой!
Ты пробил горы каменные
Через землю Половецкую,
Ты лелеял челны Святославовы
На себе до полка до Кобякова,

Прилелей, господине, ладу милого,
Чтобы горьких слез не слала к нему,
Не слала к нему рано на́ море».

Ярославна плачет раным-рано,
Плачет во Путивле на стене, приговаривая:
«О ты, Солнце светлое и тресветлое!
Ты для всех тепло, ты для всех красно́.
Что же ты лучи горячие
Простерло на воев лады милого?
Что ж в безводной степи, в степи сухой
Сводишь луки дружине жаждою,
Замыкаешь колчаны мукою?»

Восшумело море полу́ночью,
Идут смерчи туманами,
Бог путь кажет князю Игорю.
Кажет путь ему из земли Половецкой,
Из земли Половецкой в землю Русскую,
В землю Русскую к отчу злату столу.
Погасли зори вечерние,
Игорь спит — не спит,
Игорь мерит поля мыслию
От великого Дона к Донцу малому.

Коня свистнул за рекой Овлур во́ полночь,
Велит разуметь князю Игорю:
«Князю Игорю во плену не быть!»
Загудела земля, зашумела трава.
Всполошились шатры половецкие.

А князь Игорь горностаем в тростник
скакнул
И белым гоголем на́ воду,
Взметнулся на борзого коня.
Серым волком скакнул с него,
Помчался он к берегу Донца,
Соколо́м полетел под облаком,
Избивая гусей-ле́бедей
К завтраку, к обеду и к ужину.
Летит князь Игорь со́колом,
А Овлур за ним волком стелется,
Отрясая росу студеную,
Притомили они своих борзых коней.

Говорит Донец князю Игорю:
«Немало тебе, княже, величия,
Немало Конча́ку горести,
А Русской земле веселия!»
Ответствует Игорь: «О Донец-река!
И тебе немало величия:
На волнах ты князя лелеяла,
Постилала ты ему зелену́ траву
На своих берегах серебряных,
Одевала туманами теплыми,
Прикрывала деревьями зелеными,
На воде стерегла птицей-гоголем,

На волнах — чайкой белою,
На ветрах — утицей-чернетью».

Не такова была Стугна-река!
Поглотила она чужие ручьи,
Расширилась к устью глубокому.
Ростиславу-князю, юноше,
Затворила Днепр у темного берега.
Плачет мать Ростиславова
По князю Ростилаву, по юноше.

Приуныли цветы с жалости,
И древо с печалью к земле приклонилось.

Не сороки застрекотали по́ следу Игоря,
По́ следу Игоря едут Гзак с Конча́ком.
Смолкли галки, во́роны не граяли,
Не стрекочут сороки, молчат поползни.
Дятлы стуком кажут путь к реке,
Соловьи веселыми песнями
Возвещают о зорьке об утренней.

Говорит Конча́ку поганый Гзак:
«Коли соко́л ко гнезду летит,
Расстреляем его соколенка мы
Своими стрелами золочеными».
Отвечает Кончак Гзаку поганому:
«Коли соко́л ко гнезду летит,
Соко́лича мы опутаем,
Опутаем красной де́вицею».
Отвечает Конча́ку поганый Гзак:
«Коль опутаем его красною де́вицей,
Не будет у нас соколенка,
Не будет и красной де́вицы.
И почнут нас птицы бить во поле Половецком».

А про сына Святославова рек Боян —
Песнотворец старого времени
Ярославова, Олегова, княжеского:
«Хоть и тяжко тебе, голова, без плеч,
Хуже телу без головы»,
А Русской земле без Игоря,

Князя Игоря Святославича.
В небе светится солнце красное,
А Игорь-князь на Русской земле!

На Дунае поют де́вицы,
Вьются песни их чрез море до Киева,
Игорь едет по Бори́чеву
Ко святой Пирого́щей богородице.
Страны — рады, грады — веселы.

Старых князей песней славили,
А теперь молодым пора славу петь:
Слава Игорю Святославичу,
Слава брату его, Буй-Тур Всеволоду,
Слава князю Владимиру Игоревичу!

Здравы будьте, князья со дружиною,
Побивая полки поганые!
Слава князьям, и дружине честь!

1953—1978

Приложение

Воинская повесть о походе князя Игоря на половцев в 1185 г. по Ипатьевской летописи[1]

I В это время Игорь Святославич, внук Олегов, поехал из Новгорода (Северского)[2] месяца апреля в 23-й день, во вторник, взяв с собою брата Всеволода из Трубчевска, Святослава Ольговича, племянника своего, из Рыльска, и Владимира, сына своего, из Путивля, а у Ярослава (черниговского) испросил себе в помощь Ольстина Олексича, Прохорова внука, с черниговскими кову́ями. Шли они медленно, собирая дружину свою, потому что кони у них были слишком тучными.

II Когда они подходили к реке Донцу, в час вечерний, Игорь посмотрел на небо и, увидев солнце, подобное месяцу (в новолуние), сказал боярам своим и дружине: «Разумеете ли вы, что значит знамение сие?» Они посмотрели — увидели (ужаснулись) и, поникнув головами, сказали: «Князь, не к добру сие знамение!» Игорь же сказал: «Братья и дружина, тайны божией никто не ведает, бог сотворил знамение, как и весь мир свой, а посылает ли его бог нам на добро или на беду, то мы увидим». И, сказав так, переправился он вброд через Донец.

III И так подошел к Осколу и ждал два дня брата своего Всеволода: тот шел иным путем из Курска. Оттуда двинулись к Сальнице. Там к ним приехали сторо-

---

[1] Перевод В. И. Стеллецкого.

[2] В скобках даны уточнения или пояснения переводчика.

жевые отряды, которые они ранее послали изловить языка. Разведчики сказали: «Видели мы воинов, неприятели ваши вооружены, наготове, так вы выступайте против них побыстрее, или возвратимся домой, ибо ныне неудачное время (для нападения)». Игорь же и братья его стали говорить: «Если мы, не бившись, возвратимся, то позор нам будет хуже смерти. Пусть будет, как бог даст». Так порешив, ехали они всю ночь.

IV На другой день, в пятницу, в обеденное время, встретили они полки половецкие, которые уже успели приготовиться к битве: вежи (кибитки) свои поставили сзади, а сами, собравшись от мала до велика, стали на другой стороне реки Сюурлия. Русские выстроились шестью полками: Игорев полк посредине, по правую руку — полк брата его Всеволода, по левую — Святослава, племянника его, впереди у него был сын Владимир, а также другой полк, Ярославов, — те ковýи, что были с Ольстином, впереди всех — третий полк, стрелки, которые были отобраны из всех отрядов князей. Так они подготовили полки.

V И сказал Игорь братьям своим: «Братья! этого мы искали, так двинемся». И пошли они на врагов, возложив упование свое на бога. Когда подошли они к реке Сюурлию, выехали стрелки из половецких полков и, пустив по стреле в русских, ускакали, а русские еще не переправились через реку Сюурлий. Уехали и те воины из войска половецкого, которые стояли вдали от реки. Святослав же Ольгович, Владимир Игоревич, Ольстин с ковýями и стрелки погнались за ними, а Игорь и Всеволод шли медленно вслед, сохраняя боевой порядок своих полков. Русские, которые были впереди, побивали половцев и брали их в плен. Половцы же пробежали вежи (стан), а русские, дойдя до вежей, стали захватывать половцев в плен, иные только ночью вернулись к полкам своим с пленными.

VI Когда же были собраны все пленные половцы, сказал Игорь братьям своим и дружинникам: «Бог силою своею судил врагам нашим поражение, а нам честь и славу, и мы уже видели, как многочисленны полки половецкие, чуть ли не все они здесь собрались. Поедем же обратно (двинем полки) нынче в ночь, а кто поедет завтра вслед за нами, то эти все (также) уедут (от врага), но (из оставшихся) лучшие конники переберутся (через

реку вброд), а сами-то мы (оставшиеся военачальники) как бог даст». Тогда сказал Святослав Ольгович дядьям своим (Игорю и Всеволоду): «Далёко я гнался за половцами, и кони мои изнемогли. Коли мне теперь опять ехать, то мне придется отстать в пути». И поддержал его Всеволод в том, что нужно остановиться на отдых. И сказал Игорь: «Надобно, братья, и умереть, если разумеешь за что», — и остановились тут.

VII На рассвете в субботу стали наступать полки половецкие, словно густой лес. Недоумевали князья русские, кому из них против которого полка сражаться, потому что врагов было бесчисленное множество. И сказал Игорь: «Как видно, собрали мы на себя всю землю половецкую: Кончака, и Кзу Бурновича, и Токсобича Колобича, и Етебича, и Тертробича». И, посоветовавшись, все сошли с коней, дабы, сражаясь, пробиться к реке Донцу. Толковали они: «Если побежим и уйдем сами, а черных людей оставим, то согрешим перед богом, что их предали. Пойдем навстречу врагам, лучше все вместе или умрем, или живы будем». И, так договорившись, все спешились и шли сражаясь. И по божьему попущению ранили Игоря, не мог он владеть шуйцей (левой рукой) своею, и была великая печаль в полку его, из-за того, что их воевода в самом начале боя был ранен.

VIII И стойко бились они весь день тот до вечера, и много было раненых и убитых в русских полках. Настала ночь субботняя, а они (всё еще) шли сражаясь. На рассвете в воскресенье пришли в смятение кову́и и побежали. Игорь в то время был на коне, ибо был он ранен, и поскакал к полку их, желая вернуть его к (сражающимся) полкам. Уразумев же, что далеко́ отъехал от своих, он снял свой шлем и снова поскакал к полку ковуев, дабы они, узнав князя, возвратились. Но никто не воротился, кроме Михалка Юрьевича, который, узнав князя, вернулся. Доблестные воины не побежали с ковуями, разве только немногие из простых воинов да из младшей дружины, все доблестно бились пешими и посреди них Всеволод, который немалое мужество показал.

IX Когда же приближался Игорь к полкам своим, половцы перерезали ему дорогу и, на расстоянии полета стрелы от его полка, взяли его в плен. Игорь, захваченный в плен, видел, как храбро сражается брат его

Всеволод, и просил себе смерти, дабы не увидеть гибели брата своего. Всеволод же так бился, что и оружие не выдерживало в его руке. А бились все они, двигаясь вокруг озера. И так, в день святого воскресенья, навел на нас господь гнев свой, вместо того чтобы даровать нам радость, заставил нас плакать, вместо веселья послал нам печаль на реке Каяле.

X Сказал тогда Игорь: «Вспомнил я грехи свои перед господом-богом моим, ибо много убийств, кровопролитий учинил я в земле христианской, не пощадил христиан, а взял на щит (приступом) город Глебов у Переяславля. Немало зла приняли тогда невинные христиане: родителей разлучали с детьми их, брата с братом, друга с другом, жен с мужьями их, дочерей с матерями их, подругу с подругой ее. Все были в смятении от плена и скорби. Живые мертвым завидовали, а мертвые (умирающие) радовались, что они, словно мученики святые, получили огнем испытание в сей жизни; старцы умерщвлялись, юноши получали лютые, жестокие раны, мужчин убивали и рассекали на части, а женщины были оскверняемы. И все это совершил я, — сказал Игорь, — недостоин я остаться в живых. И вот вижу возмездие от господа-бога моего. Где ныне возлюбленный мой брат? где ныне сын моего брата? где сын мой родной? где бояре мудрые, где дружинники храбрые? где строй воинов? где кони и оружие ценное? Не лишился ли я всего этого и не предал ли меня господь пленником в руки врагов беззаконных? Так воздал мне господь за беззаконие мое в гневе своем на меня. И пали теперь грехи мои на голову мою. Справедлив господь, и праведен суд его, ибо нет мне ныне места среди живых. Вижу, как другие принимают мученический венец, почему же не один я, во всем виновный, принял мучения за всех? Но, владыко, господи, боже мой! Не отвергни меня до конца, но, если будет воля твоя, господи, прояви милость к нам, рабам твоим».

XI Когда закончилась битва, разведены были (пленники) по разным вежам. Игоря взяли Тарголовцы, из них муж по имени Чилбук; Всеволода, брата Игоря, взял Роман Кзич; Святослава Ольговича — Елдечук из Вобурцевичей; Владимира — Копти из Улашевичей. Тогда же на поле битвы Кончак взял Игоря, свата своего, на поруки, поскольку Игорь был ранен.

XII Из такого множества людей лишь немногие спаслись и то благодаря случайности; нельзя было спастись бегством, потому что они были, словно крепкими стенами, окружены полками половецкими. Из русских смогли убежать человек 15, а ковуев и того меньше, а прочие утонули в море (озере?).

* * *

XIII В это время великий князь Святослав Всеволодович шел в Кара́чев и собирал воинов в верхних землях, желая идти на половцев к Дону на все лето. Когда же Святослав возвращался и остановился у Новгорода-Северского, услыхал он о братьях своих, что пошли на половцев тайно от него, и нелюбо (горько) было ему это.

XIV Отправился (далее) Святослав в ладьях, и, когда высадился у Чернигова, прибежал в то время Беловолод Просович и поведал Святославу все, что произошло у половцев. Святослав, услыхав об этом, тяжко вздохнул, отер слезы свои и сказал: «О любимые мои братья, и сыновья, и мужи земли Русской! Дал бы мне бог обессилить поганых, но, не сдержав пыла младости, отворили вы ворота в Русскую землю. Воля господня да будет во всем! Как досадовал я прежде на Игоря, так ныне еще больше жалею я Игоря, брата моего».

XV После этого Святослав послал сыновей своих, Олега и Владимира, в Посемье, ибо услышал, что в большом страхе города Посемья и была (там) скорбь и такая тоска лютая, каких никогда не было прежде во всем Посемье, и в Новгороде-Северском, и во всей волости Черниговской. Князья полонёны, дружина частью полонёна, а частью избита. Люди метались, словно (рыбы) в сетях, волновались (пришли в смятенье) города, и не милы стали тогда никому его близкие, и многим тогда жить не хотелось — так жалели они о князьях своих.

XVI Затем послал (гонца) Святослав к Давыду Смоленскому, дабы ему сказать: «Думали мы идти на половцев и летовать (провести лето) на Дону, а ныне вот половцы победили Игоря, и брата его, и сына, приходи, брат, постереги землю Русскую». Приплыл Давыд по Днепру, пришли и другие на помощь и стали у Триполья. А Ярослав стоял в Чернигове, собрав свои полки.

* * *

XVII Половцы поганые, победив Игоревы дружины, возгордились и собрали весь язык (народ) свой, чтобы идти на Русскую землю. И была у них распря. Кончак говорил: «Пойдем на Киевскую сторону, где были перебиты братья наши и великий князь наш Боняк». А Кза говорил: «Пойдем на Семь (Сейм), где остались одни жены и дети, там нам собран готовый полон, без всякого опаса захватим там города». Так разделились они. Кончак пошел к Переяславлю, и осадил город, и бился там целый день.

XVIII В Переяславле был князем Владимир Глебович, храбрый и стойкий в битвах: выехал он из города и направился на половцев, но мало дружины дерзнуло пойти за ним. Отважно бился он с половцами, и обступило его множество их. Тогда остальные дружинники, увидев, что князь их стойко сражается, вырвались из города и отстояли князя своего, уже получившего раны от трех копий. Доблестный Владимир, тяжко от ран страдавший, вернулся в город свой, мужественно пот пролив (потрудившись) за отчину свою.

XIX Владимир послал (гонцов) к Святославу, к Рюрику и к Давыду с просьбой: «Вот половцы у меня, помогите мне». Святослав послал (гонца) к Давыду. Давыд со своими смолянами стоял у Триполья. Смоляне собрали вече и сказали: «Мы пошли лишь на защиту Киева, если бы была сеча, то и бились бы, но новой сечи искать не можем, так как мы изнемогли». Святослав с Рюриком и другими отрядами, присланными на помощь, отправились вниз по Днепру, а Давыд со смолянами вернулся восвояси.

XX Половцы, услыхав о том, отступили от Переяславля. Идучи мимо, подступили к Римову. Римовичи затворились в городе и взошли на заборола крепостных стен. И божьим судом обрушились две городницы (части стен между башнями) с людьми. На ратников и на прочих горожан напал страх. Те горожане, которые вышли (на вылазку) из города и сражались на римовском болоте, избежали плена, а оставшиеся в городе все были взяты в плен.

XXI Владимир послал (гонцов) к Святославу Всеволодовичу и Рюрику Ростиславичу, побуждая их помочь ему. Они же промедлили, ожидая Давыда со смолянами.

Так князья русские запоздали и не застали половцев. Половцы, взяв город Римов, забрали пленных и пошли восвояси. Князья же возвратились к себе домой, печалясь о сыне своем Владимире Глебовиче, ибо он был тяжко ранен ранами смертельными, и о христианах, взятых в плен погаными. Так бог, казня нас за грехи наши, навел на нас поганых, не их милуя, но нас казня и обращая нас к покаянию, дабы мы отрешились от злых своих дел. Затем казнит он нас нашествием поганых, дабы мы, смирясь (опомнясь), не шли по пути зла.

XXII А другие половцы пошли по той же стороне (Днепра) к Путивлю. Это был Кза с большими силами. Разорили они волость, сожгли села путивльские и острог (внешнюю ограду) Путивля и возвратились восвояси.

* * *

XXIII Игорь Святославич в то время был в плену у половцев и говорил: «Я заслуженно потерпел поражение по повелению твоему, владыко господи, не дерзость поганых надломила силу рабов твоих, не жалею я о том, что за все злое, содеянное мной, принял я те беды, которые претерпел».

XXIV Половцы, уважая его звание воеводы, не делали ему ничего дурного, они приставили к нему 15 сторожей из простых воинов да из сыновей знати своей пять, а всего 20, ездил он где и куда хотел и с ястребом охотился. А его слуги, пять или шесть человек, ездили с ним. Сторожа слушались его, и оказывали ему почет, и, если он их посылал, беспрекословно исполняли повеленное им. Он выписал к себе из Руси попа со всем, что нужно для святой (церковной) службы, не ведал он божьего промысла и предполагал там (в плену) долго пробыть. Но избавил его господь ради молитвы христиан, ибо многие о нем печаловались (скорбели) и проливали слезы свои за него.

XXV Когда он был у половцев, сыскался там муж, родом половчин, по имени Лавор, пришла к нему мысль благая, и сказал он: «Пойду с тобою в Русь». Игорь сначала не доверял ему, да и хранил (князь) мысль высокую, достойную его молодости, ибо задумал бежать в Русь вместе со своими дружинниками. Поэтому ответил он так: «Я чести ради не бежал тогда от дружины и теперь не пойду бесславным путем». С ним был сын тысяцкого и

конюший, и они побуждали его, говоря: «Ступай, князь, в землю Русскую, если захочет бог, избавит тебя». И все не представлялось ему подходящего случая, какого он искал.

XXVI Но, как мы уже раньше сказали, возвратились из-под Переяславля половцы, и сказали Игорю советники его: «Хранишь мысль надменную и неугодную господу, ты надеешься взять своего мужа и с ним бежать, а о том не подумаешь, что приедут половцы с войны, и, как мы слышали, они хотят перебить вас, князей, и всех русских. И лишишься ты и славы и жизни».

XXVII Князь Игорь принял к сердцу их совет, испугался возвращения половцев и решился бежать. Но нельзя было ему бежать ни днем ни ночью, (день и ночь) сторожа стерегли его, и нашлось удобное время на закате солнца. Послал Игорь к Лавру своего конюшего сказать ему: «Переправься на ту сторону Тора с конем запасным на поводу», потому что прежде договорился с Лавром бежать в Русь.

XXVIII В то время половцы напились кумыса, а время близилось к вечеру. Пришел конюший и поведал князю своему Игорю, что Лавор его ждет. Князь встал в страхе и трепете, поклонился образу божию и кресту честному, говоря: «Господи-сердцевидец, спасешь ли ты, владыко, меня, недостойного?» И, надев на себя крест и икону, поднял стенку вежи и вышел вон. Сторожа его играли и веселились, полагая, что князь спит.

XXIX Он же, подойдя к реке, перешел ее вброд и сел на коня. Так миновали они стан. Это избавление сотворил господь в пятницу вечером. Шел князь пешком 11 дней до города Донца, а оттуда отправился в свой Новгород-Северский, где все были рады ему. Из Новгорода направился он к брату своему Ярославу в Чернигов и попросил брата помочь ему в Посемье. Ярослав обрадовался ему и обещал дать помощь. Оттуда Игорь поехал в Киев к великому князю Святославу, и рад был ему Святослав, а также и Рюрик, сват его.

Воинская повесть о походе князя Игоря на половцев в 1185 г. из «Истории Российской» В. Н. Татищева[1]

I горь, князь северский, завидуя чести, полученной Святославом, возвратясь в Новгород, недолго медля, собрал войска и призвал из Трубчевска брата Всеволода, из Рыльска сыновца Святослава Ольговича, из Путивля сына Владимира и у Ярослава Всеволодича черниговского выпросил в помочь войска с Олстином Олешичем, внуком Прохоровым. И пошел из Новаграда апреля 13-го дня, идучи тихо, сжидаяся с войски, а паче видя, что кони были тучны, берег, чтоб не зделать оных без ног.

II И тако продолжал путь свой к Донцу. На вечер же маиа 1-го дня увидели затмение солнечное, котораго осталось часть, яко луна трех дней. В рогах его яко угль горящий был, звезды были видимы и в очах было зелено. И сказал вельможам своим: «Видите ли сие?» Они же, ужасшись, опустили головы и сказали ему: «Сие знамение не на добро есть». На что им Игорь отвечал: «Тайны божия неисповедимы, и никто знать его определения мо-

---

[1] По изданию 1964 г. (т. III. М. — Л., Наука, с. 134—139). Для удобства сравнения с текстом Ипатьевской летописи текст В. Н. Татищева разделен на абзацы в точном соответствии с вышеприведенным текстом. Представляет интерес, что В. Н. Татищев выпустил X и XXIII абзацы летописной повести, отмеченные особо религиозным характером, по-видимому, он счел это вставкой летописца.

жет, он бо творец есть мира, солнца и знамения сего, яко же и нас всех, что хочет, то и творит, добро или зло. Мы определения его пременить не можем. Не весте ли, яко без знамения кого хочет наказует, и знамения такие многократно никоего зла не приносят. И кто ведает, для нас ли или для других кого сие, понеже оно видимо есть во всех землях и народах».

III И то сказав, перешел Донец, пошел к реке Осколу и тут ожидал брата Всеволода 2 дни, которой шел из Курска другим путем, и, совокупясь, пришли к реке Салнице. Тут приехали к ним скоуеди. Тогда посланные наперед для взятья языков, поиехав, сказали, что видели половцов, ездящих в доспехах. Того ради советовали некоторые возвратиться, представляя, что половцы, видимо, весть имея, приготовились и может их быть великое множество. А воеводы разсуждали: «Возвращаться в стыд великий, которое тяжчае, нежели смерть, но лучше, положась на волю божию, идти на них».

IV Тако согласясь, пошли к ним чрез всю ночь и наутрие в пяток, около обеда, увидели половцов в собрании, которые, убирая станы своя, отпустили назад далее, а руские стояли за рекою Суурли и устроили войска свои на 6 полков. Игорев полк в середине, направе брат его Всеволод, налеве сыновец их Святослав, напереди сын Игорев Владимир и двемя полками, а Ярославль полк с Олстином и коуеди назади, дабы могли помогать, где будут ослабевать. Стрельцов же собрав, учинили третий полк впереди.

V Тако устроив Игорь полки своя и видя их печальных, созвал князей и воевод, говорил им: «Мы сюда пришли, желая сыскать неприятелей, которых ныне видим пред нами, но дивлюся вельми, что вижу многих печальных и прежде времяни ослабевающих. Того ради надобно разсудить, что здесь нуждно вооружиться крепко на брань и, положась на бога, с честию умереть или победить. Если же кому не мило биться, то лучше оному отойти и других не смущать, на что есть время. А я не могу уже со стыдом бежать, но предаюся в волю божию». И велел оное во все войско объявить. И хотя многие желали бы от объявшего их страха возвратиться, но за стыд никто себя не явил. И того ж дня пришел к реке Суурли. Тут встретили их стрельцы от полков половецких и, пустя по стреле, побежали вспять. Воеводы же, видя их

побежавших, не веря им в том, но видя их войско великое и что сами далеко за реки зашли, говорили, чтобы за ними не гнать. Но молодые князи, не слушая совета старых, желающе честь прежде времяни приобрести, не ведая, что к тому многое искуство потребно, Святослав Ольгович, и Владимир Игоревич, да с ними Олстин, воевода черниговский, не взяв повеления от старших, пошли за реку к половцам. Что Игорь видя, пошел за ними помалу, не разпущая полков, а половцы отступили от реки за гору. Передними ж, напав на половцов, предних разбили, неколико побили и в плен брали. Дошедши же до станов половецких, много полона набрали и ночью некоторых привели к полкам Игоревым, а сами с полками, не возвратясь, остановились на том месте.

VI Игорь, слыша, что половцев множество в собрании, посылал к ним, чтоб шли назад, но они сказали, что их кони утомились, надобно отдохнуть. Игорь, созвав князей и воевод, говорил: «Ныне довольно видим на неприятелей наших победу, а нашу честь, от бога данную, сохранену; видим же половцов множество, собравшееся на нас, не можем противо их стать. Того ради пойдем прочь чрез всю ночь и оставим назади на лучших конех». Святослав же Ольгович, по принуждению к полкам возвратяся, говорил стрыем своим, что он далеко гонялся за половцами и, коней утомя, не может за ними поспеть, если сейчас идти. Которому и Всеволод согласовал, хотя протчие все советовали отступать, дабы дойти до реки. Но послушав Святослава, дали оным отдохнуть, а пошли уже пред днем все, совокупясь, к Донцу.

VII Поутру рано половцы со всею силою напали на чистом поле на полки Игоревы и объехали кругом. Тогда многие начали на Игоря нарекать, что завел их в пустыню погубить, что ему весьма прискорбно слышать было. И говорил им: «Шли ведаючи на неприятеля, не ища несчастия, и кто о том мог ведать, чтоб такое множество половцев собраться могло, что Кончак и Казибаирович и Тускобич к ним пришли. Ныне же нет иной надежды, кроме бога и своих рук. Нарекание же на меня есть безумно, которым не токмо себе не поможете, но паче, смутя войско, вред и погибель учините. Того ради нуждно стать всем единодушно». И разсудя, что на конех биться неможно, все спешась шли, надеяся к Донцу дойти, ибо князи хотя могли коньми уйти, но Игорь сказал: «Я не

могу разлучиться, но со всеми обще добро или зло мне приключится, ибо если я уйду с воеводы, то простых воинов конечно предам в руки иноплеменников. Тогда какой ответ дам пред богом, но большую вовеки казнь, нежели смерть, приму».

VIII И тако шли совокупно неколико времяни. Но божиим гневом ранили Игоря в левую руку так тяжко, что он не мог ею владеть. Сие большую печаль и уныние в войске учинило. И тот день весь, бився крепко, шли до вечера. Многие от руских побиты были, ибо поганые, наскакивая, стрелы, яко град, пущали, а немало саблями и копиями, въезжая, убивали. Хотя и их много оставалось, но им от великаго множества был упадок не виден. Також чрез всю ночь суботную шли и бились. В неделю же на разсвете смялся полк коуев и побежали. Игорь тогда ехал на коне и поскакал к ним, чтоб их возвратить. Но видя их отдалившихся, хотел назад возвратиться, скинул с себя для тягости шелом и скакал.

IX Но половцы, усмотря, что от полков к нему никто не идет, бросясь, отъехали его за перестрел от полку его и взяли жива. Тогда Всеволод, брат его, немало мужества показал, но не мог никоей помочи брату своему учинить и вельми опечаляся, говоря, что лучше мне умереть, нежели брата в плене оставить, бился с нечестивыми, идя подле озера так долго, как уже ни единыя стрелы ему не осталось и копие переломилось. Тогда половцы, видя главнаго предводителя в руках своих, жестоко напали, стреляя из тмочисленных луков и самострелов. Таже с копьи и сабли, въехав в утомленные полки руские, многих порубили, а достальных с князи разобрали по рукам более 5000. Тако кончился сей несчастливый бой во вторую неделю Пасхи, а бысть печаль и плач в Руской, паче же Северской, земли.

XI Потом половцы разделили князей: Игоря взяли Торгов воевода Гилбук, Всеволода — Роман князь, Святослава Ольговича — Елдучок Барчевич, Владимира — Куптивул Шекчевич. Но Кончак, видя Игоря ранենаго, взял его на свои поруки. Протчих же всех воевод и простых воинов руских разделили в разные роды.

XII И неможно было никому уйти, понеже отвсюду были объеханы. Токмо 215 человек руских, пробився сквозь половцев в последнее нападение, пришли в Русь.

А коуев хотя и много ушло, но мало спаслося, ибо множество их в мори потонули.

* * *

XIII В то время Святослав Всеволодич пошел в Корачев и, собрав войска верховых земель, хотел идти паки на половцов. И как пришел к Новугородку, услыша, что Игорь с братиею, не объявя ему, пошел, не похвалил им того, что от него помочи не просили.

XIV И оттуда идучи на них по Десне в лодиях к Чернигову, тогда прибежав Беловод, возвестил ему несчастие Игорево и всех полков руских. Святослав, слыша, горько плакал о сей погибели, говоря: «О любимые братия и воины руские! Бог мне дал половцев довольно победить и в страх привести, но вы невоздержною младостию своею посрамили все победы руские, ободрили боящихся нас нечестивых и отворили им врата в Рускую землю. О младость неразсудная! Мнят бо и надеются единой свой храбрости, еже они под предводительством старейших и искуснейших видели, не мня, что к тому много разума и искуства в военных делах потребно, ибо не столько сила, сколько смысл искусных неприатели побеждает. Но ныне тако уже учинилось, в том буди воля божия». Вельми же сожалел паче всех о Игоре, братаниче своем, котораго паче роднаго брата любил. Половцы, возгордяся сею небывалою победою, прислали к Святославу купцов руских с объявлением, чтобы князи руские шли к ним выручать братьев своих или они по достальных придут. При этом прислали роспись, колико за кого окупа прислать, положа цену несносную. И хотя Святослав Игоря хотел выкупить, но половцы его не отдавали прежде, как все молодшие князи и воеводы заплачены будут. Токмо Ярослав, имея много приателей в половцах, собирая половецких пленников, оными своих черниговских, також и княгиня Всеволодова, многих выменяли. Князи руские, получа ведомость о таком великом несчастии, все сожалели, паче же в Северской земле по всем градом был плач неутешимый.

XV Князь воликий Святослав послал по всех князей и сынов своих, чтоб собрались с войски к Киеву, и немедля сына своего Ольга отправил в Северскую землю, велел ему стать с войски в Посемье (подле реки Семи), ибо

там от страха люди пришли в смятение, боясь половцев, чтоб, пришед на них, яко безглавных, вконец не разорили и городов не побрали, где хотя людей еще довольно могло быть, но разпоряжать кому не было.

XVI Потом послал к Давиду в Смоленск, объявя ему о сем и что они прежде согласились было идти на половцов и все лето быть около Донца, но ныне нуждно своих земель охранять, чтоб для того с войски прийти не умедлил. По которому Давид немедленно пришел по Днепру в лодиях. И другие войска, собрався, стали у Триполя, а Ярослав, совокупя черниговские войска, стал по Десне, поставя стражи к степи.

* * *

XVII Половцы, победя Игоря с братиею, совокупили всех своих родов войска на Рускую землю, но божиим милосердием учинилась в них распря. Кончак говорил идти на Киевскую область отмстить кровь побитых так многих князей половецких, а паче князя Бонака, а Кзя князь советовал идти в Северскую землю, представляя, что «тамо ни войск, ни воевод нет, а остались токмо жены и дети, где нам пленников довольно готово». И тако разделяся, пошли Кончак к Переяславлю. И пришед, оступя град, бились весь день.

XVIII Владимир, выехав из града, напал на них и, многих порубя, загнался в середину полков их, но с ним людей было мало, ибо, не осмотрясь, разделились в бою натрое. Половцы, видя Владимира малолюдна, объехали кругом. Из града же, видя, что князь их оступлен бьется крепко, выбежав, напали на половцев, яко звери лютии, билися за князя своего. Владимир же, погубя коня, бился пешком. И едва бог помог, вышедшие из града смяли половцев и дошли до князя, вельми уже истомленнаго и тяжко тремя копии раненаго, взяв его на коня, свезли во град. На сем бою половцев весьма много побито, и принуждены они отступить от града за день езды, где ожидали к себе еще войск.

XIX Владимир, опасаясь паки от половцев нападения, второе послал ко Святославу просить о помощи, чтоб не отдать Переяславля в руки поганых. Святослав тотчас послал к Давиду, который со смольяны стоял у Триполя, чтоб пошел к Переяславлю. Но смольяне стали

советы народные делать и сказали: «Мы пошли только до Киева. И если бы пришел сюда неприятель, то бы мы билися, а дале неприятеля искать не можем, понеже мы, и так далеко идучи, устали и всем издержались». Святослав же с Рюриком и другими полками перешли за Днепр и пошли противо половцев, а Давид возвратился в Смоленск.

XX Половцы, услышав, что Святослав и Рюрик идут, отступили прочь и пошли к Римову. Римовцы же, укрепяся, мужественно оборонялись, но два городничие, собрав людей, вышли из града и, бияся, перешли за болото и тако спаслися.

XXI Половцы, видя, что часть немала войска из града ушли, жестоко стали приступать. И хотя много своих потеряли, но множеством град взяли, людей пленили и потом оной, ограбя, сожгли и возвратились в свои жилища, не столько руских пленя, сколько своих потеряли. Також и князи, оставя Владимира в тяжких ранах, весьма об нем скорбя, возвратились.

XXII С другую сторону Кзя, князь половецкий, с великим войском пошел к Путимлю, и многие волости пожег, и, к Путимлю жестоко приступая, острог сжег. И потеряв много людей, а паче знатных, не взяв града, отступил и послал в Посемье 5000 тамо жечь и разорять. Но Олег Святославич с воеводою Тудором, которой во многих боях храбростию и разумом прославился, учинили со оными бой об реку. Тудор же, умысля их обмануть, хотя войска гораздо меньше имели и могли чрез реку не пустить, стали отступать, а половцы смело на них наступали. Тудор же, вшед в лес меж болоты, разделился: Ольга с половиною оставил противо половцов, а сам, обошед, сзади напал. И так их, смявши, порубил, что едва 100 их назад возвратилось, ибо их более 2000 побито, а с 500 знатных и подлых пленено. Сын же и зять князя Кзи побиты. Гзя, о том уведав, с великою злобою и горестию возвратился. Тако половцам обоюду равная удача была и один пред другим не мог похвалиться, разве большею потерею своих.

XXIV Игорь Святославич, будучи в плене во всяком довольствии содержан, и никакой ему обиды и досады половцы не делали, токмо крепко стерегли, приставя к нему 15 человек и 5 знатных отцов сыновей, которые давали ему волю ездить куда хотел и, почитая, его слу-

шали, куда кого посылал. Он же привел к себе попа и несколько одежд для себя и служителей, якоже довольство от запасов и денег для нужд. Не ведая о себе божия промысла, чаял долго у них пробыть и, хотя у оных большую ласку приобрести, многие богато дарил, не мог бо окупа заплатить, понеже за него просили 2000, за протчих князей по 1000, а за воевод по 200 и по сту гривен[1].

XXV Но божиим милосердием сыскался един муж, родом половчин, имянем Лавер, которой, пришед ко Игорю, говорил, если он хочет в дом ехать, обещаваяся ему здрава проводить. Но Игорь, не смея ему поверить, сказал, что он охоты к тому не имеет и не хочет своим порукам неверным быть, говоря ему: «Я, не хотя чести моей потерять, с бою имея возможность уйти, не бежал и ныне бесчестным путем идти не хочу». С ним же был конюший его и сын тысецкого. Те, услыша о сем и разсмотря довольно состояние человека того, что был муж твердый, но оскорблен от некоторых половцев, мать же его была руская из области Игоревы, те понуждали Игоря идти, но он, не приняв их совета, запретил более о том говорить.

XXVI Тысецкого сын, уведав от жены князя Туглиа, с которою любовь имел, что половцы положили, если им в войне не удастся, Игоря убить, что он сказал конюшему. И тотчас оба, паки пришед к Игорю, говорили ему: «Почто, княже, не соглашаешься с мужем сим или ждешь как половцы с войны возвратятся, которые, если им не удастся, положили тебя убить. Тогда что твоя гордость и славолюбие поможет, но паче погубиши жизнь со славою».

XXVII Сим ужасшися, Игорь советовал с ними, как то учинить. Но тогда было ему учинить неудобно, однако ж велел им онаго Лавра довольно уверить.

XXVIII По малом времяни, разсудя Игорь за удобно и согласясь с Лавром и своими, учинил пир, на котором приставников потчевал довольно медом и дарил. И как оные довольно пьяни были, на заходе солнца послал конюшего по Лавра. И как оной пришел, сказал ему, чтоб

---

[1] Этим фактам, сообщаемым В. Н. Татищевым, нельзя не доверять.

он по заходе солнца за Донцом приготовил коней. Лавер же рад сему быв, тотчас взяв коней с седлами, стал у реки. Конюшей, пришед, сказал Игорю, что кони готовы. Он же, встав с трепетом, боясь, чтоб его не поймали, и, призвав других своих служителей, велел пред шатром своим играть и пить. И вышед вон, видя, что приставники все с его служители играли и веселились, думая, что Игорь уже спит.

XXIX Он же, не говоря им ничего, пошел к реке, оную перебрел. И седши на кони, поехали сквозь жилища половецкие сам пят. И ту ночь миновав всех их обиталища, поехали чрез степь и ехали 11 дней до рускаго города, оттуда пошел в свой Новград и, не доехав (меньше полудница) верст за 20, споткнулся конь под Игорем и ногу ему так повредил, что он не мог на коня сесть, принужден в селе святаго Михаила остановиться ночевать. В тот час прибежал в Новград крестьянин того села и сказал княгине, что Игорь приехал. И хотя долго тому не верили, но княгиня, не могши более терпеть, тотчас вседши на кони, поехала к нему[1]. Граждане, слыша то, все обрадовались и за княгинею поехали. Множество же, не имея близко коней, пеши пошли. Княгиня пришед, так друг другу обрадовались, что обнявся плакали и говорить от радости и слез ничего не могли и едва могли престать от слез. Игорь, целовав всех вельмож своих, немедля поехал во град. Люди же с женами и детьми все вышли в стретение его и так многолюдно, что во граде разве кто крайней немощи ради остался. И была в Новеграде и по всей Северской земли радость неописанная. Радовалися же немало и во всей Руской земле, зане сей князь своего ради постоянства и тихости любим у всех был. По прибытии своем Игорь немедленно послал ко всем князем, а паче к Ярославу и Святославу, объявить о себе и благодарить за учиненное охранение земель его. Потом, не могши оставить половцев без отмщения и чтоб пленных выручить, положил намерение, выпрося у других помощь, паки на них идти. И едва мог от своего труда и болезни отдохнуть, поехал сам в Чернигов к Ярославу просить

[1] Всем этим существенным сведениям, сообщаемым В. Н. Татищевым, соответствующим историческим реальным фактам, также нельзя не доверять.

у него помочи. Которой, с радостию и любовию его приняв, обещал довольное войско в помочь ему дать. Потом поехал в Киев ко Святославу и в Белград к Рюрику. Оные вельми ему обрадовались и обещали все как возможно ему помочь учинить и сами намерялись идти со всеми их войски. И тако Игорь с надеждою возвратился в свой Новград. Лавра же учинил вельможею, и, крестя его, выдал за него дочь тысяцкого Рагуила, и многим имением наградил, котораго дети ныне суть вельможами в Северской земли[1].

---

[1] Эти важные факты, как и все дополнительные сведения, не противоречащие Ипатьевской летописи, нельзя игнорировать. *(Примеч. в сносках В. И. Стеллецкого.)*

Комментарий

В основу публикуемого здесь текста «Слова о полку Игореве» положен текст первого его издания (Мусина-Пушкина) с теми необходимыми исправлениями, которые сделаны в разное время авторитетными исследователями памятника.

Древнерусский текст в нашем издании дан ритмико-синтаксически члененный с выделением трех частей, внутренних глав и строф. Для удобства пользования комментарием строки древнерусского текста пронумерованы[1].

Орфография древнерусского текста частично изменена: вместо *ятя* дано *е*, вместо і — *и;* сохранены ъ и ь.

Строки 2, 4, 6, 21, 48, 498. *Повесть, песнь, слово.* — В заглавии памятник называется «Словом», в тексте автор называет свое произведение то «повестью», то «песнью». Некоторые ученые полагают, что заглавие не принадлежит автору. В то же время «Слово о полку Игореве» нельзя отнести к какому-либо жанру устного народного творчества (фольклора), но оно писалось как подражание древним песням о героических подвигах князей. Можно установить, что «повестью» автор называет свое произведение по его содержанию (см. «трудныхъ повестий», «повесть сию отъ стараго Владимира...»), а «песнью» — по его традиционной форме (см. «начати же ся тъй песни по былинамь сего времени»; «рища въ тропу Трояню... Пети было песнь»; «певше песнь старымъ княземъ» — причем далее автором возглашается традиционная «слава князьям»). См. примеч. к стр. 5, 47.

Строка 2. *...начяти... трудныхъ повестий...* — Древнерусское слово «трудъ» обладало недифференцированным значением «страдание», «подвиг», «старание», «бедствие» и др. «Трудные повести» — повесть (повествование, поэма) о бедствиях (ратных). Эти слова стоят в так называемом «родительном падеже части» (партитивном). Ср. еще: «поостри сердца своего мужеством» (стр. 24), «да позримъ синего Дону» (стр. 35), «искусити Дону великаго» (стр. 38) и др. Ср. также в современном языке: «возьмите хлеба».

Строки 2, 4, 21. *Начати... почнемъ.*— В древнерусском языке глагол «начати» имел значение не только начала действия, но одновременно и продолжения его.

Строка 3. *...о пълкý.*— В древнерусском языке слово «полкъ» обладало двояким значением, во-первых, оно означало «поход», как здесь и в заголовке, а во-вторых — «войско», «полк», «отряд».

...Игоря Святъславлича — Игорь Святославич (1151—1202), князь новгород-северский, внук Олега Святославича («Гориславича» в «Слове»), князя черниговского.

---

[1] Соответственно строки пронумерованы в переводах В. А. Жуковского, А. Н. Майкова, В. И. Стеллецкого.

Строки 2—4. *...старыми словесы... Начати же ся тъй песни по былинамь сего времени...* — В самом начале автор «Слова о полку Игореве» сообщает, что он поведет (см. примеч. к строкам 2, 4, 21) повесть «старыми словесы», т. е. по обычаю, образцу и складом (согласно современной терминологии, композиция, стиль и ритмическая конструкция) прежних старинных военных повестей, но хочет рассказать в ней о современных ему событиях: «по былинамь сего времени».

Былина, как ясно из контекста, означает в «Слове о полку Игореве» «быль», «событие», «деяние».

Строка 5. *Боянъ.*— Боян изображается в «Слове» как известный слушателям замечательный поэт, воспевавший давние времена, слагатель изустных сказаний, песен, причем исполнение своих песен он сопровождал игрой на гуслях. Автор «Слова» сообщает содержание военных песен Бояна, это песни-славы о подвигах, «ратных трудах» Ярослава Мудрого и других князей. Творец «Слова» в «повести» ставит задачи своего времени. Его не удовлетворило бы создание эпического сказания о подвигах князей, далекого от реальной конкретной современной ему действительности, каковыми были, по-видимому, военные песни Бояна, а поэтому он и не хочет слагать свою повесть «по замышлению Боянову».

Строка 6. *...вещий* — мудрый, волшебный, колдовской, понимающий сущность явлений, оттого обладающий возможностью пророчествовать, здесь — вдохновенный.

...аще кому хотяше песнь творити...— Как ясно из следующего текста, глагол «хотети» означает не только «желать», но и исполнение желаемого действия. Выражение «песнь творити» О. Творогов сопоставляет с «формулой» «молитву творити». Следовательно, точный перевод данного текста: «когда о ком-нибудь песнь пел».

Строка 7. *...растекашется мыслию по древу...*— Это выражение связано с дальнейшим «абы ты сия плъкы ущекоталъ, скача, славию, по мыслену древу». Из контекста ясно, что здесь говорится о процессе поэтического творчества. Исследователь «Слова» В. Ф. Ржига пишет: «...растекаться мыслию по древу поэзии значит вообще творить поэтически, творить песни». «Мыслено древо» в «Слове» — это древо познания, образ сообщения между «твердью небесной» и «твердью земной», встречающееся в сказаниях многих народов. *Славий* (соловей) — возможно, символ души (Л. Н. Гумилев). Некоторыми учеными предлагалось читать здесь «мысию», то есть «мышию», с типичной для Псковской области меной «ш» на «с» и в значении, встречавшемся в Псковской области, слова «мышь» — «белка».

Строка 14. *...старому Ярославу...*— Ярослав I Владимирович Мудрый (умер в 1054 г.), прапрадед Игоря Святославича, сын Владимира Святославича, великий князь киевский с 1019 г.

Строка 15. *...храброму Мстиславу...* — Мстислав Владимирович (умер в 1036 г.), брат Ярослава Мудрого, князь тмутороканский (см. примеч. к стр. 79—82), с 1024 г. князь черниговский. Летопись («Повесть временных лет»), используя, очевидно, устное предание, рассказывает под 1022 г. о единоборстве Мстислава с касожским князем Редедею.

Строка 16. *...предъ пълкы касожъскими...* — касоги — древнерусское название предков северокавказских народов.

Строка 17. *...красному Романови Святъславличю.* — Роман Святославич, прозванный «Красным», т. е. красивым, брат Олега Святославича, деда Игоря. В 1079 г., заступаясь за брата Олега, привел с собою в качестве союзников половцев и в ссоре был половцами же убит. См. примеч. к стр. 144—146.

Строка 22. *...отъ стараго Владимера...* — Здесь имеется в виду Владимир I Святославич. (умер в 1015 г.), пращур Игоря Святославича; был князем в Киеве с 980 г., при нем на Руси введено христианство (988 г.). Слово «старый» здесь имеет значение «давний и прославленный» (знаменитый, известный всем). Некоторые ученые полагают, что здесь говорится о Владимире Мономахе. Но о Владимире Мономахе упоминается далее с иной интонацией (стр. 149).

Строка 23. *...крепостию...* — «крепость» — доблесть, направляемая умом и волею.

Строка 26. *...на землю Половецькую.* — Половцы кочевали в степях между Дунаем и Яиком (Уралом), в степях Северного Кавказа и Крыма.

Строки 27, 28, 20. *Тогда Игорь възре на светлое Солнце и виде отъ него тьмою вся своя воя прикрыты.* — Солнечные затмения понимались в древности как зловещие предзнаменования. В 1185 г. солнечное затмение произошло 1 мая, на восьмой день после выступления Игоря в поход. Автор «Слова» описывает затмение в прологе (вступлении) к своей поэме, чтобы показать, что Игорь отправляется в поход вопреки воле языческого божества — Солнца (Хорса, Дажьбога), которую оно высказывает затмением.

Строка 36. *Спала́ князю умь похоть...* (в первом издании *похоти*). — Место в тексте долгое время считалось темным, а в настоящее время — спорным. Ученые А. И. Соболевский, Р. Якобсон, писатель А. Югов, по всей вероятности, верно понимают слово «спала» как прошедшее совершенное время (аорист) от глагола «съпалати» — «спалить», «разжечь», а не существительное со значением «пыл». Исследователь «Слова» С. К. Шамбинаго правильно заметил, что в первом печатном издании «Слова» ошибка: «похоти» вместо «похоть», им. п., — «охота», «горячая удаль». Начертание «ь» и «и» в рукописи было очень сходно».

Строка 39. *...конець...* — здесь — край, рубеж.

Строка 41. *...а любо испити шеломомь Дону!* — Выражение «испить шеломом» из реки, протекающей в глубине земли врагов, как указывает Д. С. Лихачев, означало в Древней Руси победить этих врагов. «Дон» и «море» в «Слове» являются символом местности обитания врагов и не раз выступают в одном контексте (см. стр. 114—118, 127, 194). В то же время в поэме хранится память о принадлежности этих земель русичами (см. стр. 338).

Строка 43. *...ущекоталъ...* — от слова «щекотъ» — пение соловья, щебетание птиц.

Строка 46. *...свивая славы обаполы сего времени!* — «Славы» — существительное в родительном падеже части; «обаполы» — наречие, со значением «по обе стороны», то есть Боян воспел бы поход и подвиги Игоря, соединяя со славой настоящего времени славу былую.

Строка 47. *Рища въ тропу Трояню чресъ поля на горы...*— Прилагательное от слова «Троян» в «Слове о полку Игореве» встречается еще три раза: «были вечи Трояни», «на землю Трояню» и «на седьмомъ веце Трояни». Контекст во всех случаях указывает на то, что автором «Слова о полку Игореве» под словами «века Трояна» подразумевается архаическое прошлое Руси, причем именно та эпоха, когда предки русичей жили на северных берегах Черного (Русского) моря, то есть времена антов IV—VII вв., и когда это море было легко доступно русичам, то есть до середины IX в. Среди русских языческих богов был бог по имени Троян. Некоторые ученые видели в Трояне римского императора Траяна (98—117 гг. н. э.) и, следовательно, в «тропе» — дорогу и оборонительный вал в Дакии, построенные им. Но правильнее понимать выражение «тропа Трояна» как метафорическое. В данном предложении описываются особенности песен Бояна, обращение его в своих песнопениях к очень отдаленным временам.

Строка 48. *...пети было песнь Игореви того внуку...* — Исходя из предыдущего текста и согласно современному синтаксису, под словом «того» можно понимать Трояна. Но читая текст далее, мы видим, что Боян называется внуком Веле́са. Поскольку во всей этой строфе говорится только о Бояне, И. М. Кудрявцев и Д. С. Лихачев правильно полагают, что и слова «того внуку» относятся к Бояну, а под словом «того» подразумевается Велес (См.: Лихачев Д. С. Слово о полку Игореве. М.—Л., АН СССР, 1950, с. 386—388 («Литературные памятники»).

Строка 51. *...вещей Бояне, Велесовъ внуче...* — Веле́с, или Волос, в древнерусской мифологии — бог-покровитель скотоводства и, судя по «Слову о полку Игореве», поэзии.

Строки 52—53. *«Ко́мони ржуть за Сулою — звенить слава въ Кыеве».*— Слова «ко́мони» и «кони» в ряде диалектов и ныне абсолютные синонимы. Сула́, левый приток Днепра, в XII в. была погра-

ничной со Степью рекой. Автор «Слова» обращается здесь во второй раз к зачину в духе Бояновых песнопений. Когда русские войска отправляются в поход за Сулу — «звенить слава въ Кыеве» вследствие одержанной победы. Здесь намек на победоносные походы князей в прошлом (например, на поход коалиции русских князей против половцев в 1184 г., см. примеч. к стр. 227—228).

Строки 54—55. *Трубы трубять въ Новеграде — стоять стязи въ Путивле...* — Этими словами начинается после вступления основная часть поэмы, ее первая часть, которую можно назвать «сказанием о походе Игоря». Описываются сборы в поход. Игорь собирается в поход в Новгороде-Северском, а сын его, Владимир Игоревич, в Путивле. Под словами «стоять стязи» (знамена) следует понимать готовность войск выступить в поход.

Строка 56. *...Игорь ждетъ мила брата Всеволода.* —Следующие далее слова Всеволода свидетельствуют о том, что здесь говорится о встрече и совещании Игоря с Всеволодом, имевшем место ранее похода, на котором было решено осуществление этого похода.

Всеволод — князь трубчевский (и курский), младший брат Игоря, умер в 1196 г.

Строка 57. *...Буй Туръ...* — *Буй* — храбрый, отважный смелый, удалой, гордый. *Тур* — вид диких крупных быков с большими толстыми рогами, вымерший (истребленный) в причерноморских степях к концу XVII в. По данным славянского фольклора, этнографии и топонимики, можно предполагать, что тур был одним из божеств у восточных славян: «Близко родственным Яриле (богу весеннего солнечного тепла.— *В. С.*) божеством был на Руси (и, несомненно, также у южных и западных славян) Тур, имя которого в первоначальном смысле означало быка, представителя бога Солнца... Воинственный, ярый, буйный характер Тура доказывается и тем, что имя его Яр-Тур, Буй-Тур... нередко служило эпитетом храбрых, доблестных воевод и князей» (Фаминцын Д. С. Божества древних славян, вып. I. Спб., 1884, с. 233—238).

Строка 62. *...сведоми къмети...*— испытанные воины, младшие дружинники.

Строка 63. *...повити...*— здесь, несомненно, в переносном значении — рождены.

Строка 64. *...възлелеяны...* — выняньчены, выращены.

Строка 65. *...въскръмлены...*— воспитаны, выхолены, выхожены.

Строка 66. *...ведоми...*— известны, здесь — знакомы.

Строка 67. *...знаеми...*— известны.

Строка 76. *...стонущи...* (см. также стр. 394: *О! стонати Руской земли...).* — Древнерусский глагол «стонати» имел недифференцированное значение: «стенать», «выть», «рыдать».

Строка 77. *...свистъ...* — Слово «свистъ» в древнерусском языке имело также недифференцированное значение — «свист», «вой», «рев зверей» (т. е. особенно громкий, продолжительный непрерывный звук). В былинах встречается выражение: «В лесах звери засвистали» (Рыбников П.–В кн.: Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, ч. II. Петрозаводск, 1863, с. 137).

...свистъ звѣринъ въ стада зби.— В первом издании напечатано: «свистъ звѣринъ въ стазби». Место это в тексте долгое время считалось темным, а в настоящее время является спорным. Правильной точки зрения, по нашему мнению, придерживаются Е. В. Барсов, С. К. Шамбинаго и Ф. Е. Корш, которые видят в «зби» («съби») глагол (в аористе), заключающий предложение. Барсов вносит поправку «въ стаи». Акад. Ф. Е. Корш читает «въ стада». В «Слове о полку Игореве», как и вообще в древнерусском языке, слово «стадо» относилось к птицам, см. в тексте «на стадо лебедей» (стр. 18), «галици стады бежать» (стр. 50). Дополнением является общее с предыдущим предложением слово «птичь», т. е. птиц.

Строка 78. *Дивъ кличетъ връху древа...*— *Див* — мифическое зловещее существо, враждебное русичам. Див предупреждает половцев о походе Игоря. Ср. далее стр. 263: «Уже връжеса Дивь на землю» (подразумевается «землю Русскую»).

Строки 79—82. *...велитъ послушати земли незнаеме, Влъзе, и Поморию, и Посулию, и Сýрожу, и Кóрсуню, и тебе, Тьмутороканьскый блъванъ.*— «Земля незнаемая» — неведомые автору «Слова» места кочевий половцев (на восток от Волги); все перечисленные земли — места кочевий половцев. Поморие — побережье Азовского и Черного морей; Посулие — земли, расположенные по реке Суле, очевидно, имеются в виду земли, лежащие главным образом по левому берегу Сулы; Сурож — современный город Судак в Крыму; Кóрсунь — греческая колония Херсонес в Крыму (развалины ее находятся на расстоянии двух километров от Севастополя). *Тьмутороканьскый блъванъ* — подразумевается город Тмуторокань. С конца X в. Тмуторокань была Русским княжеством, им управляли черниговские князья. Тмутороканскими князьями были «красный» Роман и Олег, дед Игоря. В конце XI в. (в 1094 г.) Тмуторокань захватили половцы. Возвращение Тмуторокани было, по словам бояр Святослава (см. стр. 250), конечной целью похода Игоря. Это несомненно является поэтической гиперболой. На Таманском полуострове еще в XVIII в. стояли две колоссальные статуи, воздвигнутые божествам Санергу и Астарте в IV в. до н. э. *Блъванъ* — истукан, статуя, идол.

Строка 84. *...крычать телегы...*— «Глагол *кричать*... для курско-орловской диалектной среды... обладает большой семантической емкостью (недифференцированностью значений.— *В. С.*). Во многих местах

говорят, например: «кричать лягушки» (овцы, кошки, гуси)...» (Котков С. И. Слово о полку Игореве. (Заметки к тексту). М., 1958, с. 11).

Строка 87. *...влъци грозу въсрожа́тъ...* — В корне глагола, по-видимому, слово «рог». Глагол «рожити», должно быть, означает трубить в рог, по отношению к волкам означает выть.

Строка 89. *...чръленыя щиты.* — Русские щиты окрашивались в алый (чермный) цвет красной краской, червенью, приготовлявшейся из особого насекомого, червеца.

Строка 90. *О Руская зе́мле! Уже за Шело́мянемъ еси!* — «Шеломя» — возвышенность или гряда холмов на границе половецкой степи. Ученые полагают, что здесь имеется в виду Изюмский курган, Кременная гора, замыкающая город Изюм с юга, за которой в XII в. начинались половецкие кочевья и русские полки могли подвергнуться опасности. Слово «земля» в древнерусском языке имело целый ряд значений, в частности, значение «народ, населяющий ту или иную землю», нередко также означало его представителей, войска. Например, в Ипатьевской летописи под 1185 г.: «И рече Игорь: «Се, ведаюче, собрахомъ на ся землю всю: Кончака и Козу Бурновича...» (см. приложение к книге). См. также в самом «Слове о полку Игореве»: «которо́ю бо беше насилие отъ земли Половецкыи» (стр. 367—368). Е. В. Барсов комментирует: «О Русская земля... т. е. дружинные, киевские герои». (Барсов Е. В. «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. III. М., 1890). В данном рефрене автор «Слова» говорит о полках Игоря, которые зашли за пограничные холмы. Начиная от строки 90 и по 124-ю идет речь о «русичах», о них говорится и в рефрене. Грозная картина пребывания Игоревых дружин за рубежом является целостной, повествование стройно и последовательно. Распространенное понимание этих слов как возгласа о Русской стране нарушает целостность картины и повествования и является сентиментально-романтической модернизацией понимания этого рефрена, восходящей к В. А. Жуковскому. Правильно поняли значение здесь слова «земля», а стало быть, и весь этот рефрен авторы перевода, помещенного в первом издании (см. факсимиле). Впоследствии правильное понимание было утеряно, между тем правильное понимание этого рефрена очень важно в том отношении, что этот рефрен ясно указывает на то, что автор «Слова» не был участником похода 1185 г.

Строки 91—96. *Дл́ъго ночь мркнетъ. Заря светъ запала́, мъгла поля покрыла. Щекотъ славий успе, говоръ галичь убуди. Русичи великая поля чрьлеными щиты прегородиша...* — Это место встречало большие затруднения в его расшифровке. Ученые недоумевали: утренняя или вечерняя заря здесь изображена. Впервые правильно понял это место Д. С. Лихачев: «Пейзаж в произведениях древнерусской

литературы,— говорит он, — всегда динамический... в данном случае описывается «движение» ночи — от вечерней зари и до утреннего говора галок» (Лихачев Д. С. Указ. соч., с. 399—400). В связи с этим пониманием всего абзаца Д. С. Лихачев переводит слова «мркнетъ» как смеркается, «запала» — заронила, «мъгла» — мгла. Полагаю, что не нарушает подобного понимания этой строфы в целом несколько иной перевод: «Длъго ночь мркнетъ» — долго длится мрак ночной. Форму «запала́», вслед за В. Перетцом, А. Юговым и Р. Якобсоном, считаю аористом от глагола «запалати» (см. примеч. к стр. 36), слово «мъгла» перевожу «туман». Оно не может иметь значения «мрак», так как о ночной тьме уже было сказано только что выше «мркнетъ». Слово «светъ» стоит здесь в винительном падеже, подобно тому как то же дальше (стр. 113) «кровавыя зори светъ поведаютъ». Не может быть здесь описания ночного отдыха русских воинов, как думали многие ученые. Во-первых, потому, что отдых описывается через несколько строк далее (стр. 107—111), во-вторых, потому, что рефрен («русичи великая поля...») должен быть однородным по эмоции с подобным же ему рефреном, который имеется далее (стр. 130): и в том и в другом случае речь идет о готовности русских воинов к бою. В-третьих, потому, что описание похода Игоря в «Слове» соответствует описанию его в Ипатьевской летописи, где явно изображается, как определяет Д. С. Лихачев, эта ночь с четверга на пятницу: «и тако угадавше, и ехаша чересъ ночь», т. е. ехали всю ночь (см. Приложение). Здесь и обрисована вся эта длинная ночь для русских, проведенная ими без сна, оттого-то она и «длъго... мркнетъ». Буквальный перевод далее: «Заря (вечерняя) занялась, туман (ночной) покрыл поля». В следующих строках ясно описывается наступающее утро: «Пение соловья умолкло, пробудился говор галок». Русских автор «Слова» рисует в походе с красными щитами и, пользуясь гиперболой, говорит, что они «великая поля чрьлеными щиты прегородиша».

Строка 98. *Съ зарания въ пятъкъ...* — В Ипатьевской летописи время указывается точнее: «Заутра же, пятьку наставшу, во обеднее время усретоша полкы половецькие» (см. Приложение). Это расхождение в фактах (сомнительно, чтобы это была поэтическая вольность), возможно, также говорит о том, что автор «Слова» не был участником похода Игоря, что он не знал летописного описания похода 1185 г., что летописная повесть была написана несколько позже «Слова о полку Игореве».

Строка 101. *...и па́волокы, и драгыя оксамиты.*— «Паволоки» — шелковые, грезетовые или полотняные ткани, «аксамиты» — ткани типа бархата и парчи.

Строка 102. *Орьтъма́ми, и япончи́цами, и кожухы́...* — «Орьтъма́»— толстое покрывало, покрышка кибитки, «япончи́ца» — накидка, длин-

ный и широкий плащ; «кожухы́» — верхние кафтаны на меху с короткими рукавами, обычно носилось «о́пашь», то есть внакидку.

Строка 103. *...узо́рочьи...* — драгоценные ткани с литыми, резными, ткаными и шитыми узорами, вообще драгоценные вещи (И. Срезневский).

Строка 105. *...чрьлена чолка...* — кисть из конского волоса, окрашенная червенью, подвешенная на шнурке к древку, оканчивающемуся шаром; «чолка» — знак власти.

...сребрено стружие... — См. далее стр. 371 — *дочеся стружиемъ злата стола Киевскаго.* Большинство комментаторов и переводчиков «стружие» переводят «древко». Считаю этот перевод совершенно неправильным. «Древко» — это часть копья, стяга или пики. Но почему же «стружие» в «Слове о полку Игореве» является самостоятельным военным трофеем? Каким образом мог Всеслав древком коснуться «злата стола Киевского», почему же не копьем? В «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия говорится: «Абие воины обуимше я биахут стружии». В «Хождении игумена Даниила» сказано: «Есть же распятие господне къ востоку лиць, есть же на камени высоко было, яко стружия выше». Из этих текстов явствует, что «стружие» было оружием, длинным копьем, а удлиненное тяжелое копье не что иное, как пика. (В «Этимологическом словаре» А. Г. Преображенского пика определяется как «долгомерное копье».) Пика — наименование не нового оружия, а новое название его. Что такой род копья имелся среди оружия IX—XIII вв., можно судить по работе А. Н. Кирпичникова «Древнерусское оружие» (Л., Наука, 1971, с. 66—67). Комментатор «Слова» Я. Малашев считал также: «Стружие — длинное копье, вроде казацких пик» (Слово о полку Игореве. М., 1871).

Строка 107. *...Ольгово хороброе гнездо...* — «Гнездо» в смысле — семья, сородичи, потомки. Все северские князья, участники похода, являлись потомками Олега Святославича («Гориславича»).

Строка 111. *...Кончакъ ему следъ править къ Дону великому.* — «Выражение «следъ править» относится к охотничьей терминологии. «След править» значит передвигаться друг за другом, след в след» (Шарлемань Н. В. Из реального комментария к «Слову о полку Игореве», т. VI. Л., ТОДРЛ АН СССР, 1948, с. 123). В «Слове о полку Игореве» Гза оказывается более свирепым хищником, и он во всех случаях упоминается на первом месте. Одним из значений слова «править» в древнерусском языке было «соблюдать». Например: «Последовав ученью их... и правило их правя» (Повесть временных лет, 1091). Автор «Слова» говорит здесь о том, что Гза с Кончаком отправились собирать войска против Игоря.

Строка 115. *...хотятъ прикрыти четыре солнца...* — В походе

участвовали: Игорь, его брат Всеволод, сын Игоря Владимир и племянник Игоря и Всеволода Святослав Ольгович Рыльский.

Строка 116. *...синии млънии.*— Слово «синий» в древнерусском языке могло употребляться в значении «сияющий», «яркий». «Вспомним «синие молнии» в сербском эпосе» (Черных П. Я. Очерк русской исторической лексикологии. М., Учпедгиз, 1956, с. 90).

Строка 120. *...ся...потручя́ти* (или *потручя́тися*). — В древнерусском языке «ся» — препозитивная частица, здесь она отделена от глагола существительным «саблями». В современном украинском языке сохранился этот глагол, значение его почти не изменилось: «тручати» — «толкать», «потручати» — «потолкать».

Строка 122. *...на реце на Каялé...*— Выражение «на реце Каялы» в Ипатьевской летописи (см. Приложение) ученые считают, среди других доказательств, свидетельством того, что автор летописной повести о походе Игоря хорошо знал «Слово о полку Игореве», так как название этой реки нигде более не упоминается. Слово «Каяла», повидимому, тюркского происхождения, «kajaly» значит «скалистая». Ученые уже полтора века пытаются определить, где находилась эта река и, стало быть, происходила в 1185 г. битва с половцами. Научную методологию исследования этого вопроса начал создавать в 1939 г. В. А. Афанасьев. Он правильно определил, что войска Игоря были конными. Он полагал, что они двигались со скоростю 42,5 км в сутки. Это дало ему возможность Каялой считать левый приток реки Донца реку Быструю. Работу В. А. Афанасьева продолжил К. В. Кудряшов. Он вслед за Н. В. Сибилевым пришел к выводу, что битва происходила у самого начала половецкой степи, всего лишь в 40 км от «Шеломени» (Кременной горы). Однако в своих исследованиях К. В. Кудряшов допустил ряд ошибок. Ориентиром для определения маршрута войск Игоря он стал считать речушку или ручей Сальницу (приток Донца), но установил он ее по «Книге Большому Чертежу» XVII в. В ней упоминается река Сальница в двух километрах севернее Шеломени. Между тем так могла называться любая река, причем, несомненно, большая, которая могла служить действительным ориентиром для летописца, так как в некоторых тюркских языках «сал» означает вообще всякий «приток» реки. Точка зрения К. В. Кудряшова была подвергнута обстоятельной критике Г. М. Глуховым в 1955 г. Наиболее вероятным местом битвы он считал местность, находящуюся южнее реки Быстрой на 50 км, отождествляя реку Быструю с рекой Сюурлием, упоминаемой в летописи. Сведения о походе мы имеем из летописных рассказов, «Истории Российской» В. Н. Татищева и «Слова о полку Игореве». Из рассказа Ипатьевской летописи ясно, что битва происходила вблизи реки Донца. Если исходить из указаний Ипатьевской летописи (и многочисленных других данных о передвижениях на конях), то

можно вычислить, что конные войска Игоря, даже двигаясь медленно, делали около 48 км в сутки и ехали от Путивля до Сальницы пятнадцать суток, а от реки Оскола (следовательно, и от Шеломени) до Сальницы — 5 суток. Реку Сальницу надо искать, приняв это во внимание.

Мы убеждаемся, внимательно изучая летопись, что именно летописную реку Сюурлий творец «Слова» называет Каялой. К этому выводу пришли автор этих строк (в 1968 г.) и акад. Б. А. Рыбаков. Замена одного названия другим является поэтическим приемом, характерным для стиля автора «Слова о полку Игореве». Слово «Каяла» благозвучнее слова «Сюурлий» и напоминает о глаголах «каяться», или «каять» (осуждать). Этот вывод подкрепляется текстом «Слова о полку Игореве» «Съ тоя же Каялы Святоплъкъ полелея отца своего» (стр. 154), где под «Каялой» подразумевается ручей «Канин» (см. ниже примеч. к стр. 148—152).

Учтя все вышесказанное, приходится, по-видимому, признать Каялой (летописным Сюурлием) реку, впадающую в реку Донец так же слева, как и река Быстрая, но севернее на 25 км, а именно реку Калитву. Это пока единственное предположение, остающееся в науке неопровергнутым. Топографические исследования на месте его подтверждают.

Строка 124. *Се ветри, Стрибожи внуци...* — Этими словами начинается второй раздел (глава, или поведание) первой части (сказания) «Слова». Стрибог — бог ветра в древнерусской мифологии, подчиненный богу Солнца. Направление ветра при стрельбе стрелами имело большое значение. Здесь ветер благоприятствует половцам.

Строка 125. *Земля ту́тнетъ...*— Глагол происходит от имени существительного «ту́тьнъ» — шум, грохот. «Земля гудит» от топота приближающихся огромных полчищ половцев.

Строки 125—126. *...рекы мутно текуть, по́роси поля прикрываютъ...* — «По́роси» — клубы пыли, мн. ч. от слова «порохъ» — «пыль». Все эти явления свидетельствуют о приближении огромного количества войска.

Строка 127. *...по́ловци и́дуть отъ До́на, и о́тъ моря...* — «Отъ моря» — со стороны Азовского моря (с юга).

Строка 129. *Дети бесови кликомъ поля прегородиша...*— Имеется в виду боевой клич половцев.

Строки 131—134. *Яръ Туре Всеволоде! Стоиши на борони, прыщеши на вои стрелами, гремлеши о шеломы мечи харалужными.*— Здесь описываются боевые действия полка, которым руководил Всеволод и который претерпевал особенно ожесточенный натиск со стороны половцев. Об этом свидетельствует выражение «мечи харалужными»,

стоящее во множественном числе, очевидно, подразумевается: «возглавляя борьбу полка».

...мечи харалужными. — «Харалуг» происходит от тюркского слова «каралык» — чернота (черная, вороненая сталь), следовательно, харалужный означает сделанный из стали особого рода закалки, при которой сталь приобретает синеватый налет, по метонимии означает «стальной», «булатный». «Монголизация тюркских слов дает право усмотреть здесь слово «каралук» с заменой **к** *(тюрк.)* на **х** *(монг.)*, то есть вороненая сталь» (Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства. М., Наука, 1970, с. 318—319).

Строка 137. *...шеломы оварьскыя...* — то есть аварские. Авары — народ тюркского происхождения. В середине VI в. многие славянские племена оказались под аварским игом. О жестокости ига обров (аваров) говорится в «Повести временных лет». Аварская держава была разгромлена в начале IX в. Карлом Великим, поэтому его имя стало у славян нарицательным. Уничтожена венграми в конце X в. В «Слове» говорится о потомках обров — аварах в Дагестане, слившихся с местным населением. Они выделывали добротные шлемы.

Строка 141. *...и своя милыя хоти, красныя Глебовны, свычая и обычая.* — Ольга Глебовна — жена Буй-Тура Всеволода; сестра упоминаемого ниже Владимира Глебовича, князя переяславского, дочь Глеба Юрьевича, брата Всеволода Большое Гнездо, к которому автор «Слова» обращается далее с призывом встать на защиту Русской земли (стр. 297—302). Образы русской женщины, «де́вицы» везде в «Слове о полку Игореве» фигурируют как символы мира и счастья (см. еще стр. 309—420, 482—484, 494—495) в противоположность образам женщин поэм XIII в. — скандинавской «Эдды» и германской «Песни о Нибелунгах».

Строка 143. *...минула лета Яро́славля...* — Имеется в виду правление великого князя Ярослава Мудрого (1019—1054).

Строки 144—146. *...были плъци Ольговы, Ольга Святьславличя. Тъй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше и стрелы по́ земли сеяше.*— Здесь говорится о походах Олега Святославича («Гориславича»), родоначальника черниговских Ольговичей, деда Игоря Святославича и Буй-Тура Всеволода, постоянного противника Владимира Мономаха. Имеются в виду следующие исторические события. Сын Ярослава Мудрого Изяслав, княживший в Киеве по праву старшинства, не пользовался любовью киевлян. Он был изгнан из Киева своими младшими братьями Святославом и Всеволодом. Святослав, князь черниговский, отец Олега, стал великим князем киевским, а Всеволод, отец Владимира Мономаха, — князем черниговским. В 1076 г. Святослав умер. Киевским князем стал Всеволод. В 1077 г. он выступил против Изяслава, находившегося в Польше. На Волыни братья встретились и заключили

мир. Всеволод уступил Киев Изяславу, вернувшись в Чернигов. В 1078 г. Олег, претендовавший на черниговское княжение, с ним Борис Вячеславич, не имеющий удела, призвав в союзники половцев, выступили против Всеволода. На реке Сожице произошло сражение, в котором половцы разбили войско Всеволода. Олег и Борис взяли Чернигов и полагали, что одержали окончательную победу. Но Всеволод отправился в Киев к Изяславу за помощью. Изяслав выступил в поход с сыном своим Ярополком, а Всеволод с Владимиром Мономахом — во главе большого войска. Они вошли в Чернигов, Олега и Бориса в то время в городе не было. Когда Олег и Борис со своими дружинами подошли к Чернигову, Олег, понимая, что им не одолеть в бою войск четырех князей, предложил послать просьбу о мире своим «стрыям» (дядьям), но Борис сказал: «Смотри, я готов, и против всех выйду». Далее в летописи («Повести временных лет») об этом сражении говорится: «И пошли они навстречу, и, встретившись у села на Нежатиной ниве, обе стороны пошли одна на другую, и был жестокий бой: первым убили Бориса Вячеславича, похвалившегося. Когда же Изяслав спешился, кто-то на коне подъехал к нему и поразил его копьем в плечо. Так убит был Изяслав Ярославич». Олег с остатками дружины бежал в Тмуторокань. Всеволод теперь сел на Киевский стол, а сына своего, Владимира Мономаха, посадил в Чернигове. В 1079 г. Олег с братом Романом Святославичем («красный» Роман) вновь привели половцев на Русь, но Всеволод заключил мир с половцами. При возвращении домой половцы убили Романа. Олег Святославич был захвачен в плен хазарами и выслан в Византию. Олегу удалось бежать из плена в Тмуторокань, и в 1094 г. он снова с половцами подошел к Чернигову. Владимир Мономах добровольно отдал ему Чернигов.

Строки 148—149. *...тъй же звон слыша давный великый Ярославль сын Всеволодъ, а Владимиръ по вся утра уши закладаше въ Чернигове...* — Смысл такой: прозорливый Всеволод прислушивается, внимательно наблюдает за действиями Олега Святославича. Его сын Владимир Мономах затыкает себе уши, то есть не хочет вмешиваться в эти события. В среде Ольговичей деятельность Владимира Мономаха, естественно, не находила должной достойной оценки.

Строки 150—151. *Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе́...* — «Слава» — здесь «похвальба», «на судъ» — «на суд божий», то есть на смерть: место боя — место решительной битвы — место смерти многих воинов. Ср. в «Задонщине» — «Пересвета чернца бранского боярина привели на судное место» (Синодальный список).

Строка 152. *...и на Канине зеле́ну па́поломy постла за обиду Олгову...* — Выражения «на Нежатиной ниве» и «на Канине» опреде-

ляют одну и ту же местность. Канин был речкой или ручьем к северу от Чернигова.

Строка 154. *Съ тоя же Каялы...* — Для осмысления этого выражения нет надобности в поправке слов «на Канине», как это иногда делается, на слова «на Каяле», так как автор «Слова» мог иносказательно назвать ручей Канин «той же Каялой». Название реки Каялы только что упомянуто (стр. 122), и это было достаточным основанием, чтобы говорить о Каяле как о чем-то знакомом. В. Ф. Ржига и С. К. Шамбинаго в своих комментариях совершенно правильно указывают: «Каяла здесь вообще в значении реки, на которой происходит ожесточенный бой русских с половцами».

Строки 154—155. *...Святоплъкъ полелея отца своего междю у́горьскими инохо́дьцы ко святей Софии къ Киеву.* — Из летописи известно, что труп отца Святополка и Ярополка, Изяслава, сопровождал в Киев для погребения Ярополк, а не Святополк, бывший тогда в Новгороде, но, возможно, по указанию и распоряжению Святополка.

Строка 156. *Тогда при Олзе Гориславличи...* — Гориславлич — игра слов, свойственная народному древнерусскому языку. Такого рода производные слова от слова «горе» встречаются в некоторых памятниках древнерусской литературы. Даниил Заточник в своем «Молении» воспроизводит поговорку: «кому ти есть Переяславль, а мне Гориславль». Прозвище «Гориславич» давалось иногда и другим злосчастным князьям. В этом отчестве выражено не столько осуждение Олега, сколько сожаление о нем.

Строки 157—158. *...сеяшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Даждьбожа внука...* — В этом предложении слово «жизнь» означает «владения», «достояние» Даждьбожьего внука, то есть Русская земля. Это место «Слова» нашло отражение в приписке, сделанной в псковском «Апостоле» 1307 г., хранящемся в Историческом музее в Москве: «Сего же лета бысть бой на Руськой земли. Михаилъ с Юрьемь о княженье Новгородьское. При сих князехъ сеяшется и ростяше усобицами, гыняше жизнь наша, въ князехъ которы, и веци скоротишася человекомъ».

...Даждьбожа внука... — Даждьбог — один из важнейших богов славянского языческого пантеона, бог солнца. Даждьбожьим внуком называется здесь русский народ. Далее имеется форма «Дажьбожа» (стр. 192). Первый корень этого слова тот же, что в немецком языке Tag — «день». В древнерусском языке встречаются обе формы, вторая является более древней. В XII в., следовательно, еще сохранилась древняя форма, вытеснявшаяся новой «Даждьбог» под влиянием церковнославянского слова «даждь» — «дай».

Строки 165—166. *То было въ ты рати и въ ты плъкы, а сицеи рати не слышано.* — Слова «не слышано» — говорят о том, что с собы-

тиями русской истории громадное большинство людей XII в., в том числе и автор «Слова», знакомились не по летописям, а по преданиям и устным рассказам. Данная формула была обычной у народов Восточной Европы уже в VI в., ср.: «О подобном бое никогда до сих пор не рассказывала никакая древность...» или «Едва ли кто в силах припомнить побоище, подобное тому...» (Готский историк VI в. Иордан. «О происхождении и деяниях Гетов»).

Строка 176. *Что ми шумить, что ми звенить...* — «Ми» — дательный падеж ед. ч. местоимения «азъ» — «я». Значение местоимений в дательном падеже в этой функции стирается до значения определительной частицы, поэтому правильный перевод здесь: «Что там шумит...?» или просто «Что шумит..?» (см. в тексте «Слова» также стр. 61,62).

Строки 178—179. *Игорь плъкы заворочáетъ, жаль бо ему мúла брата Всеволода!* — Эти строки «Слова о полку Игореве» соответствуют летописному сообщению (см. Приложение): Игорь поскакал вслед за побежавшими с поля сражения наемными войсками ковýев, чтобы их вернуть, оказался один, и был взят в плен. Брата пожалел он, будучи уже захваченным в плен.

Строки 183—187. *...ту кроваваго вина недостá, ту пиръ докóнчаша храбрии русичи: сваты попоиша, а сами полегоша зá землю Рускую.*— Сравнение битвы с пиром нередко встречается в устной народной поэзии.

Строка 188. *Нúчить трава жáлощами...* — «Жалóщами» — творительный падеж мн. ч. именительного падежа мн. ч. существительного «жáлощи», употребленного в функции наречия в значении «от жалости». Ср. также творительный падеж ед. ч. существительного: «мыслию» в строке 7, 298, 428 (но не в 207), употребленный как наречие «мысленно».

Строка 191. *...уже пустыни силу прикрыла!* (см. также стр. 192: «въ силахъ Дажьбожа внука»...) — Имеется в виду русская сила, русские воины, полки. Словом «пустыни» (архаическая форма имени существительного именительного падежа ед. ч. женск. р.) обозначаются здесь кочевники. Этим словам предшествуют слова «Уже бо, братие, невеселая година настала», которыми начинается плач о родине (третий раздел, поведание первой части, стр. 190—238).

Строки 192—195. *Въстала обида въ силахъ Дажьбожа внука, вступила девою нá землю Трояню, въсплескала лебедиными крылы на синемъ море у Дону; плещучи, упудú жúрня времена.* — Почти всеми учеными принимается поправка А. Потебни «упуди» (в первом издании «убуди»), что означает «прогнала». «Жирня» — счастливые, обильные. Многие филологи сопоставляют это место с причитаниями. В причитаниях слово «обида» по значению близко к слову «беда», «горе»,

здесь же это слово имеет значение «вражда», «ссора», «раздор».

Восстает она «въ силах Дажьбожа внука», то есть внутри них. Таким образом, беда возникает вследствие раздоров, именно из-за этого вступает она «на землю Трояню», что означает, как следует из контекста (и из других упоминаний в «Слове» имени Трояна), на бывшую русскую землю у моря.

Дева-Обида — злое божество, враждебное «силам Дажьбожа внука», то есть русским княжеским дружинам и полкам. Плещет она своими крыльями «на синемъ море у Дону», то есть там, откуда идет враг. Акад. А. С. Орлов пишет: «Дева, девушка с птичьими, чаще всего с лебедиными крыльями, которые она может снять на время и снятые (например, при купанье) утрачивает, — образ мировой поэзии саг, песен и сказок» (Орлов А. С. Слово о полку Игореве. 2-е изд. М., АН СССР, 1946, с. 112). Буслаев указывает: «Немецкое предание как эльфам, так и валькириям приписывает лебединые сорочки... эти божества по преимуществу вели жизнь воинственную и вместе с собой приносили войну...» (Буслаев Ф. И. О сродстве славянских вил, русалок, и полудниц с немецкими эльфами и валькириями. — Русская народная поэзия. Спб., 1861, с. 235).

Строки 196—197. *Усобица княземъ на поганыя погыбе, рекóста бо братъ брату: «Се мое, а тó мое же!»* — Слово «усобица» означает не только «междоусобие», но и «война», «борьба» (см. также стр. 10). «Княземъ» — дательный падеж принадлежности (dativus possessivus). См. строки текста 159, 264. «Погыбе» — прошедшее совершенное время (аорист) от глагола «погы (б) нути», имеющего в данном случае значение «прекратиться». Причины прекращения походов князей на «поганых» здесь ясно указываются автором «Слова». Он говорит не об отдельных неудачах, а об общем ходе войны против половцев.

Строки 203—205. *За нимъ кликну Карна, и Жля поскочи́ по Руской земли, смагу мычючи въ пламяне рóзе.*— «Карна», или «Карьна», происходит от глагола «карити» — оплакивать умерших. Карна, — говорит известный исследователь «Слова о полку Игореве» Е. В. Барсов, — «вопленица, жрица смерти, кличущая клич победный». Жля, Жьля (или Желя) — «вестница мертвых, разносящая весть и погребальный пепел о павшем Игоревом войске. Вопленица вступала в свои права тотчас же по смерти покойника, Желя же заканчивала погребальный ритуал, разнося сетование по родным и знакомым, вместе с погребальным пеплом» (Барсов Е. В. Указ. соч., т. III, 1890, с. 271). «Смага» — жар, огонь горящие угли. «Рогъ» — здесь, очевидно, не турий рог, который сгорел бы, а специальный пылающий обрядовый сосуд, напоминающий видом рог.

Строка 210. *...а злата и сребра ни мало того потрепати.* — Здесь говорится о золотых и серебряных женских украшениях. Глагол «по-

трепати» имеет здесь значение «потрогать», «подержать бережно в руках».

Строки 211—212. *А въстона бо, братие, Киевъ тугóю, а Черниговъ напáстьми...* — Имеются в виду нападения половцев после поражения Игоря. Д. С. Лихачев указывает: «Автор «Слова»... очень точен в выборе выражений. Чернигов, чьи князья потерпели поражение, страдал от «напастей». Киев же «восстонал» только тоскою. Киевская земля не подверглась каким-либо реальным бедствиям» (Лихачев Д. С. Указ соч., с. 421).

Строки 215—216. *А князи сами на себе крамолу коваху, а погании сами победами нарищуще на Рускую землю...* (см. также строки 198—200). — Здесь поэтически, в рефрене, автор отмечает основную беду Руси XII в. — феодальные распри князей, из-за которых половцы могли вторгаться в русские земли. Слово «победа» в древнерусском языке имело и значение «войны» и «беды», об этом говорит постоянный в причитаниях эпитет «победная», то есть «бедная», например:

от крепка сна меня тут разбудили
и в потай мне-ка победной говорили...

Строка 217. *...éмляху дань по беле отъ двора.* — «Бела» — мелкая денежная единица, называлась иногда также «векшей». Название возникло в те времена, когда меновой единицей являлась шкурка белки, стоимостью равнявшаяся 1/30 ногаты (см. примеч. к стр. 300). «Автор «Слова» хочет сказать, — говорит Д. С. Лихачев, — что ...русские близки к утере своей независимости» (Лихачев Д. С. Указ. соч., с. 421).

Строки 219—221. *...Игорь и Всеволодъ, уже лжу убудиста которóю; ту бяше успилъ отецъ ихъ Святъславь...* — Словом «лжа» обозначаются половцы, их «кривда». «Которá» — распря, раздор, разлад, спор, ссора, вражда, а также усобица (см. примеч. к стр. 195). «Котора» (здесь «самовольство») Игоря и Всеволода «заключалась в том, что они не подчинились своему «отцу», то есть феодальному главе, Святославу. Своим неподчинением они дали разбить свои слабые, малочисленные дружины половцам и пробудили их «лжу» — позволили им... новыми набегами разорять Русскую землю» (Лихачев Д. С. Указ. соч., с. 421).

Строка 221. *...отецъ ихъ Святъславь грозный великый Киевскый...* — Святослав Всеволодович (киевский князь в 1176—1194 гг.) был одним из выдающихся князей своего времени. Ему пришлось быть князем в те времена, когда Киев приходил в упадок, когда сложился новый центр на севере Руси — Владимиро-Суздальское княжество, во главе которого стал могущественный великий князь Всеволод Юрьевич (см. ниже примеч. к стр. 297). Князем в Киеве Святослав стал по догово-

ренности с Рюриком Ростиславичем из рода Мономаховичей, который уступив ему Киев, оставил за собой власть над Киевской землей. Таким образом, фактически Святослав не был великим, грозным князем. Святослав был двоюродным братом Игорю и Всеволоду, но отношения его к ним были близкими, отеческими. Автор «Слова», как патриот Руси XII в., является сторонником могущества власти киевского князя. В его могуществе видит он спасение Руси, отсюда в «Слове» эпитеты, характеризующие князя Святослава («отец их», «грозный», «великий»).

Строки 221—222. *...ту бяше успилъ... грозою, бяшеть притрепеталъ своими сильными плъкы и харалужными мечи...* — «Успилъ» означает не только «усыпил», «успокоил», но и «усмирил». «Притрепеталъ» — «устрашил»; в грамматическом отношении здесь интересен случай употребления плюсквамперфекта (предпрошедшего времени).

Строки 227—228. *...а поганаго Кобяка изъ луку моря отъ железныхъ великихъ плъковъ Половецкихъ яко вихръ выторже...*— В 1184 г. Святослав и Рюрик предприняли поход против половцев, собрав князей переяславского, волынских, смоленских, туровских. У местности Угол (на р. Ерели) князь переяславский Владимир Глебович был окружен отрядами хана Кобяка Карлыевича. Переяславцам угрожала опасность, но в это время подоспели передовые рати Святослава и Рюрика, и половцы потерпели поражение. Князья взяли 7000 пленных, в том числе хана Кобяка с его двумя сыновьями, которых привезли в Киев ко двору Святослава. Выражение «изъ луку моря», то есть с берегов Лукоморья (залив Азовского моря), является поэтической гиперболой.

Строки 229—230. *...и падеся Кобякъ въ граде Киеве въ гриднице Святъславли.* — «Гридница» — большое нежилое помещение, пристройка ко дворцу князя, где помещалась «гридь», стража князя. В гриднице могло находиться свыше 400 человек. В ней князь устраивал торжественные пиры и приемы. Именно здесь могли звучать песни Бояна. Гридница служила также тюрьмой для знатных лиц, в чем-либо провинившихся, или знатных военнопленных.

Строки 231—235. *Ту немци и венедици, ту греци и морава поютъ славу Святъславлю, кають князя Игоря, иже погрузи жиръ во дне Каялы...* — Отмечаемый автором «Слова» отклик западноевропейских народов на походы Святослава и Игоря является гиперболой, возвеличивающей значение этих походов. «Ту» — «тут», «там»; может иметь и временное значение «тогда».

Строка 239. *А Святъславь мутенъ сонъ виде...*— Сном Святослава начинается вторая часть «Слова о полку Игореве». Пересказ снов, их толкование, их символика — область фольклора. В древности предполагалось, что в снах открывается будущее или уже свершившееся с

кем-либо из родственников, находящимся в отдалении. Во сне Святославу в образах-сновидениях открывается беда, постигшая Игоря, поэтому сон Святослава мрачный, печальный. Согласно летописному рассказу, известие о поражении Игоря Святослав впервые услышал не в Киеве, а в Чернигове, на пути из Карачева, где он набирал войско, рассчитывая идти в поход против половцев (см. Приложение).

Строка 240. *...одевахуть мя, рече, чръною папо́ломою на кроваты тисове...* — Употреблением неопределенно-личных предложений создается загадочная, таинственная обстановка сна. Какие-то неясные фигуры ухаживают за Святославом. В них можно угадать Игоря и Всеволода. Они покрывают его «черною паполомою», что символизирует большое горе. «Тис» — хвойное дерево, дающее твердую и красивую древесину.

Строка 242. *...сыпахуть ми тъщими тулы поганыхъ тълко́винъ великый женчюгь на лоно и не́гуютъ мя.* — «Толковины» — «те степняки, которые под именем «своих поганых» (торки, берендеи, ковуи и т. д.) садились в пределах русских княжеств, служа русским — и союзниками против «диких» по́ловцев, и переводчиками» (Лихачев Д. С. Указ. соч., с. 425). Видеть жемчуг во сне означало проливать слезы. «Тулы» — колчаны, опустошены, видимо, потому, что стрелы из них расстреляны в бою. Известно, что ковýи («толковины») первыми побежали в битве 1185 г., Игорь пытался их остановить и попал в плен. «Не́гуютъ» — нежат, ласкают, здесь в значении «обряжают» (покойника).

Строка 243. *Уже дьскы безъ кнеса въ моемъ тереме злато́връ́семъ!* — «Кнесъ» — гребень в крыше дворца, в поэтическом переводе указано более выразительное «матица». Доски в потолке терема Святослава без поддерживающего их гребня являются образом самовольства князей, Игоря и Всеволода. Княжеский дом Святослава вследствие их несвоевременного похода лишился князей, которые попали в плен.

Строка 244. *...Всю нощь съ вечера бо́суви врани възгра́яху у Плесньска на болони...* — Карканье во́ронов, которое слышит во сне Святослав, предвещает несчастье Киеву. «Бо́суви» (см. также стр. 438. *...и скочи́ съ него бо́сымъ влъкомъ),* «босуви врани» — таинственные, волшебные (вещие) во́роны (в древнерусском языке «босъ» — дьявол).

...у Плесньска на болони... — «Болонью» называлось низкое место, низина, заливной луг, пространство между двумя городскими валами. Где была местность «Плеснеск», неясно, скорее всего, название ее происходит от названия речки Плесны (С. И. Котков). Речек с таким названием было много, одна из них, возможно, была где-то около Путивля.

Строки 245—246. *...беша дебри Кисани и несошася къ синему морю».* — Такое название дебрей и ущелий сохранилось в Карпатах, корень слова «кыс» означает «сырой», «гнилой». В тексте «Слова о полку Игореве» смысл этого выражения, вероятно, другой. Несомненно, правильны соображения П. Вяземского, который связывает это слово с сербским словом «кисанье» — «возбуждение плача». Слова «дебри Кисани», говорит он, связаны с библейской «долиной слез». Близкое ему выражение Berg des Trübsals («скала горести, бедствий») встречается у Вольфрама Эшенбаха в поэмах «Парсиваль» и «Титурель». Оно было очень распространено в средние века среди народов Европы. В 1176 г., например, оно зафиксировано в словах греческого солдата («долина слез или адские пропасти») (Вяземский П. Замечания на «Слово о полку Игореве». Спб., 1875, с. 275). Во́роны летят к синему морю — то есть туда, откуда должно прийти несчастье, со стороны кочевников — половцев.

Строка 249. *...се бо два сокола слетеста съ отня стола злата...* — В соответствии с символикой сна Святослава бояре иносказательно рассказывают Святославу о случившемся и тем самым толкуют его сон. «Два сокола» — Игорь и Всеволод.

Строки 250—251. *...поискати града Тьмутороканя, а любо испити шеломомь Дону.* — Упоминание Тмуторокани не следует здесь рассматривать как указание на реальную цель похода Игоря. Игорь сам не упоминает о Тмуторокани. В устах бояр возможная цель похода Игоря указана гиперболически, в соответствии со словами Святослава о том, что во́роны понеслись к синему морю. У черниговских князей сохранилось лишь воспоминание о том, что еще их дед Олег Святославич владел Тмутороканью.

Строка 253. *...опуташа въ пу́тины железны.* — На ловчую птицу (сокола, ястреба) надевается колечко из кожи, которое охотники называют «опутенкой». Этот вид охоты перешел в Киевскую Русь из Индии. До сих пор эта охота сохранилась в Киргизской ССР.

Строка 254. *Темно бо бе въ третий день...* — Здесь, как и в предыдущих строках, иносказательно говорится о битве и о ее трагическом конце. Ср. стр. 180—181: «Бишася день, бишася другы́й, третьяго дни къ полу́днию падоша стязи Игоревы...»

...два солнца поме́ркоста. — Здесь иносказательно говорится о взятии Игоря и Всеволода в плен.

Строка 256. *...и съ нима молодая месяца. Олегъ и Святъславъ, тьмою ся поволоко́ста...* — Олег (р. 1174 г.) и Святослав (р. 1176 г.) — сыновья князя Игоря. В связи с пленением князя Игоря и возможной его гибелью судьба младших его сыновей «заволакивалась тьмой». По-видимому, вся эта строка является позднейшей вставкой, так как далее текст явно относится к «двум солнцам», то есть к Игорю и

Всеволоду (см. стр. 257—258). Впрочем, подобные перестановки вообще характерная особенность авторского текста «Слова о полку Игореве». Ср. стр. 102—103, 150—153.

Строки 257—258. *...и въ море ся погрузи́ста, и великое буйство подаста хинови...* — Слово «море» в тексте в первых двух частях его встречается семь раз с постепенно нарастающей эмоциональной нагрузкой, и в данном месте эмоциональная сторона этого слова достигает кульминации. В слове «хинова» запечатлелось наименование гуннов, пришедших в IV в. с границ Китая. Как собирательное, наименование это перешло на различные кочевые народы, пришедшие с Востока, из них особенно известны были русским в XII в. половцы. Автор «Слова», должно быть в целях гиперболизации, сознательно называет половцев гуннами («хиновой»).

Строка 259. *На реце на Каяле́ тьма светъ покрыла...* — Здесь мы видим явно фольклорного характера повторение предлога. Русь, русичи, культура Киевской Руси понимается автором как «свет», который противопоставлен «тьме» — половцам.

Строка 260. *...по Руской земли простро́шася половци, аки пардуже гнездо.* — «Пардусы» — барсы, они не охотятся стаями, а в одиночку, в паре или «гнездом». Обитали они в горах Кавказа. Из летописей и «Слова о полку Игореве» можно заключить о значительных связях Киевской Руси с кавказскими народами, особенно до XII в. Память об этих связях, да и сами связи, очевидно, сохранялись еще и в XII в.

Строки 261—263. *Уже снесеся хула на хвалу, уже тресну ну́жда на волю, уже вр́ъжеса Дивь на́ землю.* — Такое строение предложения — синтаксический параллелизм, двух-, трех-, четырехчленный,— неоднократно встречается в «Слове». В первой части каждого члена символизируются половцы, во второй — Русь. Отсюда ясно, что слово «Див» является олицетворением половцев, «земля» — Русская земля.

Строки 264—265. *Се бо Готския красныя девы въспеша на брезе синему морю, звоня рускымъ златомъ...* — Часть восточных готов поселилась на берегах Черного и Азовского морей во II в. н. э. Они попали в вассальную зависимость от половцев и являлись их союзниками в войнах. По мнению автора «Слова», готы были заинтересованы в победах половцев над русскими, часть добычи которых попадала им в руки.

Строки 266—267. *...поютъ время Бу́сово, лелеютъ месть Шароканю.* — С 30-х гг. в советской науке утвердилось мнение, что под *Бусом* следует понимать Божа, одного из князей предков восточных славян-антов, который героически и победоносно сражался с готами, но в 375 г. был побежден готским королем Винитаром. Он, его сыновья и 70 знатных антов были взяты в плен и казнены. Забыта почти вся история восточных славян, антов-руссов IV—VIII вв., но предания

о героической борьбе и деяниях переживают века. *Шарукан* — половецкий князь, отец хана Отрока (или Артыка), отца Кончака. Владимир Мономах заставил бежать Отрока из родных степей на Кавказ. Ханы Шарукан и Боняк потерпели сокрушительное поражение в 1107 г. от соединенных русских войск. С поражением Игоря перед Кончаком открылась возможность отомстить за отца, деда и хана Боняка. Вот отчего готские девы «лелеютъ месть Шароканю» (это говорит и о долгой исторической памяти народов, сохранявшейся в изустных рассказах).

Строка 271. *...сыновчя* — от «сыновець» — племянник. Хотя Игорь и Всеволод были двоюродными братьями Святослава, он их называет племянниками, как старший в роде Ольговичей. В летописи Святослав Игоря называет братом.

Строка 272. *Рано еста начала Половецкую землю мечи́ цве́лити...* — «Рано», то есть преждевременно, не дождавшись Святослава.

Строка 274. *...не́честно одолесте...* — то есть бесславно победили половцев в первом сражении, так как действовали «утаившеся его» (Святослава), и вследствие этого потерпели затем поражение.

Строка 276. *Ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузе скована...* — Здесь метафора, в которой «храбрая сердца» Игоря и Всеволода уподобляются крепостью мечам и их изготовлению. На стальной стержень наваривалась высококачественная сталь, из которой изготовлялись режущие части меча. Слова «въ жестоцемъ харалузе скована» означают «в крепкий булат закованы». Длительное прочное сохранение предлогами значений помогает также и в данном случае точнее понять текст. См. выше примеч. к стр. 243.

Строка 279. *А уже не вижду власти сильнаго, и богатаго, и многово́и брата моего Ярослава...* — Ярослав Всеволодович, черниговский князь, младший брат Святослава. Был его помощником в походах. Но в 1184 г., вместо того чтобы присоединиться к походу против половцев, отговаривает Святослава от этого похода. В феврале 1185 г. Кончак предлагает Ярославу союз, и Ярослав отказывается открыто выступить против Кончака. Игорю, однако, он дает два полка кову́ев для участия в походе. Автор «Слова», как это видно из текста «Слова о полку Игореве», относился отрицательно к Ярославу. Под словом «власть» понимается праведная, разумная власть князя, пользуясь которой он должен прежде всего участвовать в защите всей Руси от смертельного ее врага. Вот этой-то власти Ярослава Святослав и не видит (ср. архаические значения слов в языках литовском — valdýti — «направлять», а также во всех древнегерманских языках: готском, древнесаксонском — waldan, англосаксонском — wealdan — «управлять»). При наличии разумной власти Ярослава он должен был бы подчиняться как вассал Святославу и оказывать ему как сюзерену

всемерную помощь. Но этот порядок, феодальная этика нарушены Ярославом. Далее следует в тексте перечисление войск Ярослава: вот с какими войсками должны были бы князья выступить в поход летом 1185 г. Демократизм автора сказывается в том, что он отдает должное «топча́кам, реву́гам и о́льберам», которые храбры и этим сильны, хранят честь и славу своих предков. Над такими-то воинами и нет надлежащей власти (управления).

Строки 280—282. *...съ черниговьскими былями, съ могу́ты, и съ та́траны, и съ ше́льбиры; и съ топча́кы, и съ реву́гы, и съ о́льберы...* — Развивая идею тюрколога проф. С. Е. Малова, можно предположить в этих строках перечисление титулов и разрядов, точнее, прозвищ, служивших русским отрядов воинов из тюрков, которые в тексте «Слова» расположены по нисходящему их значению, причем в первых двух строках перечислены титулы (первые четыре наименования), а в последней — прозвища отрядов воинов.

Строки 283—284. *...ти́и бо бес щитовь съ засапожникы кликомъ плъкы побеждаютъ...* — «Засапожники» — боевые ножи с кривым клинком, которые воины носили за голенищами. Очевидно, что эта характеристика не относится к знатным «былям», «могутам» и др., а лишь к «топчакам», «ревугам» и «ольберам».

Строка 285. *...звóнячи въ прадеднюю славу.* — Эта строка перекликается со строкой (46) из вступления — «свивая славы обаполы сего времени». Ср. стр. 351 — «притрепа́ славу деду своему Всеславу», а также стр. 363 — «уже бо выскочисте изъ дедней славе». Это обычные формулы, известные народам Восточной Европы еще в VI в., ср.: «Подражая доблести деда своего»... (Иордан. Указ. соч.).

Строка 287. *...преднюю славу сами похитимъ, а заднюю си сами поделимъ!...* — «Преднюю славу» — будущую; «заднюю си», то есть «прежнюю», «известную». Этой похвальбе князей поделить прежнюю славу противопоставляется боевая отвага простых воинов Ярослава, которые на поле брани без самохвальства «звонят в прадедову славу».

Строки 289—291. *Коли соколъ въ мытехъ бываетъ, высоко́ птицъ възбиваетъ, не дастъ гнезда своего въ обиду.* — «Мыть», или «мыт»,— линька, ежегодная смена перьев у соколов. Неоднократное линяние характеризует зрелость и связанную с ней охотничью опытность сокола. Некоторые ученые, в том числе зоолог Н. В. Шарлемань, в 1949 г. внесли путаницу в понимание выражения «въ мытехъ», не обратив внимания на множественное число существительного. Автор «Слова» имел в виду не период линьки, когда сокол слабеет, «отсиживается в гнезде» (О. Сулейменов, а также О. Творогов и Р. Якобсон), а как правильно указал С. К. Шамбинаго еще в 1912 г. — «не в первый раз линяет, сокол — старый» (Шамбинаго С. К. Слово о полку Игореве. М., «Универсальн. б-ка», 1912, с. 65). «Закогтить» птицу сокол

может только на лету, опускаясь камнем с большой высоты на летящую ниже птицу. При этом и птица должна лететь достаточно высоко, иначе сокол, по инерции пролетая дальше с добычей вниз, ударится о землю. Поэтому сокол при нападении старается загнать птиц возможно выше. Вот отчего опытный сокол «высоко птицъ възбиваетъ». В этих охотничьих картинах изображена роль великого князя Святослава, пекущегося о всей Русской земле, как сокол о гнезде. Ср. выше (стр. 278): «Се ли створисте моей сребреней седине?»

Строка 292. *Нъ се зло: княже ми непособие...* — Здесь имеется в виду общая рознь князей, но прежде всего действия двух из них: Ярослава Черниговского и Давыда Ростиславича, князя смоленского (см. примеч. к стр. 302), а также, конечно, Игоря и Всеволода.

Строка 293. *...наниче ся годины обратиша!»* — «Наниче» — наизнанку, переносное значение «худой стороной». Этими словами кончается Золотое слово Святослава. Следующее за ним горестное восклицание о городе Римове и князе Владимире Переяславском провозглашается самим автором «Слова».

Строки 294—295. *Се у Римъ кричатъ подъ саблями половецкими, а Володимиръ подъ ранами...* — «У Римъ» — в городе Римове, или «в Римах», — город в нижнем течении реки Сулы. Уничтожив дружины Игоря, ханы Гза и Кончак решили, что настал момент совершить поход на русские земли. Гза считал, что всего выгоднее совершить поход на ослабленное Северское княжество, и уговаривал Кончака пойти вместе с ним. Кончак, стремясь отомстить за своего деда Шарукана и за своего отца хана Артыка, решил действовать не против черниговских князей (с которыми он стремился сохранить дружественные отношения), а против Киева и направился на Переяславль. Войска Гзы не смогли взять Путивль и разорили Посемье. Кончак осадил Переяславль; в вылазке против половцев был ранен тремя копьями переяславский князь Владимир. Узнав о приближении на помощь Владимиру князей Святослава и Рюрика Ростиславича, половцы отступили от Переяславля и осадили Римов, разграбив затем его до основания и захватив большинство жителей в плен. Именно эти события послужили для автора непосредственным толчком к написанию «Слова». Чувства и мысли, возбужденные этими горестными для Руси событиями, поэтически претворенные, легли в его основу. Возглас о судьбе города Римова и князе Владимире Переяславском является композиционным центром всего «Слова о полку Игореве» наряду с рассказом бояр и Золотым словом Святослава.

Строка 296. *...туга и тоска сыну Глебову!* — Владимир Глебович Переяславский, внук Юрия Долгорукого, правнук Владимира Мономаха, брат жены Буй-Тура Всеволода, Ольги Глебовны. Летопись дает ему самую высокую оценку, отмечая его воинскую доблесть, любовь к

дружине, бескорыстие. Владимир, раненный в мае 1185 г., долго страдал от ран и умер 18 апреля 1187 г., «оплакиваемый всеми переяславцами», как сообщает летопись. Это важная дата для определения срока написания «Слова». Оно было написано, как это ясно из текста, после ранения Владимира и разорения города Римова, при жизни Владимира Глебовича.

Строка 297. *Великый княже Всеволоде!* — Всеволод III — князь владимиро-суздальский (1176—1212) по позднейшему прозвищу «Большое Гнездо». Первым из владимирских князей принял титул великого князя. Один из самых могущественных князей, современных автору «Слова», влияние его распространялось на Рязанскую и Новгородскую земли. Всеволод III приходился Игорю Святославичу четвероюродным братом и принадлежал, стало быть, к тому же колену рода.

Строка 298. *Не мыслию ти прелетети издалеча отня злата стола поблюсти!* — Ошибочный перевод этого предложения в первом издании («Почто не помыслишь ты?..») оказал влияние на большинство исследователей, которые стали думать, что текст здесь испорчен. Предлагался ряд конъектур (поправок текста). Правильно поняли это место лишь М. Максимович («Не мыслию тебе прилететь...») и О. Огоновский («Не думкою тільки тобі перелетіти...»). Но их переводы были забыты. В. Келтуяла, С. Шамбинаго, В. Ржига приняли конъектуру «Не мыслию ль ти прелетети?..», видя здесь вопросительное предложение. Но при этой поправке грамматически не обоснованным остается перевод «Не думаешь ли ты прилететь издалека?..». А. С. Орлов, не принимая поправки, переводит: «Неужели и мыслью тебе не перелететь издалека?» В первом переводе остается произвольным перевод слова «мыслию» глагольной формой, а в переводе А. С. Орлова неубедительной остается вопросительная форма и произвольное перенесение отрицания. В подлиннике отрицается слово «мыслию», а не слово «прелетети». Между тем здесь мы имеем безлично-инфинитивное предложение со значением сильного желания и с дательным «ти» при инфинитиве (ср. «начати же ся тъй песни...» и др.). При таком понимании текст становится совершенно ясным и надобность в поправках отпадает. Перевожу: «Не мыслию (лишь) прилететь бы тебе издалека...» Несомненно также, что в обращении к Всеволоду, как и к некоторым другим могущественным князьям, не могло заключаться никакого упрека и тем более оно не могло начинаться с упрека. Как равно обращение к князьям и не может начинаться с вопроса. Естественно, что автор начинает обращение с почтительного, но энергического утверждения. Автор не может упрекать Всеволода, что он пренебрегает княжеским престолом своего отца, половецкой опасностью и тем самым судьбами Руси. Автор не сомневается, что думы Всеволода простираются и на Киев и Киевскую землю. Но он при-

зывает его к действию, прибыть с войском самому для борьбы с половцами (хотя это могло угрожать Киеву разорением, если бы это действительно произошло). Титулование Всеволода великим князем, признание Киева его «отним столом» со стороны автора естественны, хотя напоминание об этом вряд ли было приятно Святославу Киевскому. Отец Всеволода Юрий Долгорукий (основатель города Москвы) всю жизнь добивался Киева. Вел ожесточенную борьбу со своим племянником Изяславом Мстиславичем (умер в 1154 г.) за Киев, окончательно утвердился в Киеве в 1155 г., умер в 1157 г. Призыв к Всеволоду самому прибыть в Киев с войсками не мог исходить от Святослава, так как это могло иметь неожиданные неприятные последствия для него. Благодаря этому призыву автор обрисовывается как человек, который смотрел с идеальной точки зрения на княжескую власть.

Строка 299. *Ты бо можеши Волгу весли́ раскропи́ти, а Донъ шеломы выльяти!* — Гиперболическое изображение могущества князя: у него так много воинов, что они могли бы своими шлемами вычерпать Дон, а Волгу расплескать своими веслами.

Строка 300. *Аже бы ты былъ, то была бы чага́ по нога́те, а кощей по ре́зане!* — Смысл предложения такой: если б Всеволод принял участие в походе против половцев, то столько бы взяли половцев в плен, что невольница стоила бы одну ногату, а невольник (прислужник при обозе, вьючник) только одну резану, то есть баснословно дешево. В Новгородской летописи (по Синодальному списку) есть указание на то, что после разгрома суздальских войск новгородцами невольники были очень дешевы: «купляху суждальць по 2 ногате» (в дороговизну кадь ржи стоила 2 ногаты). «Ногата» и «резана» — названия денежных единиц. В XII в. имели хождение иноземные монеты, восточные дирхемы, называемые на Руси кунами (от лат. cuneus — кованый) и ногатами (от араб. «нагд» — хорошая, отборная монета). Местной счетно-денежной единицей была гривна серебра, ее название происходит от шейного серебряного обруча (гривны), имевшего устойчивый вес около 200 гр. Эти украшения в торговом обращении были заменены серебряными плитками. Гривна серебра равноценна была в конце XII в. четырем гривнам кун, гривна кун соответствовала 20 ногатам, 50 кунам или 100 резанам. Название резаны, должно быть, происходит от глагола «резать» и обозначало разрубленные пополам дирхемы (куны). По «Русской Правде» обычная цена холопа равнялась 5 гривнам кун, то есть 100 ногатам.

Строки 301—302. *Ты бо можеши по́суху живыми шереширы стреляти, удалыми сыны Глебовы!* — Так образно автором «Слова» выражена зависимость рязанских князей от Всеволода. «Шереширы» представляли собой сделанные из железа продолговатые трубки, внутренность которых наполнялась горючим составом; трубки эти в качестве

метательного снаряда бросали при помощи самострелов-катапульт на врагов.

Строка 303. *Ты, буй Рюриче, и Давыде!* — После обращения к Всеволоду автор «Слова» обращается с призывом к Рюрику, который, несмотря на победу, уступил Киевское великое княжение Святославу как старшему в роде, а сам фактически владел всей Киевской землей. Автор «Слова» обращается к Рюрику и Давыду одновременно, так как Давыд — брат Рюрика и князь одного из самых значительных княжеств Киевской Руси, а именно Смоленского, а также потому, что они совместно участвовали в победоносном походе 1184 г. Во время осады Переяславля, после битвы 1185 г., Владимир Глебович просил помощи у Святослава, Рюрика и Давыда, к Давыду обращался за помощью и Святослав. Давыд же отговорился нежеланием дружинников идти в новый поход (см. стр. 292: «Нъ се зло: княже ми непособие» и стр. 398: «...нъ розьно ся имъ хоботы пашутъ...»). Обращаясь к Рюрику и Давыду одновременно, автор «Слова» принижает Рюрика. Дело здесь в авторских идеалах единения Руси, в такте поэта и в его стремлении сохранить художественную целостность поэмы, в центре которой стоит гиперболизированная величавая фигура князя Святослава.

Строки 304—306. *Не ваю ли злачеными шеломы пó крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкаютъ, акы тури, ранены...* — Вплоть до конца 60-х гг. это место не было разъяснено учеными. В первом предложении имеется эллипсис (пропуск), обусловленный стилистическими и эвфоническими (благозвучием) причинами, а именно: опущены слова, содержащиеся в следующем предложении (поэтому «поправка акад. В. Н. Перетца «Не ваю ли вои...» мне кажется недопустимой). Неясен был творительный падеж «злачеными шеломы» — разновидность творительного падежа образа действия (в особом значении — творительного меры), что надо переводить «по шеломы золоченые». Неясно было, что слово «ранены» относится не к турам, а к слову «дружина». Неясно было значение глагола «плаваша». Глагол «плаваша» здесь означает не «плавали», а «шли» (ср. примеч. к стр. 76, 77, 85) или, может быть, «брели». В этом тексте говорится о поражении войск Рюрика и Давыда в 1177 г. из-за промедления Давыда (это разъяснил акад. Б. А. Рыбаков в 1966 г.). Однако в тексте речь идет не только о поражении, но и о храбрости и силе полков Рюрика и Давыда. Второе предложение является антитезой первому: несмотря на тяжкую кровавую битву, раненые дружинники «рыкаютъ, акы тури», то есть не теряют мужества, а готовы сражаться еще более упорно. Множественное число глаголов «плаваша», «рыкаютъ» и причастия «ранены» при собирательном существительном «дружина» характерная черта древнерусского язы-

ка, сохраняющаяся в фольклоре. Сравните, например, у А. С Пушкина в «Сказке о рыбаке и рыбке»:

Вкруг ее стоит грозная стража,
На плечах топорики держат.

Таким образом, в этом тексте мы встречаемся с самыми характерными особенностями языка древнерусской поэзии (см. стр. 102—103, 150—153, 254—258).

Строка 310. *Галичкы Осмомысле Ярославе!* — Тесть Игоря Святославича Ярослав Владимирович, князь галицкий (1153—1187), был после Всеволода наиболее могущественным князем. Галицкая земля стала независимой от Киева еще в 1098 г. Ярослав был крупным государственным деятелем, известен был своим красноречием. Все это и выразил автор «Слова» эпитетом «Осмомысл» (заботящийся одновременно о восьми различных делах). Но скорее всего термин «Осмомысл» — древняя калька (перевод) тюркского эпитета «восьмигранный», здесь — всесторонне развитый, одаренный, сверкающий многими сторонами своего таланта. В таком случае второй корень этого слова «мыс» — «угол», а **л** — суффикс (О. Сулейменов, Р. Сабиров).

Строка 311. *Высоко́ седи́ши на своемъ златокованнемъ столе...* — Галич был расположен на высоком холме. Словами «на златокованнемъ столе» автор отмечает богатство Галицкой земли.

Строка 312. *...горы Угорскыи...* — то есть венгерские горы (Карпаты). Карпаты служили границей между Венгрией и Галицкой землей.

Строка 313. *... заступивъ королеви путь...* — Автор «Слова» говорит здесь, по-видимому, о разгроме полков короля Венгрии Коломана под Перемышлем в 1098 г. дедом Ярослава Володарем и его братьями, а также о политике отца Ярослава — Владимирка (1141—1153). Что касается самого Ярослава, то он был в союзе с Венгрией. Этот союз был скреплен браком дочери Ярослава с венгерским королем Стефаном III (1161—1173).

...затворивъ Дунаю ворота. — Это выражение свидетельствует о признанном владычестве Ярослава над Подунавьем. Благодаря обладанию берегом Дуная у его устья Ярослав мог, по мнению автора «Слова», прекратить движение судов из Дуная в море. Ср. в «Задонщине»: «Замкни, государь князь великий, Оке реке ворота, чтобы потом поганые татаровя к нам не ездили» (список Ундольского). Ср. также слова Святослава по Ипатьевской летописи: «не воздержавше уности, отворища ворота на Русьскую землю».

Строка 314. *...меча бре́мены чрезъ облаки...* — В первом издании явная опечатка: «времены». Ярослав в стиле устной народной поэзии изображен здесь богатырем, который может бросать громады, клади, тяжести за облака. По-видимому, автор «Слова» образно изображает

движение караванов с товарами через Карпаты. Некоторые ученые полагали, что автор указывает здесь на наличие мощных камнеметов в войсках Ярослава.

Строка 317. *...отворяеши Киеву врата...* — «Отворять ворота» города — военный термин, означавший завоевать этот город. Здесь имеется в виду захват Киева в 1159 г. Ярославом в союзе с волынским князем Мстиславом Изяславичем, чем окончилась война с киевским князем Изяславом Давыдовичем из-за Подунавья. Это напоминание о том, что Ярослав сильнее киевских князей, возможно, косвенно говорит о личной независимости автора «Слова» от Святослава.

Строка 318. *...стреляеши съ отня злата стола салтани за землями.* — Германский император Фридрих Барбаросса (1174—1190) «около 1185 года... занят был важным делом — сборами в Палестину на героя Востока султана Саладина. Галичане вместе с венграми могли принять участие в походе, или по крайней мере вызываемы были... сильным соседом. Следовательно, с кем Барбаросса намеревался сражаться, это мог знать современный сочинитель Слова о полку Игореве. По смерти Осьмомысла сын его Владимир Ярославич доправил Галича в своей воли (т. е. сделался князем) по ходатайству Фридерика» (Дубенский Д. Указ. соч.). Крестовые походы (1-й — в 1096 г., 2-й — в 1147 г., 3-й — в 1190 г.) способствовали упадку Киева (вследствие изменения торговых путей) и обогащению и возвышению Галицкого княжества. Выражение подлинника «за землями» ясно свидетельствует о том, что автор «Слова» имеет в виду крестовый поход.

Строка 322. *А ты, буй Романе...* — Роман был сыном польской княжны, дочери Болеслава III Кривоустого, и Мстислава II Изяславича, которого из Киева выгнал брат Андрея Боголюбского, Глеб Юрьевич, в 1169 г. Во время создания «Слова о полку Игореве» Роман был князем владимиро-волынским. Волынское княжество граничило на западе с Польшей. Женат был Роман на дочери Рюрика Ростиславича (см. примеч. к стр. 302), приходился четвероюродным внуком Игорю. Становится ясно, что автор «Слова», обращаясь к князьям, имел в виду не только их могущество, но и принадлежность к колену рода. Как государственный деятель Роман проявил себя позже создания «Слова». Слава его впоследствии распространилась по всей Европе.

...и Мстиславе! — Это, несомненно, двоюродный брат Романа. Мстислав, князь Пересопницкий (Пересопница — город на Волыни, недалеко от Луцка), участник похода на половцев в 1184 г. В Галицко-Волынской летописи упоминается о любви его к Роману. Эта любовь окрепла в их совместных походах на Литву, ятвягов, деремелу и половцев (см. «Слово о полку Игореве», стр. 323—340). Явно неверно предположение А. В. Соловьева, что Мстислав — это Мстислав Всево-

лодович Городенский, князь пограничной западной области. В тексте ясно обрисован один из волынских князей, сподвижник Романа. Мстислав Городенский не был из рода Владимира Мономаха и приходился Роману четвероюродным дедом. Вряд ли возможна была какая-либо особая близость между этими князьями.

Строки 327—328. *Суть бо у ваю железныи папорзи подъ шеломы латинскими.*— «Папорзи» — очевидно, то же, что «паперси», или «паперсьци», — нагрудники, панцири. Ср. в хронике Георгия Амартала: «на красоту же ему и на лепоту медяны обручи прекова и мнози паперсьци». Автор «Слова» образно говорит здесь о волынских воинах, одетых в тяжелые западноевропейские доспехи.

Строки 329—330. *...и многи страны — хинова́, литва, ятвя́зи, дереме́ла и половци.:.* — Кроме половцев, здесь перечисляются племена народностей Прибалтики, с которыми воевали Роман и Мстислав. Упоминанием «хиновы», то есть гуннов, автор, по-видимому, гиперболизированно обозначил вообще врагов русских княжеств.

Строки 329—331. *...многи страны... су́лици своя повръгоша...* См. также стр. 343. — «Су́лицы» — особый род коротких копий, предназначенных для метания, то есть дроты.

Строка 336. *...по Рси и по Сули грады поделиша...* — Рось — правый приток Днепра. По Роси были расположены пограничные укрепленные города. Ряд их был расположен также и по реке Суле (см. примеч к стр. 52 и 294).

Строка 339. *Олговичи, храбрыи князи, доспели на брань!* — Под Ольговичами здесь понимается группа князей, отправившихся в поход с Игорем. Несомненно, что автор «Слова» говорит здесь об Ольговичах с великой печалью, слышится намек на их поражение. «Доспети» — сделать что-либо ранее («уже сделать»).

Строка 340. *Инъгварь и Всеволодъ и вси три Мстиславичи...*— Предполагалось со времен Н. М. Карамзина, что здесь речь идет только о трех князьях, чему немало способствовал следующий эпитет «шестокрилци». Правильно утверждение Вяземского и Огоновского (1876), что «все три Мстиславича» — это упомянутый в предыдущем обращении Роман Мстиславич и его братья Всеволод и Святослав, княжившие на Волыни. Огоновский пишет: «...про третьего же, Мстислава, вспоминает поэт выше». Таким образом, это обращение является продолжением обращения к волынским князьям, оттого далее упоминается их польское оружие («сулицы ляцкии» — см. примеч. к стр. 343).

Строка 341. *...не худа гнезда шестокрилци!* — Автор «Слова» говорит о волынских князьях, что они «не худа гнезда», так как все волынские князья были потомками сына Владимира Мономаха (и его отца, Всеволода I), Мстислава Великого (умер в 1132 г.), достойно поддержавшего, по мнению творца «Слова», славу своего отца и деда.

Ф. Я. Прийма (вслед за Н. М. Дылевским) указывает: «Сокол шестокрылый» — это выработанная в веках формула восхваления человека». (Прийма Ф. Я. Гнездо «шестокрылых соколов». — Молодая гвардия, 1975, № 12, с. 288). Если принять во внимание «шестиголовую скиллу» и шестируких великанов греческой мифологии, а также «коня шестинога, пса шестоморда да сокола шестокрыла» русской сказки, становится ясным, что они порождены еще мифологией первобытного человека, связанной с какими-то магическими представлениями о числе «шесть» (удвоенное магическое число «три»).

Строка 342. *Не победными жребии собе власти расхытисте!* — «Князья делили между собой волости жребиями... Певец Игоря именно это хотел сказать, что Мстиславичи стали князьями своих волостей как законные наследники, а не как завоеватели, «не жребиями побед стяжали волости себе» (Дубенский Д. Указ. соч.).

Строка 343. *Ко́е ваши златыи шеломы и су́лицы ляцкии и щиты?* — «Ко́е» — «к чему же», «для чего». (См. примеч. к стр. 322.)

Строки 347—348. *Уже бо Сула не течетъ сребреными струями къ граду Пере́яславлю, и Двина болотомъ течетъ онымъ грознымъ полочаномъ подъ кликомъ поганыхъ* — то есть реки Сула и Двина замутнены вследствие непрестанных войн, переходов войсками рек вброд. Мутная вода в реках в устном народном творчестве символизирует печаль. Города по Суле в дни написания «Слова» были разорены половцами, а селения по Двине — набегами литовских племен. Город Полоцк стоит на Двине, а Переяславль, на что обратил внимание исследователей «Слова» Д. С. Лихачев, расположен не на Суле, а значительно севернее.

«Переводить это место следует, — говорит Д. С. Лихачев, — не «ко граду Переяславлю»... а «для града Переяславля». Пограничная со степью Сула не служит для него уже более защитой...» (Лихачев Д. С. Указ. соч., с. 448—449).

Строка 349. *...Изяславъ, сынъ Васильковъ...* — Эта строфа «Слова» и следующая посвящены судьбам Полоцкой земли и ее князьям. Над Полоцкой землей в XII в. висела непрестанная угроза от крепнущих, объединяющихся литовских племен. Между тем в Полоцкой земле не прекращались усобицы князей, потомков Всеслава Брячиславича (1044—1101), о Всеславе — см. примеч. к стр. 369—393. Автор «Слова» говорит здесь о героически погибшем в бою князе, который один выступил на борьбу с «погаными» и не был поддержан братьями, занятыми усобицами (см. примеч. к стр. 356).

Строка 351. *...притрепа славу деду своему Всеславу.* — Точный перевод слова «притрепа» — «прибавил». Автор «Слова» в изложении исторических фактов XI в., видимо, пользовался только устными рассказами. Именно они донесли до него добрую славу о Всеславе, из

летописей ее почерпнуть было бы трудно: Всеслав неоднократно был зачинщиком войн против Ярославичей, то есть других князей Киевской Руси, потомков Ярослава Мудрого.

Строка 353. *...притрепанъ литовскыми мечи...* — Только глагол «приласкать» передает правильный смысл игры слов, которая, несомненно, имеется в оригинале в стр. 351—353 в поэтических переводах: «поверг», «повержен». Что же касается действий Изяслава, то он не уничтожал славы Всеслава, не умалял, а только поддержал ее.

Строка 354. *...и с хотию на кровати рекъ...* — Здесь мы видим образ, часто встречающийся в фольклоре, а именно изображение смертного ложа как брачного. «В одной из лучших великорусских песен, — говорит М. Максимович, — «Уж как пал туман на сине море», русский воин говорит коню своему:

Ты скажи моей молодой жене,
Что женился я на другой жене —
На другой жене, мать — сырой земле.
Что за ней я взял поле чистое,
Нас сосватала сабля острая.
Положила спать калена стрела».

(Максимович М. А. Лекции по русской словесности. Собр. соч., т. III. Киев, 1880, с. 526).

Строка 356. *Не бысть ту брата Брячяслава, ни другáго — Всеволода.* — Брячислав и Всеволод, занятые усобицами, не помогли в боях с литовцами своему брату Изяславу Васильевичу, и он, один выступив в бой с «погаными», погиб. Князь Изяслав Васильевич летописям неизвестен. Он, «по нашему мнению, — говорит историк Полоцкой земли В. Е. Данилевич, — был сыном полоцкого князя Василька Святославича. Основанием такого мнения для нас, кроме его отчества, служит указание «Слова» на то, что у него были братья Брячислав и Всеволод. Из летописи известны у Василька следующие сыновья: Всеслав, Брячислав и Володша... можно с большой достоверностью отождествлять летописного Володшу с Всеволодом «Слова о полку Игореве», принимая во внимание, что из летописи известен у Володши брат Брячислав» (Данилевич В. Е. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV ст. Спб., 1896, с. 130).

Строки 358—359. *...пониче веселие, трубы трубятъ Городеньскии.* — В знак траура по князю горожане затрубили в трубы. Из текста «Слова» явствует, что Изяслав, во-первых, был князем Полоцкой земли и, во-вторых, был князем городенским. Но о каком именно городе говорится здесь, остается неясным. Современный город Гродно был центром Городенского княжества, но это самостоятельное княжество на-

ходилось во владении Ярославичей. Прав В. Е. Данилевич, который пишет: «На западной границе Полоцкой земли... находилось упоминаемое в «Слове о полку Игореве» *Городно* или *Городен,* в котором княжил Изяслав Василькович. Видимо, это был один из крайних пунктов на литовском порубежье. Местоположение этого города неизвестно. Оно может быть приурочено к городищу около деревни Городец, Лепельского уезда, около которой есть также озеро Княже и гора Церковище» (Данилевич В. Е. Указ соч., с. 26 и 258).

Строки 360—368. *Ярославе и вси внуци Всеславли!* — С. К. Шамбинаго вслед за П. Вяземским в 1934 г. указал: «Ярослав — несомненно Ярослав Всеволодович Черниговский». Текст здесь совершенно ясен, поправка, которую ввел, например, Н. Маньковский в 1915 г. («Ярославличи и внуци Всеславли»), не нужна. Подобные поправки основательно осудил в 1952 г. Л. А. Дмитриев: «Обращаясь ко всем русским князьям, автор не мог им сказать: «уже понизите стязи свои, вонзите свои мечи вережени»; кроме того, в конце XII в. потомков Ярослава называли не Ярославичами, а Ольговичами и Мономаховичами; затем фраза ниже: «вы бо своими крамолами начяста наводити поганыя на землю Рускую, *на жизнь Всеславлю»* могла быть обращена лишь к какой-то группе князей, а не ко всем русским князьям, в данном случае к полоцким князьям, так как говорится о Всеславе» (Дмитриев Л. А. Слово о полку Игореве. Л., Советский писатель, 1952, с. 280. (Библиотека поэта. Большая серия). Автор «Слова» здесь вспоминает недавние для него события 1181 г. В тот год Ярослав Черниговский и Игорь, призвав орды половцев, действуя против смоленских князей, Ростиславичей, по договоренности со Святославом, идущим на юг, из Новгорода, направились в Полоцкую землю против союзника смоленских князей Глеба Друцкого, причем все остальные полоцкие князья — Всеслав Васильевич Полоцкий, его брат Брячислав Витебский, Всеволод и др., призвав полки литовцев и ливов, присоединились к Ярославу. Возможно, в этот год и погиб Изяслав Васильевич. Автор «Слова» сурово осуждает Ярослава и всех полоцких князей (не выделяя Глеба) и говорит, чтобы они опустили стяги и мечи, покрытые только позором («вережени»). О роли Святослава и Игоря в развертывании этих событий автор «Слова» умалчивает, согласно задачам своего произведения, явной идеализации деяний Святослава и Игоря.

Строка 369. *На седьмомъ веце Трояни...*— См. примеч. к стр. 47.

Строки 369—393. *Всеславъ.* — О Всеславе Брячиславиче, внуке Изяслава Полоцкого (Изяслав — старший сын Владимира I от Рогнеды), были сложены легенды еще, по-видимому, при его жизни. Летопись говорит о нем с осуждением. Однако население городов Полоцкой земли и Киева относилось к нему с сочувствием. Это сочувствие отра-

зилось в «Слове», в котором автор передает в поэтической форме эпизоды из жизни Всеслава, не придерживаясь хронологического порядка. Всеслав явился зачинщиком междоусобиц, видимо сочтя несправедливым решение Владимира I, что полоцкие князья должны ограничиться своим Полоцким княжеством. Но внутри Полоцкой земли при нем усобиц не было. В 1067 г. Всеслав захватил Новгород и подверг его грабежу. Против него выступили братья Изяслав, Святослав и Всеволод Ярославичи. На реке Немиге 3 марта 1068 г. произошла битва, в которой победили Ярославичи, им удалось захватить Всеслава и заточить его в темницу («поруб»). Но затем произошло нападение на Переяславское княжество половцев, войска Ярославичей были разгромлены, и половцы стали опустошать Киевскую землю. Киевляне потребовали у Изяслава выдать им оружие и коней, в чем Изяслав отказал им. Тогда киевляне восстали, освободили Всеслава и провозгласили киевским князем. Изяслав бежал в Польшу. Весной 1069 г. польский князь Болеслав II с войском вместе с Изяславом двинулся на Киев. Всеслав выступил навстречу и остановился в Белгороде. Предвидя поражение, Всеслав ночью тайно бежал от киевлян в Полоцк, откуда его вскоре выгнал Изяслав. В 1071 г. Всеслав вернул себе Полоцкое княжество, до 1083 г. продолжались его войны с Ярославичами, в 1077—1083 гг. — с Владимиром Мономахом. Умер Всеслав в 1101 г.

Строка 369. *...връже Всеслав жребий о дѣвицю себе любу.* — Споры в Киевской Руси нередко разрешались жребием (см. в тексте стр. 342 и примеч. к ней). Киев достался Всеславу совершенно случайно, как доставалась де́вица по жребию. Автор «Слова», следуя за легендой о Всеславе, характеризует его как человека, наделенного колдовской силой. Свой рассказ о нем он начинает с самого удивительного и с самого значительного эпизода из жизни Всеслава.

Строка 370. *Тъй клюка́ми по́дпръся о́ кони, и скочи́ къ граду Кыеву...* — Это место в тексте считалось «темным». Разъяснил этот текст Д. С. Лихачев в 1950 г.: «Всеслав пришел к Киевскому княжению в результате восстания киевлян, потребовавших у киевского князя Изяслава коней и оружия... Этим-то требованием киевлян коней и воспользовался Всеслав» (Лихачев Д. С. Указ. соч., с. 455—456). Всеслав пробыл киевским князем всего семь месяцев.

Строка 371. *...и дотчеся стружиемъ злата стола Киевскаго.* — Объяснение слова «стружие» см. в примеч. к стр. 106. Автор «Слова» образно говорит здесь о случайном и непрочном положении Всеслава в качестве князя киевского, к тому же очень непродолжительном.

Строка 372. *Скочи отъ нихъ лютымъ зверемъ въ плъночи изъ*

Белаграда... — Здесь «отъ нихъ» означает «от киевлян»... «Лютым зверем» — волком.

Строка 373. *...обесися сине мъгле...* — Правильно объяснил это выражение А. К. Югов: Всеслав перенесся на облаке.

Строка 374. *...утръ же вознзи́ стри́кусы...* — Слово «стрикусы» — несомненный германизм. И. Снегирев и А. Потебня производили это слово от древненемецкого strit-ackes или strid-ax(t) — боевые секиры, эти формы зафиксированы в XV в. Форма «стрикусы» из древненемецкого слова «стритаксы» совершенно закономерно сложилась благодаря переходу «т» в «к» по ассимиляции (уподоблению), последующего выпадения «к» перед «с», образования промежуточной формы «стрикасы» и перехода «а» в «у» вследствие диссимиляции (расподобления). Ср. образование формы «Овлур» из «Лавор» с перестановкой согласных и перехода «о» в «у»: «Овлор» — «Овлур» (см. примеч. к стр. 430). В 1948 г. американский ученый Р. Якобсон, поддержанный еще некоторыми учеными, предложил принять за основу ошибочное написание писца екатерининской копии и разделил текст копии иначе на слова: «утрьже вазни с три кусы», перевод: «урвал счастья с три клока» или «урвал счастье в три попытки». Этот текст противоречит стилю памятника, его образам и его ритмике. В рассказ о Всеславе, написанный в высоком поэтическом стиле, врывается, по Якобсону, явный вульгаризм. «Утрь же» здесь логически следует за «скочи ...въ плъночи» (стр. 372). Думается, что при толковании текста нельзя отрываться от стилистической системы и поэтической формы памятника.

...отвори врата́ Нову́граду... — Здесь рассказывается эпизод, бывший за полтора-два года до бегства Всеслава, то есть события 1067 г.

Строка 375. *...разшибе славу Яро́славу.* — Ярослав Владимирович (Мудрый) по 1016 г. был князем новгородским. Таким образом, Новгород — это «слава Ярослава».

Строка 376. *Скочи́ вл̂ъкомъ до Немиги съ Дудутокъ.* — Согласно Карамзину, Дудутки — местечко близ Новгорода, где ещё в его время был монастырь, называвшийся «на Дудутках».

Строка 377. *На Немизе снопы стелютъ головами, молотятъ чепи́ харалужными...* — Речка Немига, как полагают некоторые ученые, была притоком реки Свислочи, позднее она высохла и забылась. Битва на реке Немиге дается автором «Слова» в образах земледельческих работ, как это нередко встречается в устной народной поэзии. Творительный падеж «головами» разъяснил в 1878 г. А. А. Потебня как «творительный вещества, из коего что-либо делается» (Потебня А. А. Слово о полку Игореве. Текст и примечания. 2-е изд. Харьков, 1914, с. 125).

Строки 381—383. *Всеславъ князь людямъ судяше, княземъ грады*

ряд́яше, а самъ въ ночь вл́ъкомъ ры́скаше... — «Люди» — свободные жители городов и сел, «вообще простолюдины». Всеслав «обещал, — говорит академик М. Н. Тихомиров, — непосредственно руководить судопроизводством, а не передавать его своим тиунам. Этого позднее добивались восставшие киевляне в 1146 г.» (Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955, с. 100). Быстрота передвижения Всеслава, имеющая реальную основу, дается автором «Слова» в поэтических, сказочных образах.

Строка 384. *...изъ Кыева дори́скаше до куръ Тмуторокана...* — «До куръ» — до пения петухов, до рассвета. Здесь мы имеем неразложимое выражение, наречие «докуръ». Слово «Тмутороканя» является не определением к слову «куръ» (как поняли это О. Сулейменов и Н. Баскаков), а дополнением в беспредложном обороте «дорискаше Тмутороканя». Автор «Слова» говорит здесь как будто бы о том, что Всеслав во время своего семимесячного княжения в Киеве был в Тмуторокани. Невероятно, чтобы летопись не отметила этого факта, но в летописи нет никаких сообщений об этом. Правильно вслед за А. Потебней пишет Л. А. Дмитриев: «Тмуторокань здесь названа лишь как очень дальнее место, чтобы показать, какое огромное расстояние Всеслав мог пробежать за ночь». (Дмитриев Л. А. Указ. соч., с. 282).

Строка 385. *...великому Хр́ъсови влъкомъ путь прерыскаше.* — *Хорс,* Дажьбог — бог Солнца в славянской языческой мифологии, изображался в виде светлогривого коня (ср. англ. horse — конь), сестры его — русалки. Много названий рек и сел в Восточной и Центральной Европе происходит от наименования этого божества, например в Чехословакии и Югославии. Следует заметить, что по-венгерски слово «русский» звучит «orosz», в Венгрии имеется город Oroszvar и множество сел с подобными названиями. В СССР — реки Рось, Руса, Рша, города и села — Орша, с. Оршанское, с. Росо-Мох, Россошь, Старая Русса, Русаново, Русановка и т. п. Востоков указывает, что в «Златоструе» по списку XVI в. словом «русалия» (из «хръсалия») переведено греческое hippodromía (конные состязания). Множество русских обрядов, в которых играет роль изображение коня, связано с культом солнца. Особенно характерны обряды «вождения кобылки» на святках и масленичное катание. Русалкой в этих обрядах называется изображение коня. Конскому черепу, подкове приписывается предохраняющая сила. Следует указать также на изображение предохраняющего конька, как символа бога Хорса, на кровлях изб. А Фаминцын предполагает, что и племенное название «русичи» связано с именем этого божества, что вполне возможно, если вспомнить, что автор «Слова» русичей называет Дажьбожьими внуками. Образ в тексте означает, что Всеслав якобы мог делать путь из Киева до

Тмуторокани с наступления ночи и до восхода солнца. Образы быстрых передвижений связаны с фольклором.

Строки 386—387. *Тому въ Полотске позвониша заутренюю рано у святыя Софеи въ колоколы, а онъ въ Кыеве звонъ слыша.* — Этим поэтическим приемом автор «Слова» показывает пространственную огромность Руси и в то же время ее единство; таким образом, поэтический прием этот связан с основной идеей всего произведения — призывом к единению Руси. «Святая София» — церковь в Полоцке. Название ее знаменательно. Оно говорит о соперничестве полоцких князей с Киевом и Новгородом.

Строка 388. *Аще и веща душа...* — В данном контексте «веща душа» означает «душа колдуна».

Строка 392. *...ни птицю горазду...* — В. Жуковский и П. Вяземский полагали, что здесь имеется в виду «гораздый по птице», то есть в птицегадании, а стало быть, кудесник, провидец. Гадание по крику, полету, поведению птиц, их цвету при ловле и поимке было весьма распространено в старину.

Строка 393. ... *суда божиа...* — См. стр. 151 и примеч. к ней.

Строка 395. *Того стараго Владимира нельзе бе пригвоздити къ горамъ Киевскимъ!* — «Автор вспоминает, видимо, о могуществе Киевской Руси в «первые времена», в годы княжения Олега, Игоря, Святослава, «старого Владимира». Эта благодарная память о «первых князьях» нашла свое отражение и в летописи» (Творогов О. В. Слово о полку Игореве. Л., 1967, с. 519. (Библиотека поэта. Большая серия). Далекие победоносные походы Владимира I долго сохранялись в памяти народа. Основной идеей автора является единство Руси, поэтому он и говорит с горечью о современной ему эпохе. В прошлом он находит образец того, какой должна быть Русь — прежде всего единой.

Строки 396—398. *Сего бо ныне сташа стязи Рюриковы, а друзи́и — Давидовы; нъ розьно ся имъ хо́боты пашутъ...* — Автор писал «Слово о полку Игореве» под свежим впечатлением разорения Посемья Гзой и ранения Владимира Глебовича. Наиболее ярким следствием своеволия князей является гибель Римова из-за внезапного и немотивированного отказа Давида Ростиславича идти вместе с Рюриком и Святославом на помощь Владимиру (см. примеч. к стр. 294—295). В. П. Адрианова-Перетц пишет об этом: «Слова *сего бо ныне* подчеркивают, что их написал автор вскоре после события, представленного в этом образе врозь развевающихся знамен» (Адрианова-Перетц В. П.. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII веков. Л., Наука, 1968, с. 169). Стяги полков XII в. были широкими у древка и постепенно сужались к концу. Эти концы стягов назывались «хоботами». «Пашут» —

веют, развеваются. Прекрасный образ отсутствия единения между князьями.

Строка 398. *...нъ розьно ся имъ хоботы пашутъ, копиа поютъ!* — Это место, теперь разъясненное, в первой половине XIX в. считалось одним из самых затемненных (см. переводы в факсимиле и Жуковского). Заслуга разъяснения этого места принадлежит не ученому, а поэту, Л. А. Мею (в 1850 г.). Поправку Мея к тексту и его понимание текста принял в 1866 г. ученый Н. С. Тихонравов, и заслуга разъяснения была приписана ему. Очевидно, что слова «копиа поютъ» относятся к этому же тексту, то есть что копья поют у этих князей также розно (следует заметить, что копья при движении вибрируют и звучат). Этими словами кончается вторая часть «Слова».

Строка 399. *...Ярославнынъ гласъ слышитъ...* — Плачем Ярославны начинается третья часть. Автор переносит действие по неясным причинам в Путивль (Ярославна ждала Игоря в Новгороде-Северском. См. примеч. к стр. 404 и Приложение, описание похода 1185 г. Татищевым) и по времени несколько назад, к тем дням, когда происходила битва, когда Игорь был уже ранен. Евфросиния Ярославна, дочь князя галицкого (см. примеч. к стр. 310), вторая жена Игоря, на которой он женился за год до похода, в 1184 г., после смерти первой жены. В 1185 г. Ярославне было 16 лет. «Слышитъ» имеет значение не только «слышит», но и «слышится».

Строка 401. *«Полечю, рече, зегзицею по Дунаеви...* — Здесь наблюдается влияние на «Слово» народных песен. Река Дунай — традиционная река в народных песнях и былинах. Дунай долгое время притягивал воображение русичей как река былой родины (см. примеч. к стр. 167), по-видимому, обожествленная; вообще река — кормилица и защитница, любая благодатная река. Например в песнях:

Протекала Дунай-река
По городу по Киеву.

В былинах:

От красного града от Волынца
По привольной реке, по Дунаеви
Иде удал добрый молодец...
Ко святому граду ко Киеву.

Автор «Слова» подразумевает здесь под рекой Дунаем, по-видимому, бассейн Дона, реку Донец.

Строка 402. *...омочю бебрянъ рукавъ въ Каяле реце...* — В 1956 г. Н. А. Мещерский обнаружил, что слово «бебрянъ» имело два значения: «бобровый» и «шелковый», поскольку в Киевской Руси не было специального термина для обозначения шелковой ткани, а слово «бъбр» имело значение не только «бобровый мех», но и «шелк», «виссон», «тонкое полотно».

Строка 404. *Ярославна рано плачетъ въ Путивле на забрале...* — В житиях Бориса и Глеба и Феодосия Печерского «плакати» встречается в сочетаниях с глаголами «молити» и «глаголати» (обнаружено В. П. Адриановой-Перетц). Является загадкой, почему автор «Слова» счел лучшим вариантом произнести Ярославне свою языческую молитву в Путивле. Ярославна жила в Новгороде-Северском в хорошо укрепленном детинце (кремле). Новгород-Северский находится значительно севернее, чем Путивль. Для ее переезда в Путивль во время похода Игоря и после разгрома его войск не было никакого основания. Кроме того, у нас есть достоверное свидетельство, что Ярославна оставалась в Новгороде. Приходится выдвинуть предположение об особой любви и привязанности автора «Слова» к Путивлю, объясняемых, может быть, тем, что именно этот город является его родиной, потому-то самые поэтические строфы своей поэмы он посвятил Путивлю. Образ женщины, плачущей на городской стене в ожидании своего мужа, встречается в средневековых западноевропейских поэмах.

Строки 405—406. *О ветре, Ветрило! Чему, господине, нáсильно вееши?* — В плаче Ярославны автор использовал современные ему языческие моления и заклинания. В них ветер, Днепр, солнце представлялись божествами, оттого в плаче Ярославны в обращении к ним употребляется слово «господине». «Ветрило» — с увеличительным суффиксом — наименование собственно божества (ср. «Ярило»), ведь ветры — внуки Стрибога (см. стр. 124 и примеч.); им подвластны стрелы. Автор «Слова» высоко ценил с поэтической стороны языческие представления о природе и, видимо, сам, по крайней мере как поэт, проникнут был ими. Поскольку в Плаче Ярославны упоминаются факты, имевшие место в битве 1185 г., можно думать, что ветер действительно был неблагоприятным для русских.

Строка 407. *Чему мычеши хинóвьскыя стрéлкы на своею нéтрудною крилцю на моея лады вои?* (см. также стр. 205: *...смáгу, мычючи въ пламяне рóзе.)* Первые издатели «Слова» не стали задумываться над значением глагола «мыкати» и очень вольно перевели эти предложения. Это стало традицией особенно вследствие того, что основное значение глагола «мыкать» забыто. Так, в «Этимологическом словаре» А. Преображенского указано: «затруднительно в семазиологическом отношении». Другие значения этого глагола — «чесать» лен и «щипать» шерсть препятствовали исследователям «Слова» восстановить его основное значение. Срезневский в своем словаре отмечает: **«мыкати, мычу** — трепать, метать». Естественно, что в научных переводах даже последнего времени мы встречаем: «Зачем **мчишь** хиновские стрелы на своих легких крыльях на воинов моего милого?», «...огонь **раскидывая** людям в пламенном роге» (Гуд-

з и й Н. К. Слово о полку Игореве, М., Гослитиздат, 1955, с. 39, 43). «Зачем ты на своих легких крылышках **несешь** вражеские стрелки на воинов?.. огонь **разбрасывая** в пламенном роге» (Р ж и г а В. и Ш а м б и н а г о С. Слово о полку Игореве. Переводы и переложения. М., Гослитиздат, 1961).

Неправильный русский язык в переводах («огонь разбрасывая в... роге») свидетельствует о недопонимании переводчиками этих предложений. Что же означает глагол «мыкати», «мыкать»?

«**Мыкать** — это **взад и вперед** таскать или дергать» (Даль).

Глагол «таскать» в словаре Даля разъяснен следующим образом: «носить или волочить тяжести, переносить или перетаскивать». Естественно, что понимание основного значения глагола разъясняет и указанные предложения в «Слове» и выражение «горе мыкать».

Значения глагола «размыкать» в выражении «размыкать горе (тоску, печаль и т. п.) по белу свету» (рассеять — разнести), а также глагола «мыкаться» в любом тексте, как 1) скитаться и 2) носиться (суетиться), подкрепляют правильность указания значений слова «мыкать» в словаре Даля.

О слове «смага» см. в примеч. к стр. 203—205.

...хино́вьскыя стре́лкы — см. примеч. к стр. 258.

Строки 411—412. *«О Днепре Слову́тицю! Ты пробилъ еси каменныя горы...* — В украинских песнях Днепр нередко называется «Словутой», то есть славой. «Словутич» — сын славы (знаменитый, почитаемый). Днепр был любимейшей рекой людей Киевской Руси, с ним была связана слава их отцов и дедов. «Каменные горы» — днепровские пороги.

Строка 413. *...ты лелеялъ еси на себе Святославли насады до плъку Кобякова...* — Ярославна вспоминает о победоносном походе Святослава против половцев в 1184 г. (см. примеч. к стр. 227—228).

Строка 416. *«Светлое и тресветлое Слънце!* — Солнце «вопрошают как всевидящего и всеведущего бога о том, что происходит в далеких местах, молят о покровительстве и помощи в разных случаях, наконец, обращаются к нему с сетованиями и жалобами на недолю» (Ф а м и н ц ы н А. Божества древних славян. Вып. 1. Спб., 1884, с. 158). Об эпитете «тресветлое» см. примеч. к стр. 341.

Строка 419. *...Въ поле безво́дне жаждею имъ лучи съпряже́...* — Эта жалоба Ярославны полностью соответствует свидетельству Лаврентьевской летописи: «изнемогли бо ся бяху безводьемъ и кони и сами, в знои и в тузе (в плаче Ярославны — **«туго́ю имъ тули затче́»**) и поступиша мало (русских воинов) к воде, по три дни бо не пустили бяху ихъ к воде».

Строки 421—423. *Прысну море полу́нощи... Игореви князю Богъ путь кажетъ...* — Ярославна не напрасно обращала свои моленья к

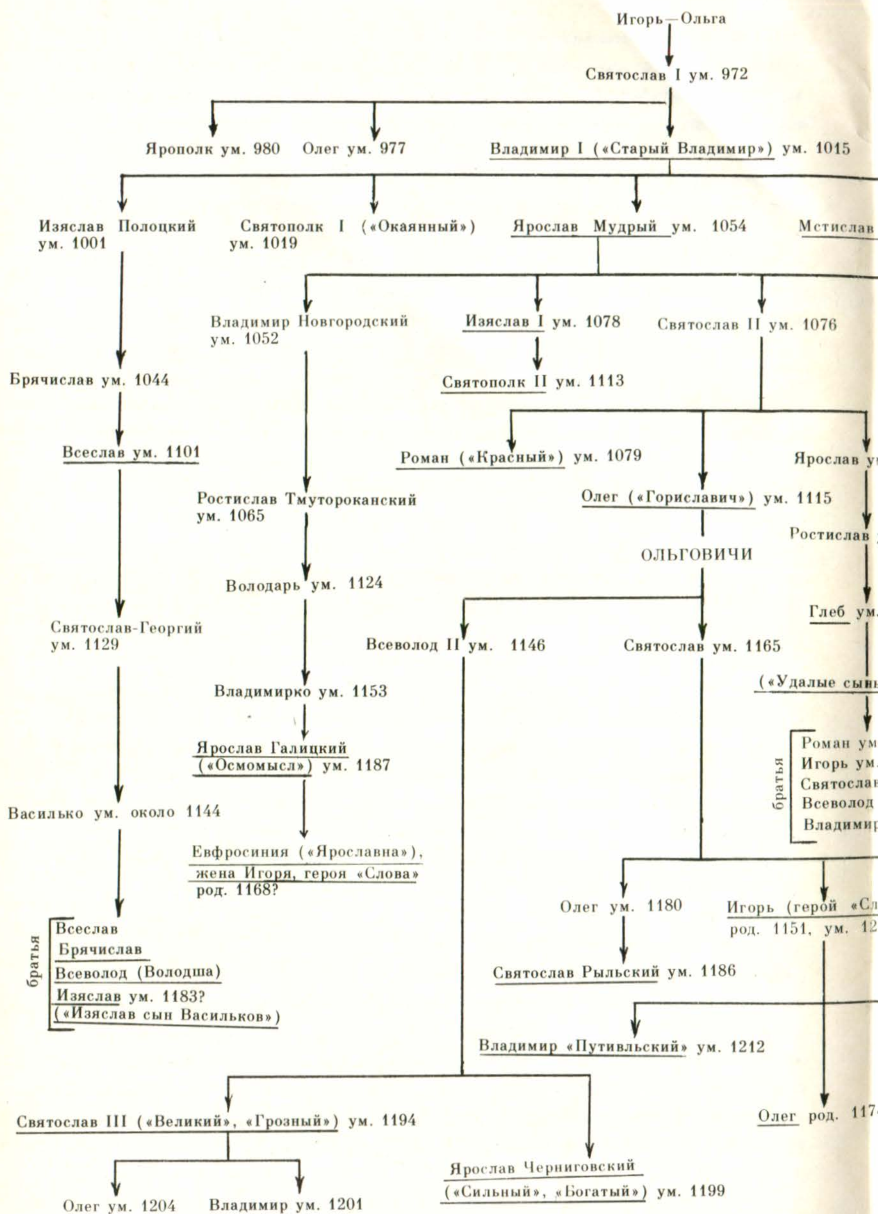
Днепру, ветру, солнцу и слала свои слезы «на море рано». Днепр донес ее слезы до моря. Бог — здесь все тот же языческий, а не христианский бог (А. Орлов), верховный бог Сварог — «родоначальник солнца... творец вселенной» (Фаминцын А. Указ. соч., с. 143—146). Солнцу, столь жестоко поступившему с русскими воинами и Игорем, противопоставляется полночь.

Строка 426. *Погасо́ша ве́черу зари.* — «Ве́черу» — дательный падеж принадлежности, нередко встречающийся в «Слове». Например, «утрпе **солнцю** светъ (стр. 334), «на **ладе** вои» (стр. 418), **«имъ** тули затче́» (стр. 420), а также «усобица **кня́земъ»** (стр. 196), «на бре́зе **синему морю»** (стр. 264) и др.

Строки 428—429. *Игорь мыслию поля меритъ отъ великаго Дону до малаго Донца.* — Под Доном здесь понимается центр Половецкой земли, под «малым Донцом» — правый приток Дона Северский Донец, в верховьях которого находился г. Донец, крайний восточный форпост Переяславского княжества. Выше г. Донца река Северский Донец была пограничной рекой этого княжества. Все эти слова и понятия — Дон, г. Донец, Северский Донец, естественно, четко различались в XII в. (см. Приложение).

Строка 430. *Комонь въ полу́ночи Овлу́ръ свисну за рекою...* — Овлур — русская народная форма имени Лавр. О нем см. в Приложении.

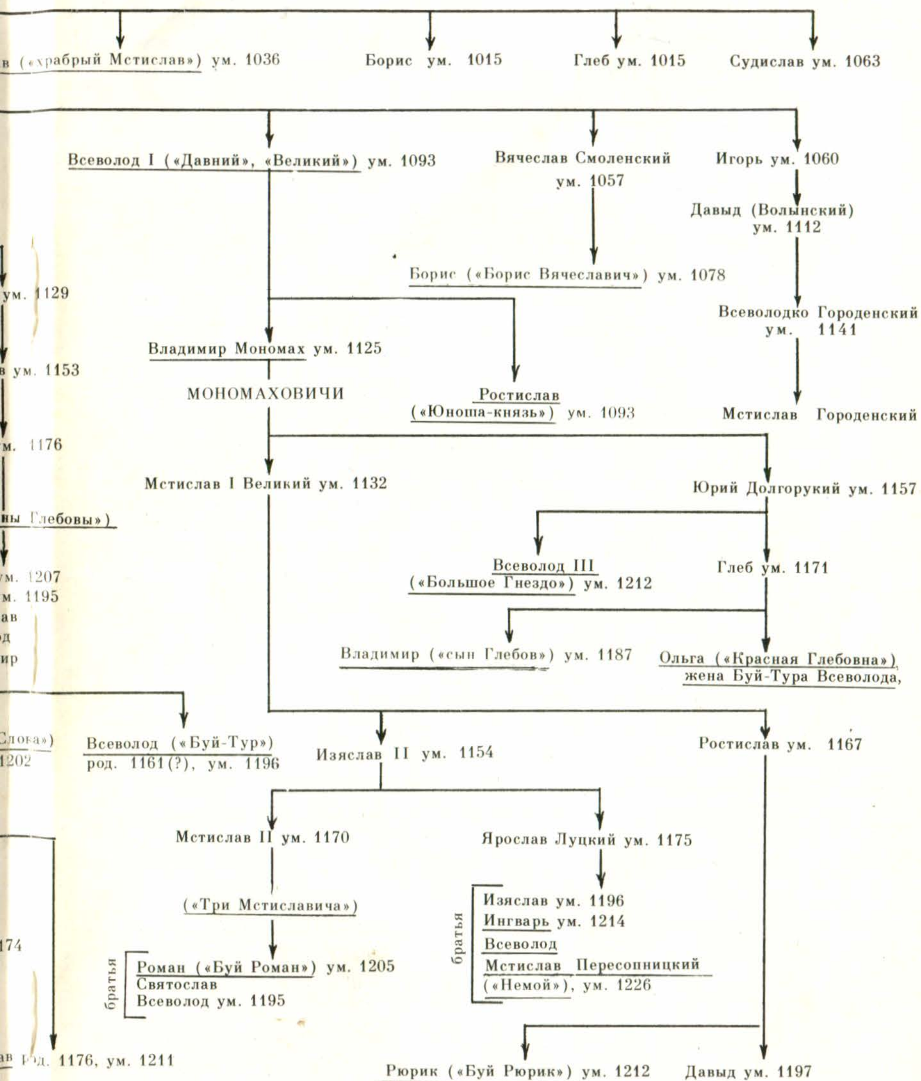
Строка 432. *«Князю Игорю не быть!» — кликну.* — Это место в тексте вызывало немало затруднений при попытках грамматического и смыслового разъяснения и перевода. Дубенский в 1844 г. полагал, что «не быть» является сокращенным «не быти» и перевел «Князя Игоря нет». Это понимание и перевод приняли С. Шамбинаго и В. Ржига (1934), Н. Гудзий (1938). Но при таком понимании остается неразъясненным дательный падеж «князю Игорю». А. С. Орлов переводил: «князю Игорю (понять) не пришлось». Я понимаю эти слова как слова Овлура. Грамматически это место в тексте разъясняется как безличное инфинитивное предложение, выражающее сильное желание, и с совершенно закономерным в этом случае дательным падежом («князю Игорю») при инфинитиве (см. примеч. к стр. 298). Побег князя Игоря дается в сказочно-языческих представлениях оборотничества. Ср., например, в сказках: «Иван-царевич ударился о сырую землю, сделался ясным соколом...» Я предполагаю здесь генетическое стилистическое родство с фольклором, в частности с народными заклинаниями. Выражение «Князю Игорю не быть!» сжато передает основную часть часто встречающейся формулы «отсыла» народных заклинаний: «тут тобі не бути», «тебе тут не быть» и т. п. Например: «Як этому лебедзю дзяцей не водзиць, так этым сурёцым тут ня быць». Подробнее об этом см. мою статью «Замечания к тексту



[1] Имена, упоминаемые в «Слове о полку Игореве», начиная от Владимира I («Старого»), подчеркнуты.

КРАТКАЯ ПОКОЛЕННАЯ РОСПИСЬ
князей до начала XIII века[1]

(составил В. И. Стеллецкий)



«Слова о полку Игореве» («Известия АН СССР ОЛЯ», т. XIV, 1955, № 2).

Строки 433—434. *Стукну земля, въсшуме трава, вежи ся половецкии подвизаша.* — Здесь изображается тревога в половецком стане вследствие бегства Игоря. Вежи представляли собой крытые повозки, кибитки; вежами назывался и постоянный стан, селение; под вежами понимались также (по метонимии) и жители веж, то есть кочевники. Стало быть, в тексте говорится о том, что половцы бросились (двинулись) в погоню (см. в библиографии труд Е. В. Барсова, т. III, 1890, с. 76).

Строка 438. *...и скочи́ съ него босымъ вл́ъкомъ...* — См. примеч. к стр. 244.

Строка 439. *... и потече́ къ лугу Донца...* — Слово «лугъ» в древнерусском языке означало любую низменную местность, хотя бы она заросла густым лесом. Здесь имеется в виду берег Донца, местами он был покрыт лесом.

Строка 446. *...претрьгоста бо своя бр́ъзая ко́моня!* — В Ипатьевской летописи подробнее говорится: «И иде пешь 11 денъ до города Донця». От Донца поныне сохранилось городище около с. Карачевки в 7 км от Харькова на высоком правом берегу реки Уды.

Строка 454. *...на своихъ сре́бреныхъ бре́зехъ...* — «Летом, когда берега Донца обмелевают, отложения... мели на отмелях и косах блестят как серебряные» (Лихачев Д. С. Слово о полку Игореве — героический пролог русской литературы, 1961, с. 85).

Строки 456—458. *...стрежаше его гоголемъ на воде, чайцами на струя́хъ, чрьнядьми на́ ветрехъ».* — Перечисляются наиболее чуткие речные птицы. «Перечисленные птицы должны были предупреждать Игоря о приближении людей, когда он во время бегства отдыхал...» (Шарлемань Н. В. Из реального комментария к «Слову о полку Игореве». ТОДРЛ, т. VI, 1948, с. 113).

Строка 459. *... не тако ли, рече, река Сту́гна: худу́ струю имея...* — Благодатному Донцу в «Слове» противопоставляется река Стугна, жадная и коварная. *Стугна* — правый приток Днепра, впадает в Днепр несколько ниже Киева, была пограничной рекой с половецкой степью.

Строка 462. *...у́ношу князя Ростислава затвори дне при темне березе.* — В летописи рассказывается, что русские весною 1093 г., потерпев поражение от половцев у г. Треполья и отступая, стали переправляться через Стугну. Во время этой переправы утонул Ростислав, младший брат Владимира Мономаха, которому в это время было 22 года.

Строки 469—472. *Тогда врани не гра́ахуть... поло́зие ползоша только.* — Птицы молчат, не желая выдать беглецов — таким образом

показано сочувствие и содействие природы побегу Игоря. Всеми учеными в настоящее время принимается прочтение Вс. Миллера «поло́зие». Он в 1877 г. выдвинул два возможных значения этого слова: 1) «полозы» — змеи и 2) птицы «ползики», или «поползни», отдав предпочтение второму. Эти птицы и теперь очень распространены в лесах СССР. А Потебня писал, что их «много в лесах над Донцом», а в старину, как указывает Брем, они были еще более распространены. Нетрудно заметить их пары в лесах, они действительно «ползают» по деревьям (движения их напоминают движения мыши). Принадлежат они к группе «настоящих певчих». Что «поло́зие» означает поползней, ясно из предшествующего перечня птиц. Такие перечни однородных существительных (в частности по четыре) встречаются еще несколько раз в «Слове», например: народов (см. стр. 231—232 и 330), военных трофеев (стр. 104—105), след., «поло́зие» — несомненно птицы, а не змеи, а «ползают» по деревьям только поползни. Указание, что «полозие ползоша только», то есть что они не стучали клювиками и не посвистывали, хорошо сочетается с указанием, что «галици помлъкоша, сороки не троскоташа» (см: Барсов Е. В. Указ. соч., ч. II. М., 1885, с. 287—288).

Строка 473. *Дятлове те́ктомъ путь къ реце кажутъ...* — «В степи... издали слышен стук, издаваемый дятлами. Понимая значение этого признака присутствия деревьев, а следовательно, и реки, Игорь во время бегства из плена легко находил путь к воде и зарослям, в которых можно укрыться» (Шарлемань Н. В. Указ. соч., с. 115).

Строка 474. *...соло́вии веселыми песньми светъ поведаютъ.*— Упоминание о соловьях здесь является лишь риторическим украшением. Хотя Игорь был в плену недолго, должно было пройти все же не менее трех-четырех месяцев. По описанию бегства Игоря в «Слове» ясно, что еще было лето (см. стр. 453—458). Бежал он, должно быть, в августе 1185 г. Несомненно, что побег Игоря послужил поводом для написания третьей части «Слова».

Строка 477. *...Соко́лича ростреляеве своими злачеными стрелами».*— «Соколич» здесь — отчество (подобно «Гориславичу»). Диалог между Кончаком и Гзой имеется и в летописи (см. Приложение).

Строки 480—484. *«...а ве соколца́ опу́таеве красною ди́вицею». И рече Гза къ Кончакови: «Аще его опутаеве красною де́вицею, ни нама будетъ со́кольца, ни нама красны де́вице...* — Кончак предлагает женить Владимира Игоревича на половчанке. Владимир действительно женился в плену на дочери хана Кончака и вернулся из плена в 1187 г. вместе с женой и ребенком (см. Приложение). На основании этого текста некоторые исследователи полагали, что третья часть «Слова» написана была лишь в 1187 г. Но возможно, Игорь привез известия о сыне и ясную надежду, что его сына Кончак отпустит

из плена. По-видимому, Игорь и Кончак договорились об этом браке еще в 1180—1181 гг., когда они были союзниками в междоусобной войне.

Строка 486. *Рекъ Боянъ и Ходына Святъславль...* — Неразъясненное место в «Слове». В попытках разъяснения его мы вступаем в область гипотез. В настоящее время почти все ученые считают, что здесь упоминается другой песнотворец *Ходына.* Автор подводит итоги своего произведения и придает особое значение следующему далее изречению (см. примеч. к стр. 489—490). Из текста «Слова» явствует, что его автор знал лично Бояна, столь живо им обрисованного, иначе возражение творца «Слова» против тематики песен Бояна было бы беспредметным, нелогичным. Спорить можно с чем-то еще актуальным, памятным, но никак не с давнопрошедшим, которое автор к тому же идеализирует. В. П. Адрианова-Перетц пишет: «Автор «Слова» хорошо помнит Бояна» (Указ. соч., с. 51).

Поскольку Боян, следовательно, не мог быть песнотворцем Святослава II Ярославича, умершего в 1076 г., я отношу слово «Святъславль» (внося поправку в текст екатерининской копии: вместо «Святъславля» — «Святъславль») только к Ходыне. Было бы странно одно изречение (см. стр. 489—490) приписывать двум «товарищам», как предлагает ростовский ученый И. Д. Тиунов. Но можно предполагать, что автор «Слова» хотел подчеркнуть давность важнейшей идеи поэмы тем, что эта идея восходит еще к учителю Бояна — Ходыне, возможно, песнотворцу Святослава Ярославича.

Строка 487. *...песнотворца стараго времени...*— Здесь, так же как в вступлении, автор «Слова» говорит не о том, что Боян и Ходына жили в старые времена, а о том, что они воспевали эти времена; «песнотворца» — двойственное число.

Строка 488. *...Ярославля, Ольгова, коганя хоти...*— Здесь неясными остаются слова «коганя хоти». Коган — титул владыки у хазар и дунайских болгар, коганом назван и Владимир I в «Слове о законе и благодати» Илариона, произведении первой половины XI в. Ярослав — это Ярослав Мудрый. «Старое время Ольгово», по нашему мнению, — эпоха князя Олега Вещего (882—912); «Коганя хоти», то есть «время жены когана» — время правления княгини Ольги (945—957), жены и вдовы киевского князя Игоря (912—945). Автор ведь вспоминает «пръвую годину и пръвыхъ князей» (стр. 394), о могуществе и единстве Руси «в первые времена», то есть в годы княжения Олега Вещего, Игоря, княгини Ольги, Святослава, Владимира I (980—1015). Олег и Ольга — два древних русских правителя, с которыми связаны наиболее значительные предания глубокой старины.

Строки 489—491. *«Тяжко ти, голове кромѣ плечю, зло ти, телу*

кроме́ головы» — Руской земли безъ Игоря. — Не совсем ясно, где кончается изречение, не было ли создано оно в связи с убийством князя Игоря Рюриковича деревлянами в 945 г. и применено творцом «Слова» к Игорю Святославичу, или здесь мы имеем гиперболу, созданную под влиянием величальных песен.

Строка 494. *Де́вици поютъ на Дунаи...* — С рекой Дунаем связаны были радостные представления. О Дунае см. также примеч. к стр. 313 и 401.

Строка 496. *...Игорь едетъ по Бори́чеву...* — Боричев взвоз в Киеве, упоминаемый в летописях, был дорогой, проложенной от днепровской пристани и нижней части города, Подола, на гору, к центру города, к тому месту, где в X в. стояло изображение Перуна, а во второй половине XII в. возвышалась церковь богородицы Пирогощей.

...къ святей богородици Пиро́гощей. — Церковь в Киеве, заложенная в 1131 г. князем Мстиславом Владимировичем. Получила название от иконы богородицы Пирогощей (от греч. pürgótissa — башенная). Она была привезена из Константинополя вместе со знаменитой иконой, позже названной «Владимирской богоматерью», находящейся в настоящее время в Третьяковской галерее.

Строка 497. *Страны ради, гради весели.* — Здесь слово «страны» означает села, деревни, поселки. Ср. стр. 329.

Строка 498. *Певше песнь...* — Автор назвал свое произведение вначале «слово» и «повесть», но создал его «старыми словесами», то есть по традиционной форме песен Бояна. Здесь слово «песнь» тем более уместно, что далее идет возглашение славы (стихи величальных песен).

Строка 504. *Кня́земъ слава а дружине!* — Союз «а» в древнерусском языке мог иметь не только противительное значение, как в современном русском языке, но и соединительное. Переводить, стало быть, следует: «Слава князьям и дружине».

Строка 505. *Аминь.* — Слово заимствовано из греческого языка. Означает «истинно», «да будет так». Ставилось в конце древнерусских литературных произведений. Возможно, приписка переписчика.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

1. Маркс К. Письмо к Энгельсу 5 марта 1856 г. — В кн.: Маркс К и Энгельс Ф. Сочинения, 2-е изд., т. 29. М., 1962, с. 16.

2. Барсов Е. В. Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. I—III, М., 1885—1890.

3. Барсов Е. В. Слово о полку Игореве. Лекции, читанные московским рабочим. М., 1904.

4. Орлов А. С. Слово о полку Игореве. М.—Л., 1938, 2-е изд., 1946.

5. Слово о полку Игореве. Сб. статей под ред. И. Г. Клабуновского и В. Д. Кузьминой. М., 1947.

6. Слово о полку Игореве. Под ред. В. П. Адрианович-Перетц. М.—Л., 1950. («Литературные памятники»).

7. Слово о полку Игореве. Сб. исслед. и статей. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.— Л., 1950.

8. Слово о полку Игореве. Вступит. статья, ред. текста, досл. и объясн. пер., примеч. Д. С. Лихачева. Гравюры В. А. Фаворского и М. И. Пикова. М.—Л., 1952. («Школьная библиотека»).

9. Слово о полку Игореве. Вступит. статья Л. А. Дмитриева и В. Л. Виноградовой. Подгот. текста и коммент. Л. А. Дмитриева. Л., 1952. («Библиотека поэта. Большая серия»).

10. Слово о полку Игореве. Вступит. статья, ред. текста, прозаич. пер. и примеч. Н. К. Гудзия. Поэтич. пер. и примеч. к нему В. И. Стеллецкого. М., 1955.

11. Слово о полку Игореве в иллюстрациях и документах. Сост. О. А. Пини. Под ред. Д. С. Лихачева. Л., 1958.

12. Слово о полку Игореве. Поэтические переводы и переложения. Под общей ред. В. Ржиги, В. Кузьминой и В. Стеллецкого. М., 1961.

13. Слово о полку Игореве — памятник XII века. Сб. статей. М.—Л., 1962.

14. Слово о полку Игореве. Древнерусский текст и переводы. Вступит. статья, ред. текстов, прозаич. и поэтич. пер., примеч. к древнерус. тексту и словарь В. И. Стеллецкого. Стихотворн. переложение и пояснения к нему Л. И. Тимофеева. М., 1965.

15. Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Сост. В. Л. Виноградова. Вып. 1—5. М.—Л., 1965—1978.

16. Слово о полку Игореве. Вступит. статья Д. С. Лихачева. Сост. и подгот. текстов Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. Примеч. О. В. Творогова и Л. А. Дмитриева. 2-е изд. Л., 1967. («Библиотека поэта. Большая серия»).

17. Адрианова-Перетц В. П. Слово о полку Игореве и памятники русской литературы XI—XIII веков. Л., 1968.

18. Рыбаков Б. А. Слово о полку Игореве и его современники. М., 1971.

19. Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве», М., 1972.

20. Лихачев Д. С. Слово о полку Игореве. Историко-литературный очерк. М., 1976.

21. Осетров Е. Мир Игоревой песни. М., 1977.

22. Лихачев Д. С. Слово о полку Игореве и культура его времени. Л., 1978.

23. Менгес К. Г. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве», Пер. с англ. А. А. Алексеева. Л., 1979.

Содержание

Слово о полку Игореве: Древнерусский текст и
С48 переводы/Сост., вступит. статья, подготовка древнерусского текста и коммент. В. И. Стеллецкого; Ил. Владимира Носкова.— М.: Сов. Россия, 1981.—288 с., ил.— (Сокровища дневнерус. лит.).

Выдающийся памятник древнерусской литературы представлен в настоящей книге факсимильным воспроизведением первого издания его в 1800 году, древнерусским текстом в современном его прочтении, а также избранными поэтическими переводами и переложениями (В. А. Жуковского, А. Н. Майкова, Н. А. Заболоцкого, В. И. Стеллецкого, Л. И. Тимофеева).

Книга подготовлена известным переводчиком «Слова о полку Игореве» и исследователем древнерусской поэзии В. И. Стеллецким.

С $\frac{70301-178}{М\text{-}105(03)81}$ 115—80 4702010100 **РФ**

Сокровища древнерусской литературы

Слово
о полку
Игореве

Редактор **Э. Смирнова**
Художественный редактор **Г. Шотина**
Технические редакторы **Л. Самсонова** и **Л. Чуева**
Корректор **Л. Конкина**

ИБ № 1952

Сдано в набор 09.02.81 г. Подписано в печать 11.09.81 г. Формат 84×108/32. Бумага мелованная офсетная № 1. Гарнитура обыкновенная новая. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,12. Уч.-изд. л. 17,23. Тираж 100 000 экз. Зак. № 754. Цена 2 р. 60 к.
Изд. инд. ЛХ-126.

Издательство «Советская Россия» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, 103012, пр. Сапунова, 13/15.
Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.